

1672 · 1735 гг.

ББ.30408
Б Б03

БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА АЛТАЯ

В. Б. БОРОДАЕВ
М. А. ДЕМИН
А. В. КОНТЕВ

РАССКАЗЫ
ПО ИСТОРИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

КОМИТЕТ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БАРНАУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ
АЛТАЙСКИЙ КРАЕВОЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ
КРАЕВОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ

В. Б. БОРОДАЕВ

М. А. ДЕМИН

А. В. КОНТЕВ

**РАССКАЗЫ
ПО ИСТОРИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

**УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**

•

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1672 — 1735 годы

БАРНАУЛ

ПИКЕТ

1997

Редактор Г. Безруков

Бородаев В. Б., Демин М. А., Контев А. В.
Б 48 **Рассказы по истории Алтайского края: Учебное пособие для сред-
ней школы. — Часть I. — Барнаул: Пикет, 1997. — 224 с.**

Книга рассказывает о поисках золотых, серебряных и медных месторождений в Сибири во времена Петра I, о начале заселения русскими людьми алтайских предгорий, о роли Акифия Никитича Демидова и его современников в освоении рудных богатств Алтая. Хронологически первая часть охватывает период с 1672 по 1735 год.

Расчитана на школьников старших классов, студентов и учителей истории, а также на тех, кто интересуется историей Алтайского края.

На обложке: Поселок Колывань Курьинского района Алтайского края. Здесь сохранились плотина и пруд бывшего Колывано-Воскресенского завода А. П. Демидова, построенного на реке Белой в 1728—1729 гг. Слайд А. А. Полякова.

Б 0503020200—97

ББК 63.3(2Р53—4Ал)4

ISBN 5-89637-004-0

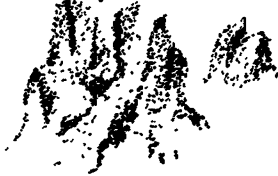
© В. Б. Бородаев, М. А. Демин,
А. В. Контев, 1997

© Красное государственное
издательство «Пикет», 1997
Оформление

«Славный Алтай Камень... восхожде-
дения вверх неделю, також и низ-
хождение неделю. Безводно искони
Богом создан, во основании главою
всех великих рек: Иртыша, Оби, Ени-
сею, Селенги, китайской Корги, ин-
дейской Ганга, и калмытских в на-
личии многих рек, и путь до Китай...»

Из «Чертежной книги Сибири»
С. У. Ремезова (1701 г.)

Камень
Великий Алтай
мнат Главѣ его
Быти донѣси

ОТ АВТОРОВ

Алтай. Этим звучным словом была когда-то названа обширная горная страна в центре Азиатского континента¹.

В калейдоскопе тысячелетий одни народы, населявшие Алтайские горы, уступали место другим; здесь звучала разноречивая речь и жили несхожие по сво-

ему расовому типу племена. С течением столетий многократно видоизменялись границы расположенных на Алтае тюркских и монгольских средневековых государств. Сейчас эта горная страна поделена между Монголией, Россией, Казахстаном и Китаем (рис. 1).

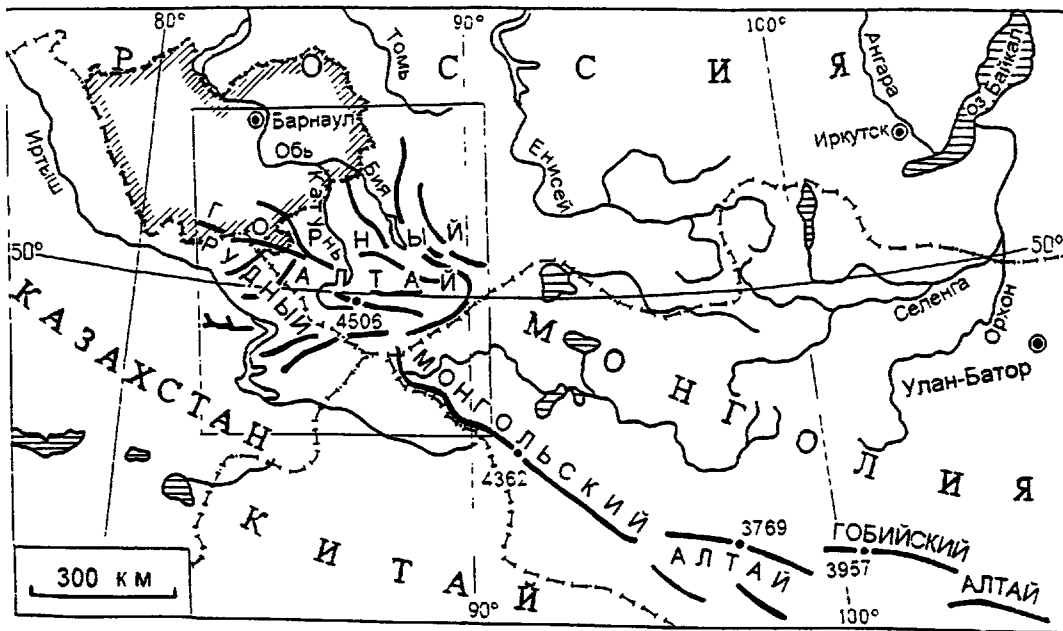

Рис. 1 Горная страна Алтай
На территории России контуром обозначена современная граница Алтайского края.
Выделенная рамкой территория показана на рис. 2.

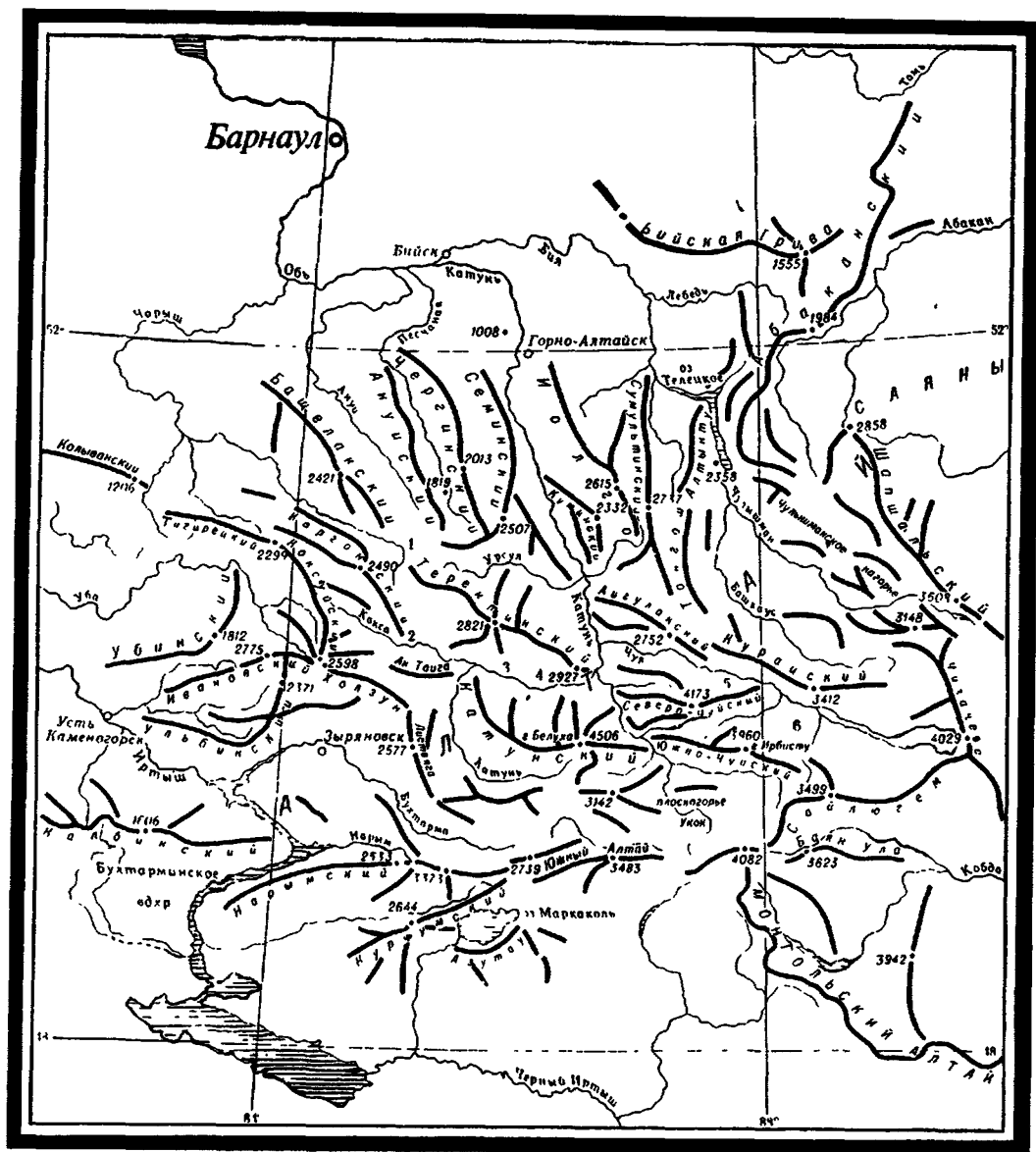

Рис. 2. Карта хребтов Горного и Рудного Алтая.

По особенностям рельефа географы различают Гобийский Алтай, находящийся на крайнем юго-востоке горной системы, Монгольский Алтай, протянувшийся по ее центральной части, и лежащий северо-западнее Горный Алтай со знаменитой вершиной Белухой (4506 м) — наивысшей точкой Алтайских гор.

В начале нашего века геологами стал выделяться Рудный Алтай. С юго-запада этот сравнительно небольшой район горной страны ограничивает река Иртыш, с северо-востока хребты Горного Алтая: Листвяга, Холзун, Коксуйский, более низкий Тигирецкий и, наконец, Колыванский, который постепенно теряется в степных равнинах (рис. 2). Границы Рудного Алтая определяются геологами по особенностям горных пород, прежде всего по их возрасту, а его название связано с обилием здесь полиметаллических руд (меди, цинка, свинца) и руд драгоценных металлов². Однако следует подчеркнуть, что подобные месторождения известны и на соседних с Рудным Алтаем территориях.

В середине XVIII века, когда из алтайских недр получили промышленное серебро, на территории Русского Алтая был создан особый административный район (впоследствии превратившийся в горный округ), центром которого стал Барнаул. По названию первых медеплавильных заводов горный округ стал именоваться Колывано-Воскресенским, а с 1834 года — Алтайским. К началу нашего века он занимал обширную территорию от Усть-Каменогорска на юге почти до Томска на севере (рис. 3). Сюда входили Алтайские горы и Салаирский край, Предалтайская и Кулундинская равнины,

Приобское плато и Барабинская низменность.

В первые послереволюционные десятилетия земли упраздненного горного округа оказались разделенными между новыми административными районами советского государства. Проведенные в 1920-х годах границы отсекали от некогда единого образования несколько частей, которые сейчас в России входят в состав Новосибирской, Кемеровской областей и Республики Хакасия, а в Казахстане — в Восточно-Казахстанскую и Семипалатинскую области.

На значительно сократившейся территории бывшего горного округа в 1937 году образовали Алтайский край, включивший Горно-Алтайскую (Ойрот-Туринскую) автономную область. В 1991 году права этой автономии расширились, она была провозглашена самостоятельной республикой в составе России и вышла из краевого подчинения. Теперь Алтайский край почти не захватывает ту горную страну, от которой он получил свое наименование (рис. 1).

Со временем Алтаем стали называть всю территорию, попавшую в границы края — и Приобский бор с его вековыми соснами, и Кулундинскую степь с солеными озерами, и даже часть Салаирских гор (рис. 4).

Такое употребление древнего имени «Алтай» географически неверно, оно связано только с современным административным названием. На самом деле горы Алтая занимают лишь небольшую часть территории нашего края. Его юго-восточная граница пересекает Коргонский, Башчелакский, Ануйский, Чергинский и Семинский хребты; южные рубежи проходят по Коксуйскому и Тигирецкому хребту, и только Колы-

КАРТА
АЛТАЙСКАГО ОКРУГА
Масштаб 185 в 4 дюйма.

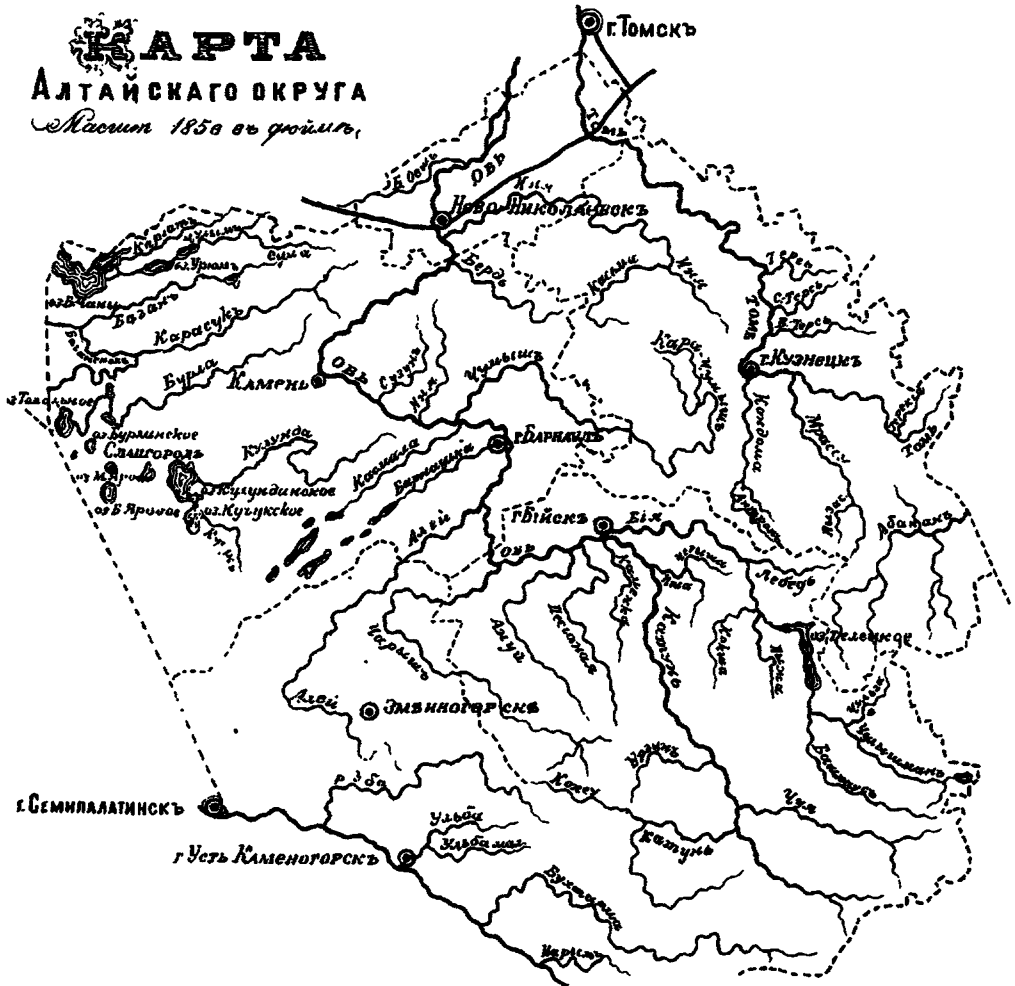

Рис. 3. Алтайский горный округ. Типографская карта начала XX века.

ванский хребет полностью расположен в пределах Алтайского края.

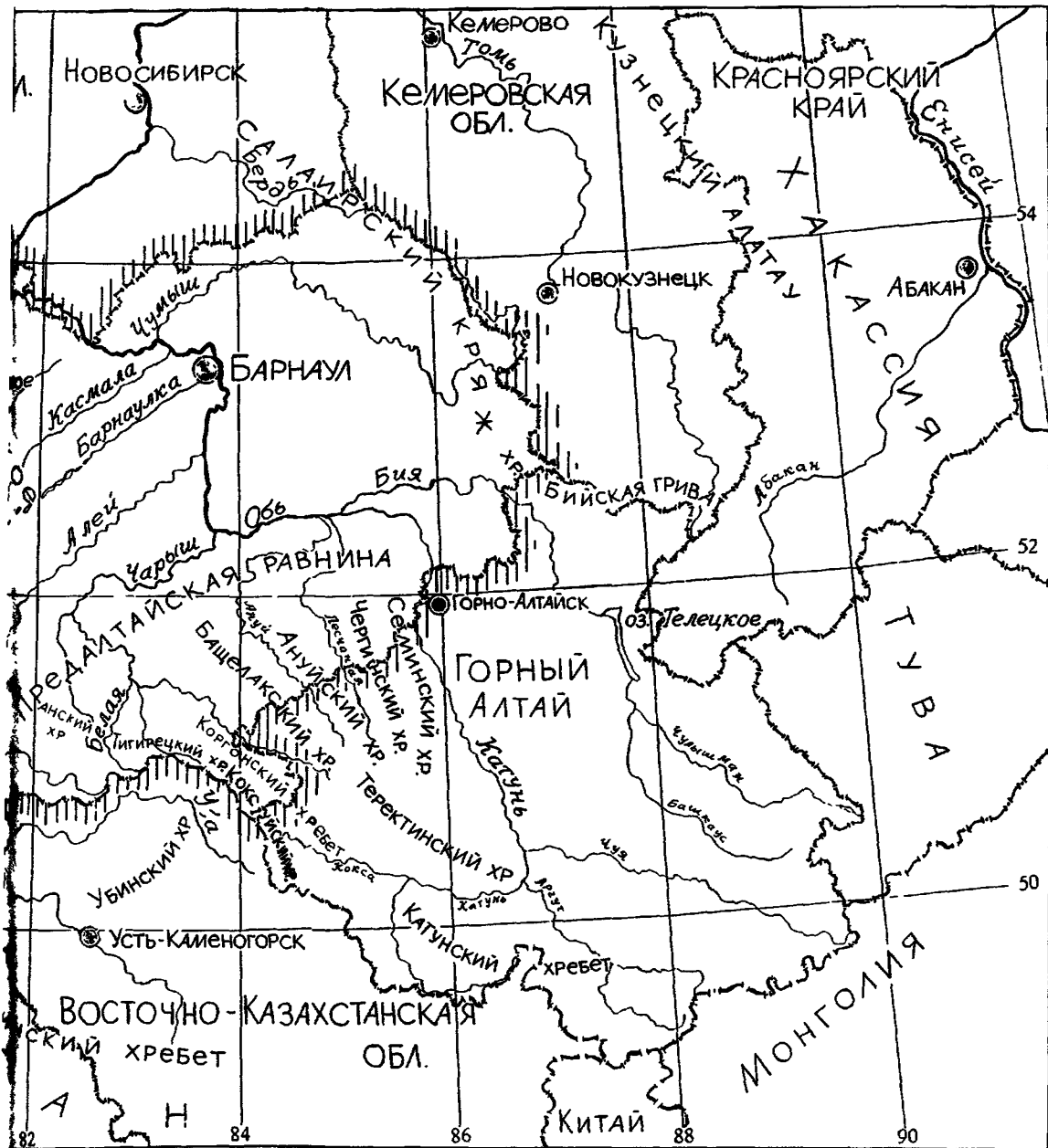
Сравнительно небольшой и очень невысокий, Кольванский хребет с его вершиной — горой Синюхой (1206 м) овеян легендами, сложенными крестьянами и мастерами в XVIII веке. Здесь, в верховьях речки Локтевки, была найдена русскими рудознатцами в 1720-х годах медная руда, в Кольванских горах построил Акинфий Никитич Демидов свой первый медеплавильный завод, а в 1743 году его мастера начали выплавлять алтайское серебро.

Книга, которую вы раскрыли, посвящена демидовскому периоду освоения алтайских недр. В нем все еще немало «белых пятен» и спорных вопросов, не все загадки, рожденные историей, удалось разгадать. Вместе с тем об этом начальном этапе разработки Российским государством алтайских руд сохранилось достаточно много документальных свидетельств. Именно на их основе мы пытались построить свое повествование.

В тех случаях, когда в тексте цитируются архивные материалы и литературные источники, приводимые отрывки заключены в кавычки, а пояснения авторов (там, где они необходимы) помещены в квадратных скобках внутри цитаты. Все даты в книге даны по старому стилю. Для их перевода в новый стиль можно воспользоваться «Таблицей пересчета дат», приведенной в приложении 2. Для некоторых памятных событий такой пересчет уже сделан, поэтому указывается двой-

Рис. 4. Алтайский край в 1996 году.

ная дата: сначала по старому стилю, затем (в круглых скобках) — по новому.

Чтобы облегчить читателю понимание текста, книга дополнена таблицей старых мер длины и веса (приложение 4), списком горных чинов, существовавших в России в первой трети XVIII века (приложение 5) и специально составленным словарем терминов и понятий, встречающихся в тексте (приложение 6). Географические объекты, о которых идет речь, можно найти на карте России (приложение 1) и на многочисленных чертежах, помещенных на страницах книги.

Авторы выражают глубокую благодарность за предоставленные материалы

и консультации А. Д. Сергееву, А. П. Уманскому, Ю. С. Булыгину и Я. Е. Кривоносову. Мы признательны сотрудникам Государственного архива Алтайского края и Алтайского краевого краеведческого музея за помощь, оказанную при создании учебного пособия, а также фотографу С. И. Пирогову, мастерство которого помогло нам проиллюстрировать эту книгу.

Надеемся, что в дальнейшей работе нам окажутся полезными ваши отзывы и критические замечания, которые можно прислать по адресу: 656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55, Лаборатория исторического краеведения.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Долгий путь к сокровищам
сибирских недр*

ОТ ПЕРВЫХ МОНЕТ ДО ПЕРВОЙ РУДЫ (X—XV века)

Драгоценные металлы выполняли функции денег задолго до того, как из них начали чеканить монету. Золото и серебро стали мерилем стоимости уже в первобытную эпоху. Однако тогда использовались в качестве денег и другие ценности, чаще всего меха и скот. Известно, что в тех землях Древней Руси, где добывалась пушнина, средством платежа нередко служили шкурки пушных зверей (например, белок). Истоком такой традиции была меновая торговля, зародившаяся в глубокой древности.

Наряду с мехами в древнерусском государстве широко использовались в торговых сделках и настоящие деньги, отчеканенные из благородных металлов. Древнейшим монетным металлом славян было серебро. В виде иноземных монет или их мелких обрезков, ценность которых определялась на вес, серебро обращалось у них еще до возникновения первых государств. Слово «сребро» для славян долго оставалось синонимом «денег». Золото в виде иностранной монеты редко

появлялось в древнерусских землях. Этот металл использовался в основном для производства драгоценных ювелирных изделий и почти не выступал в роли платежного средства.

Вплоть до конца X века все употреблявшиеся на Руси монеты были иностранными, в основном в обращении находились серебряные восточные монеты арабской чеканки. Их достоинство определялось весом и пробой драгоценного металла¹.

Первые русские монеты появились около тысячи лет тому назад. Их кратковременная чеканка началась при знаменитом киевском князе Владимире Святославиче (980—1015)*. Известность воспетого в былинах Владимира Красно Солнышко связана прежде всего с принятием христианства в Киевской Руси, усилением культурных связей с Византией и с удачной обороной южных границ от кочевников-печенегов.

Согласно римско-византийской традиции, одним из главных выражений са-

* Здесь и далее в тексте в скобках указаны годы правления монарха

Рисунок на шмуцтителе:

Эмблема царства Сибирского на печати Ивана Грозного (с документа 1583 года).

модержавной власти правителя являлся выпуск монеты с его именем. Видимо, желая подчеркнуть прочность своей власти, великий киевский князь, по примеру византийских императоров, отчеканил собственные серебряные и золотые монеты — «сребреники» и «златники». На первых имелась надпись: «Владимир на столе [престоле], а се его сребро», на вторых сообщалось, что «се его злато» (рис.5). Однако и серебро и золото Владимира Святославича были привозными. В его землях драгоценные металлы не добывались, их приходилось выменивать в соседних странах на меха и другие товары.

Рис. 5. Златник киевского князя Владимира Святославича. Чеканка конца X века

На лицевой стороне в центре изображение великого князя, сидящего на троне; по кругу надпись: «ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО ЗЛ[а]ТО». На обороте по образцу золотых византийских монет изображен Иисус Христос с книгой в руке; по кругу надпись: «ИСУСЕ ХРИСТ[о]СЬ».

Помимо Владимира Святославича свою серебряную монету в XI веке чеканили и некоторые другие древнерусские князья. Известны сребреники сына Владимира — Ярослава Мудрого (1019—1054) врсеи его княжения в Новгороде. Вместо портрета князя на таких сребрениках выбивался лик христианского покровителя Ярослава — святого Георгия, о чем свидетельствовала надпись по-

гречески (рис. 6). Присутствие на первых русских монетах изображений Иисуса Христа и святого Георгия подчеркивало приверженность славянских князей новой государственной религии — христианству.

Чеканка собственной монеты в Киевской Руси была очень недолгой, к середине XI века она прекратилась. В употреблении вновь оказались исключительно иностранные монеты, в основном западноевропейские, а с середины XII века на протяжении почти двух с половиной столетий в истории русского денежного обращения существовал так называемый

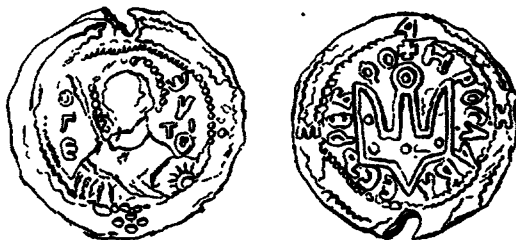

Рис. 6. Сребреник Ярослава Мудрого. Отчеканен во время его княжения в Новгороде в начале XI века.

На лицевой стороне изображен святой Георгий; по обе стороны от него надпись на греческом языке: «СВ ГЕОРГИО[с]». На обороте в центре выбит так называемый «тресзубец» — родовой знак Рюриковичей, точное значение которого до сих пор не выяснено; по кругу надпись по-славянски: «ЯРОСЛАВЛЕ СЪРЕБРО»

«безмонетный» период. Оплата крупных сделок тогда производилась с помощью массивных серебряных слитков — «гривен»; для мелких платежей опять широко использовалась пушнина, в качестве денег могли выступать и другие неметаллические изделия (например, стеклянные бусы)².

Возобновление собственной чеканки происходит в Московской Руси в 1370-х

Рис 7 Серебряная денга московского князя Дмитрия Ивановича Донского. Чеканка 1370-х—1380-х годов.

На лицевой стороне в центре схематичное изображение человека с секирой и мечом; вокруг в рамке текст по-русски: «КНЯЗЬ ВЕЛ[и]КИ[й] ДМИТ[р]И[й]». На обороте по образцу монголо-татарских монет того времени выбито на арабском языке «СУЛТАН ТОКТАМЫШ ДА ПРОДЛИТСЯ»

годах при князе Дмитрие Ивановиче (1359—1389), который позднее за победу на Куликовом поле над многотысячным войском Мамай получил прозвище Донской. Самостоятельная чеканка великого князя Дмитрия Ивановича, без сомнения, свидетельствовала об укреплении мощи молодого московского государства.

Указывая на лицевой стороне собственной монеты свое имя и титул, московский князь в то же время был вынужден на обороте помещать надпись на арабском языке, восхвалявшую золотоордынского хана Тохтамыша (рис. 7). Эта надпись подчеркивала все еще зависимое положение московского правителя от ханов Золотой Орды. Так возникли русско-татарские монеты с двуязычными русско-арабскими надписями, выпускавшиеся в конце XIV—XV веках.

В Золотой Орде подобная серебряная монетка называлась *д е н г а*, отсюда чеканенную на Руси стали именовать *д е н г а*. Новое слово быстро вошло в русский язык и вскоре породило собирательное понятие «деньги»³. Как и древнерусские монеты, денги московских князей чеканились исключительно из привозного се-

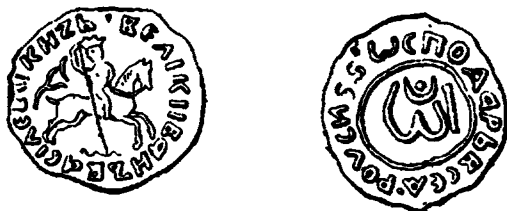

Рис. 8. Серебряная денга московского князя Ивана III.

Чеканка второй половины XV века.

На лицевой стороне в центре изображен «московский герб» — всадник, поражающий копьём змея, вокруг текст «ИВАНЪ ВАСИЛЕВ[и]ЧЪ». На обороте в круглой рамке выбито по-арабски имя Ивана III - «ИВАНЪ», окруженное русским текстом: «[г]ОСПОДАРЬ ВСЕЯ РОУСИ».

ребра: в предлах Московской Руси руд драгоценных металлов тогда просто не было.

Первую попытку найти в своих владениях золотую и серебряную руду предпринял правнук Дмитрия Донского Иван III (1462—1505), при котором Русь окончательно освободилась из-под гнета монголо-татарских ханов. Его серебряные денги все еще иногда бывали двуязычными, но арабская надпись на обороте уже не прославляла золотоордынского хана, а являлась простым переводом русского имени московского князя (рис. 8). На лицевой стороне монет Ивана III обычно чеканился всадник с саблей в руке и лишь изредка — с копьём. Позже, во времена Ивана Грозного, изображение конного воина-копейщика на русских серебряных монетах стало традиционным, а сами они начали называться копейками⁴.

В годы правления Ивана III в зависимость от «государя всея Руси» попали народы, населявшие в XV веке земли, прилегавшие с запада к Уралу. Как только владения московского князя достигли Уральских гор, он понял

реальную возможность обнаружения здесь месторождений серебра и золота, столь необходимых для чеканки собственной монеты.

В 1488 году Иван III обращался к венгерскому королю, чтобы тот «... прислал бы к нам мастеров... которой руду знает золотую и серебряную, да которой бы руду умел и разделить с землею, занеже [поскольку] в моей земле руда золотая и серебряная есть, да не умеют ее разделить с землею». Тогда же для найма специалистов горного дела Иван послал за границу находившихся на его службе

Рис. 9. Великий князь Иван III (1440—1505)*, государь всея Руси. Гравюра из книги XVI века

греков — братьев Дмитрия и Мануила Лариевых (Ларчевых)⁵.

Неизвестно, что ответил венгерский король на просьбу московского князя, но в 1490 году, отправляя к германскому императору посольство во главе с греком Юлием Траханиотом, Иван Васильевич вновь поручал послам: «...Добывати им великому князю мастеров: рудника, которой руду знает золотую и серебряную, да другога мастера, которой умеет от земли разделить золото и серебро». В том же году Дмитрий Лариев вернулся в Москву с нанятыми заграничными специалистами, на следующий год еще двух иностранных мастеров привез его брат Мануил⁶.

Как свидетельствует одна из русских летописей, в марте 1491 года «великий князь Иван Васильевич послал на Печору руды искать Ивана да Виктора, ...да грека Михаила Лариева сына»⁷. Речь здесь впервые шла о поиске серебряной руды. Грека Мануила Лариева летописец называет на русский манер Михаилом, а под именами Ивана и Виктора попали в его повествование два других иностранных специалиста. По некоторым сведениям, это были «немцы Онтоний да Виктор» — немецкие горные мастера, нанятые послом Траханиотом⁸.

«И тот же осени пришли они с Печоры и сказали великому князю: руду нашли медную». Залежи удалось обнаружить в верховьях реки Цильмы, притока Печоры⁹.

В следующем 1492 году Иван III вновь послал «Мануила Иларисва сына Грека * [Мануила Лариева], да с ним детей боярских... с мастера из Италии се-

* Здесь и далее в подписях под рисунками даются годы жизни исторических персонажей.

Тогомъ мѣрѣ, кнѣзьский ялчичъ
Теплѣй оверѣи. Нѣгомъ и оверѣи.

Рис. 10. Чеканка новых серебряных монет в Москве в середине 1530-х годов. Миниатюра из русской летописи XVI века.

ребра делать и меди на реке на Цильме». Это летописное сообщение, приведенное известным русским историком Н. М. Карамзиным, позволяет предполагать, что руда, найденная на Урале в 1491 году, помимо меди содержала и серебро. Вместе с Мануилом Лариевым на Цильму было отправлено 340 рабочих «чтобы руду копать». Однако промышленная разработка месторождения так и не началась¹⁰.

С тех пор русские правители уже не сомневались, что в их земле «руда золотая и серебряная есть», и предпринимали неоднократные попытки получить собственное серебро с помощью искусных иноземных мастеров.

Так, в 1556 году Иван IV Грозный (1533—1584) приказывал искать в Новгороде немцев, знающих серебряную руду¹¹.

К этому времени подвластным русскому царю стало Сибирское ханство, лежащее далеко на востоке, за Уральскими горами.

ПОВЕЛИТЕЛЬ «ВСЕЯ СИБИРИ» (XVI век)

Русские летописи впервые упоминают «Сибирскую землю» под 1406 годом. Это государство возникло на части территории Западной Сибири в результате распада империи Чингисхана. В XVI веке Сибирское ханство простиралось от восточных склонов Уральских гор до среднего течения реки Оби. Территория современного Алтайского края лежала за пределами его границ. В Верхнем Приобье тогда кочевали тюркоязычные племена, о которых не сохранилось практически никаких летописных свидетельств.

В 1552 году под ударами русских войск пало Казанское ханство. Взятие Казани стало крупной военной победой Ивана Грозного, наглядно показавшей восточным соседям рост мощи русского государства.

Правившие в «Сибирской земле» братья Едигер и Бекбулат, опасаясь другого претендента на престол — хана Кучума, сына бухарского правителя, решили искать поддержку в Москве у победителя Казани. В 1555 году их послы просили Ивана IV, чтобы он «всю землю Сибирскую взял в свое имя, и от сторон

Рис. 11. Подвластные народы приносят дань правителю Сибирского ханства. Миниатюра из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, созданной в 1697—1702 гг. Главным богатством, которым славилось Сибирское ханство, были меха ценных пушных зверей. Поэтому дань своему правителю сибирские народы платили преимущественно пушшиной. Наиболее высоко ценился мех соболя. Не случайно в дальнейшем именно этот зверек стал для русских символом Сибири

ото всех заступил [защитил], и дань свою на них наложил». Вскоре Иван Грозный прибавил к своим титулам еще один: «вся Сибирская земли и северныя страны повелитель»¹².

Рис. 12. Царь Иван IV Грозный (1530—1584).
Портрет XVI века.

Русское подданство не помогло Едигеру и Бекбулату в их борьбе с Кучумом. В 1563 году он захватил власть и первоначально отказался от уплаты дани московскому царю. Через шесть лет Иван Грозный напомнил Кучуму, что прежний хан Едигер «с Сибирской земли со всей каждый год дань к нам присылал». Русское посольство вернулось в 1571 году вместе с посланцами Кучума, которые везли в Москву традиционную дань в тысячу соболей. Кроме мехов Кучум

отправил Ивану Грозному грамоту с заверениями своей верности и готовности платить дань по-прежнему¹³.

Прибытие послов Кучума произошло в тяжелое для Москвы время: в 1571 году она подверглась нападению и была сожжена отрядами крымского хана Девлет-Гирея.

Когда весть о разорении русской столицы дошла до Кучума, он, почувствовав слабость московского царя, отказался от своих недавних обязательств и, наоборот, сам попытался обложить данью соседние народы Приуралья, подвластные Ивану Грозному.

Летом 1573 года вооруженные отряды сибирского хана перешли через Уральские горы и совершили набег на восточные окраины Московской Руси¹⁴. Фактически это означало новый разрыв даннических отношений с московским повелителем «всей Сибири». Помимо стремления обогатиться за счет приуральских народов, целью похода 1573 года была разведка подступов к крепостям известных солепромышленников Якова и Григория Строгановых¹⁵.

Без государева приказа братья Строгановы не посмели преследовать появившееся около их вотчины сибирское войско. Они сообщили о набеге в Москву и просили у Ивана Грозного разрешения защищаться от отрядов Кучума «и обиды бы своя им мстить». В ответ 30 мая 1574 года Грозный пожаловал Строгановым право охранять от набегов сибирских ханов уральские народы, платившие дань русскому царю. По-прежнему считая себя правителем «всей Сибири», царь разрешил Строгановым строить крепости на реках Тоболе, Иртыше и Оби в пределах Сибирской земли; имать в этих

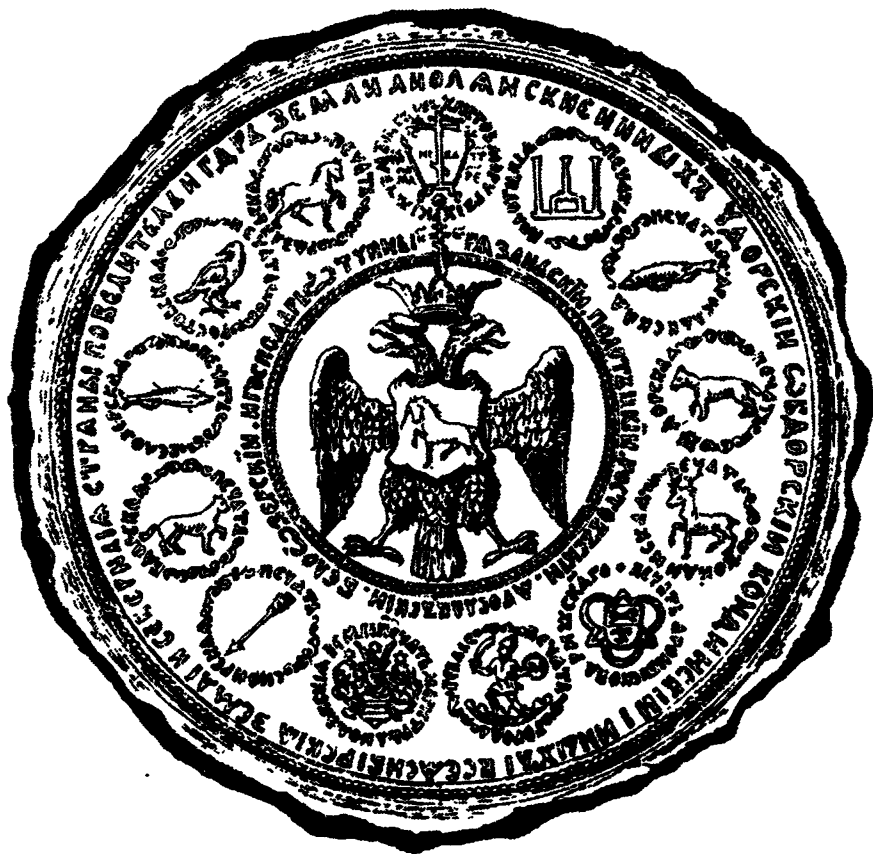

Рис 13. Государственная печать Ивана Грозного (с документа 1583 г.). Среди эмблем подвластных русскому царю земель имелась и «ПЕЧАТЬ СИБИРСКАЯ» с древнейшим русским символом Сибири — изображением стрелы.

крепостях пушки и отряды пищальников; владеть угодьями, железным промыслом и рыбными ловлями, «зверя ловить беззоборчно».

В той же грамоте впервые говорилось о необходимости поиска руд за Уралом на вновь осваиваемых землях. «А где в тех местах найдут руду железную, ...медную

руды или оловянную, свинчатую и серы горючие где найдут, и те руды на испытывать руду разрешалось не только Строгановым, но и другим «кто похочет ...то дело делати, ...как бы [чтобы] нашей казне была прибыль»¹⁶.

Борьба с Кучумом продолжалась поч-

ти четверть вьска. Используя данное им право, Строгановы снарядили отряд, которым командовал казачий атаман Ермак Тимофесвич. Перевалив через Уральский хребет, отряд Ермака сплавился на судах вниз по реке Тобол, достиг Иртыша и в

его казакам «государево жалованье». К тому времени на государственной печати русского царя среди других земельных эмблем уже имелось изображение «Печати Сибирской» (рис. 13)¹⁷.

Однако до полного разгрома Кучума

Рис. 14. Таким изобразил Ермака художник начала XIX века.

Рис. 15. Казачий атаман Ермак Тимофеевич. Миниатюра из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова.

Все портреты Ермака созданы много лет спустя после его смерти. Они передают не реальные черты исторической личности, а то, каким представляли знаменитого атамана в различные эпохи

октябре 1582 года с боем захватил столицу Сибирского ханства — укрепленное поселение Искер (Кашлык). Кучум, наблюдавший за сражением с горы, бежал в степь, бросив свою ставку на произвол судьбы. Когда об этой победе узнали в Москве, Иван Грозный послал Ермаку и

было еще далеко. Вооруженные столкновения продолжались, казачий отряд нес потери. К концу 1584 года Кучум выиграл противоборство с Ермаком: сам атаман погиб, а остатки его войска спешно ушли за Урал в строгановские вотчины. Из более чем пятисот участников си-

бирской экспедиции Ермака живыми вернулись только 90 первопроходцев. Столицу Сибирского ханства, городок Искер, вновь занял сын Кучума Алей¹⁸.

Но по пути, проложенному Ермаком, за каменный пояс Урала уже шли новые отряды, посланные московским царем. В 1587 году русскими недалеко от Искера был основан город Тобольск, вскоре сделавшийся главным административным центром Сибири.

Все время правления сына Ивана Грозного, царя Федора Ивановича (1584—1598), продолжалась борьба с Ку-

чумом, который неоднократно совершал набеги на окрестности Тобольска. Лишь в августе 1598 года его войска были окончательно разгромлены. Престарелому хану вновь удалось бежать, но вскоре он был убит в южных степях другими кочевниками. Попавших в плен сыновей Кучума доставили в Москву к новому русскому царю Борису Годуну (1598—1605). Они признали свою зависимость и согласились платить дань¹⁹.

Таким образом, к концу XVI века Сибирское ханство было окончательно присоединено к Русскому государству.

ПЕРВОЕ СЕРЕБРО АЛТАЙСКИХ ГОР (XVII век)

С начала XVII века происходит быстрое продвижение русских служилых людей на земли к востоку от Тобольска. В 1604 г. был основан Томск, в 1618 — Кузнецкий острог, через год — первая крепость на р. Енисее, а в 1648 году казаки во главе с Семеном Дежневым достигли Тихого океана. Проникнуть в верховья Оби оказалось значительно труднее, здесь русские встретили упорное сопротивление кочевников.

Более успешными оказались походы, организованные кузнецким воеводой в Горный Алтай, к Телецкому озеру. В 1625—1626 годах казаки, посланные из Кузнецка, обложили данью жившее около озера алтайское племя телесов. «И по смете телесских людей 200 человек, и ясаку [дани] с них взяли на тебя, государя, 50 соболей и недособолей», — сообщал воевода царю Михаилу Федоровичу Романову (1613—1645). Подчинение телесов оказалось непрочным, вскоре они «отказали в ясаке»²⁰.

Такой поворот событий был связан с возросшей военной активностью телутов, которым до прихода русских платили дань телесы: в 1630 году объединенные отряды приобских кочевников (телеутов и чатских татар) совершили набег на Томский уезд.

В марте 1631 года томские власти организовали ответный поход. Посланный ими отряд под командованием Якова Тухачевского насчитывал 400 человек и имел на вооружении даже небольшие пушки. Ратники шли «Обь-рекою» на лыжах, боеприпасы и провиант везли на санных. «А шли мы, холопы твои, и день и ночь наспех, — писали позднее участники похода царю. — ...Пушки, государь, и порох, и свинец, и пули железные и пушечные, и запасишко свое волокли на себе да на собаках нартами».

Отряд осадил «Чингизский городок» — чатскую крепость, располагавшуюся в устье речки Чингиз, правого притока Оби (на территории современной Новосибир-

Рис. 16. Герб Сибирского царства, который был изображен на троне русского царя Михаила Федоровича (после 1626 г.). В центре показан сибирский кедр, с обеих сторон которого в геральдической позе стоят два соболя.

ской области). Узнав, что на помощь осажденным идет подкрепление, Тухачевский решился на штурм. Он приказал сделать деревянные щиты для защиты от стрел, после чего томичи начали «к городку приступать». Бой пришлось вести и

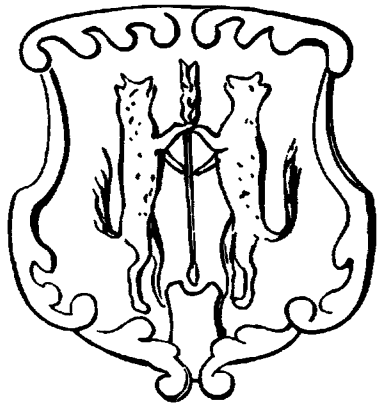

Рис. 17 Герб Сибирский. Изображение на серебряной тарелке, изготовленной для царя Алексея Михайловича (вторая пол XVII в.). Два соболя держат в лапах стрелу.

с оборонявшимися, и с ударившим с тыла подкреплением кочевников. Драматичное сражение закончилось взятием «городка» и полной победой русских.

Сибирские власти решили воспользоваться военным успехом и прочнее закрепиться в Верхнем Приобье.

В июне 1632 года, выполняя указание из Москвы, томский воевода послал вверх по Оби отряд под командованием Федора Пущина. Ему поручалось проплыть на трех небольших судах до места слияния рек Бии и Катунь и построить там деревянную крепость (острог). Подняв-

Рис. 18. Печать царства Сибирского (XVII в.). Два соболя держат в лапах щит, на котором написано: «ЦАРЬСТВА СИБИРЬСКОГО»

шись по Оби почти до места нынешнего Барнаула, отряд в сентябре был обстрелян телеутскими лучниками и после недолгих переговоров повернул назад. Попасть к истокам Оби и построить Бикатунскую крепость удалось лишь в начале XVIII века.

Неудачный поход Федора Пущина заставил воевод следующую военную экспедицию за ясаком послать в Алтайские горы проверенным и более безопасным путем — через Кузнецк. В феврале 1633

Рис. 19. Царь Алексей Михайлович (1629—1676). Гравюра по портрету 1672 года.
Дата указана на боковых частях рамы, число написано славянскими буквами
(см. приложение 3).

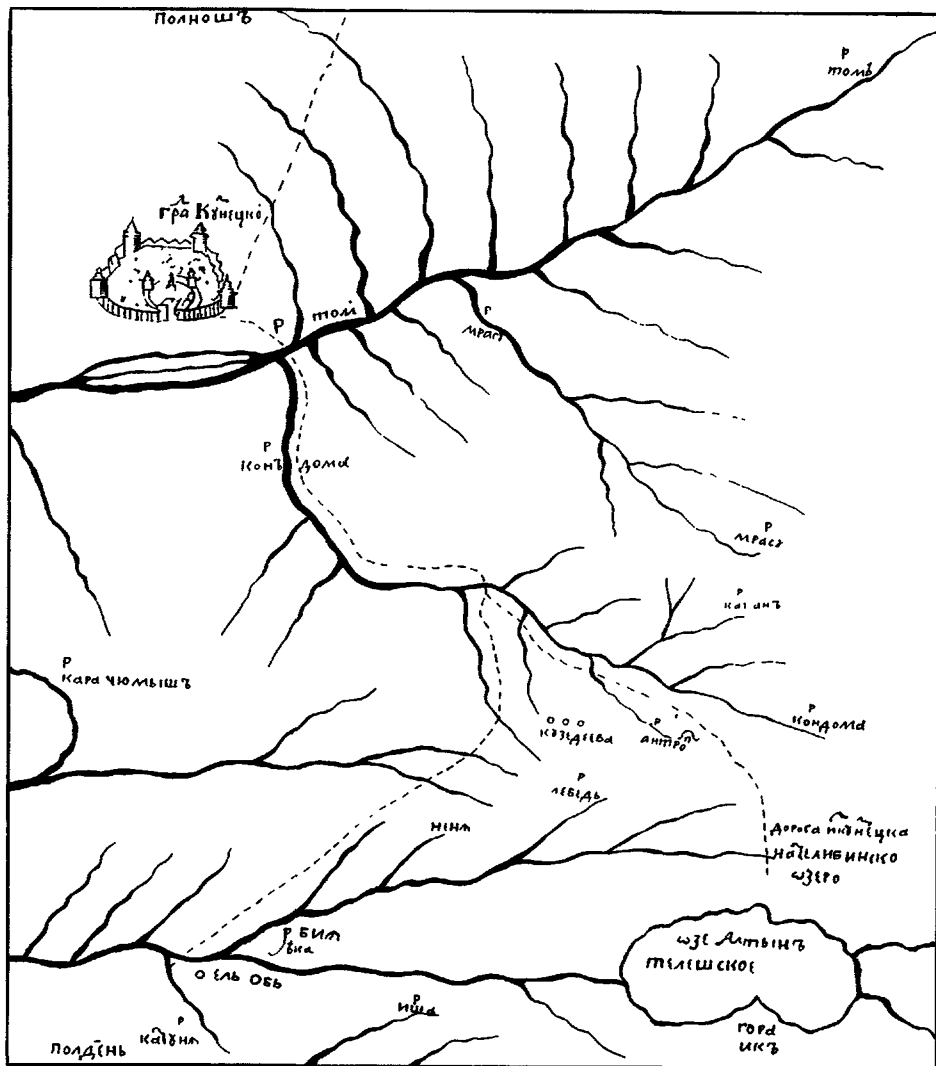

Рис. 20. Фрагмент карты конца XVII века «Чертеж грани Кузнецкого города с уездами» из атласа знаменитого сибирского картографа Семена Ремезова. Указана «дорога ис Кузнецка на Тел[е]нбинско [Телецкое] озеро». Некоторые подписи, имеющиеся на подлинном чертеже, на рисунке отсутствуют.

года отряд во главе с сыном боярским Петром Сабанским «лыжным ходом» дошел до Телецкого озера, разбил телесов и снова обложил их данью, однако закрепиться там не смог. В 1630-1640-х годах против телесов вновь посылались отряды служилых людей из Кузнецка²¹.

Проникая в северную часть Горного Алтая, русские не только собирали дань драгоценными мехами для московского государя, но и открывали новый, неведомый им мир. Не приходилось сомневаться, что богатый пушшиной «славный Алтай Камень» хранит немалые сокровища и в своих недрах.

Сведения об алтайских рудах начали поступать в Москву в конце правления Алексея Михайловича Романова (1645—1676). В 1672 году казачий десятник Михаил Попов, казак Евстафий Савинов и стряпчий Афанасий Зубов объявили в Сибирском приказе в Москве о найденной ими в горах у Телецкого озера серебряной руде²².

В то время управление сибирскими землями (уездами) велось из городов-острогов, где находились воеводы. Огромная территория была разделена на четыре «разряда»: Тобольский, Томский, Енисейский и Ленский. Административным центром Сибири являлся Тобольск. Здесь располагалась резиденция главного воеводы, власть которого в ряде вопросов распространялась и на земли других разрядов.

В 1673 году тобольский воевода Петр Салтыков сообщал кузнецкому воеводе Григорию Волкову, что «в прошлом году... Кузнецка казак Мишка Попов возил... из Телескова озера к Москве руды серебряные и по пробе в плавке из той руды было серебро». По-видимому, это была

первая удачная попытка извлечения драгоценного металла из алтайской руды.

Из того же документа становится ясно, что казак Михаил Попов не был первооткрывателем указанного месторождения. Несколькими годами ранее атаман Андрей Федоров привозил в Кузнецк из «Телескова озера... тою руду». Первую плавку тогда провел кузнецкий служилый человек Федор Серебрянин, однако «серебра не объявилось, ибо той руды на плавку мало было», — писал Салтыков.

Надо отдать должное кузнецким служилым людям: не получив при первой попытке ни грамма серебра, они не бросили найденное месторождение и доставили алтайскую руду в Москву.

Московская плавка оказалась удачнее. Поэтому «для подлинного provedывания в тые места» осенью 1673 г. были посланы из Тобольска боярский сын Савва Жемотин и подъячий Иван Лосев с заданием «взять руды серебряной». Салтыков просил кузнецкого воеводу оказать помощь посланникам, предоставив подводы, инструменты, а самое главное — дать в прожатые помянутых рудознатцев: атамана Андрея Федорова и казака Михаила Попова.

По правилам служебной переписки такую просьбу следовало адресовать томскому воеводе, князю Даниле Барятинскому, которому подчинялся кузнецкий воевода. Обратившись, минуя томское начальство, сразу в Кузнецк, Салтыков вызвал этим недовольство главы томской администрации. Князь Барятинский распорядился, чтобы «без отписки его» прибывшим из Тобольска никаких пособий и лошадей не давали²³. В результате экспедиция за телеской рудой не состоялась, а находка кузнецких казаков оказалась предана забвению.

В рассказе тобольского воеводы Салтыкова о поездке Михаила Попова в Москву есть свои загадки. Непонятно, кто посылал казака для пробы руды в столицу, кто производил плавку и почему, когда «из той руды было серебро», не последовало «государева указа» и продолжения работ.

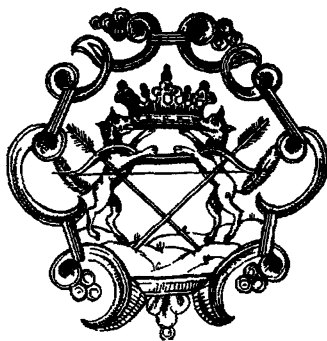
Плавка серебра из алтайских руд началась только через семьдесят лет. К этому времени Российское государство уже получало благородные металлы из недр Сибири. Серебро и золото с начала XVIII века добывались из руд Нерчинских месторождений в далеком Забайкалье.

Приписалъ Своєю Царскою Самодержавною рукою
Алексей Михайловичъ

Автограф царя Алексея Михайловича:
«Алексей Михайловичъ
Приписалъ Своєю Царскою Самодержавною рукою»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Серебро домашнее»
(конец XVII — начало XVIII века)

1.1. РУДА С РЕКИ АРГУНЬ (1672 — 1695 годы)

Поиск драгоценных руд велся в XVII веке по всей территории Сибири. Нередко случалось, что такие месторождения разрабатывались и до прихода русских, поэтому сведения о них обычно получали от местных жителей. Наиболее значительное открытие было сделано в истоках Амура, на реке Аргуни.

В середине XVII века во время охоты «тунгусской нации два брата» обнаружили на поверхности горы неподалеку от Аргуни камушки со стекловидным блеском и сиянием. Через несколько лет известие об этой находке дошло до местного правителя (тайши), который вызвал братьев к себе и расспрашивал, «где они то камень взяли». Спустя еще некоторое время, в 1672 году, один из братьев был назначен проводником специального отряда, снаряженного тайшой для разработки нового месторождения. Собранную руду вывез караван из семи верблюдов¹.

Неизвестно, понимали ли сами первооткрыватели, что заключали в себе их блестящие камни, но тайша, судя по всему, имел ясное представление о содер-

жащемся в этой руде металле. Вскоре о месторождении серебра на реке Аргуни узнали и в Москве — в 1676 году местный князек Анги, прельстясь подарками, выдал эту тайну русским.

Резиденцией русской администрации тогда был Нерчинский острог — укрепленный городок в месте впадения реки Нерчи в Шилку, поэтому вновь найденную руду назвали нерчинской. Ее первые образцы, доставленные из Забайкалья в российскую столицу, были переданы работавшим в Москве греческим мастерам плавильного дела Еремею и Тимофею Левкиным. Их пробы подтвердили наличие в руде серебра. Греки сказали, что если такой руды окажется много, то добыча драгоценного металла будет прибыльной и тогда в Забайкалье надо строить металлургический завод. В результате с 1678 года началась разведка аргунских месторождений русскими рудознателями².

После десяти лет поисков и переписки в 1689 году последовал царский указ: «...Велено в Сибири в Нерчинском [уезде] серебряной рудоплавной завод заво-

*Рисунок на шмуцтитуле:
Герб Сибири из царской грамоты 1690 года.*

Нерчинскъ.

Рис. 21. Герб города Нерчинска.

дить и серебро плавить, и на реке Аргунь или где пристойно город [крепость] или острог близ рудоплавильных мест постро-

ить». Будущую крепость предполагалось заселить московскими стрельцами и ссыльными³.

Осуществить царское предписание удалось лишь частично. Близ реки Аргунь, в пяти днях езды от Нерчинска, недалеко от рудников на речке Серебрянке был поставлен острог. В нем поселили около 250 стрельцов и семьи ссыльных. Вскоре из Москвы в Забайкалье в Аргунский острог были посланы «четыре человека из русских плавильщиков». Но знаний и опыта этим мастерам не хватило: построить металлургический завод и начать добычу нерчинского серебра они не смогли⁴.

Промышленное освоение драгоценных руд Забайкалья неожиданно оказалось связано с неудачей другого предприятия — разработкой серебряного месторождения на небольшой речке Коштак (Коштат), что протекает недалеко от поселка Тисуль в нынешней Кемеровской области, примерно в 400 км северо-восточнее Барнаула.

1.2. ПОДАРОК КНЯЗЦА МЫШАНА (1695 — 1696 годы)

«В Томском уезде сть речка Каштак, а по прямому татарскому произношению Каштат, которая впала в речку Тусюль, а Тусюль в речку Сердю, Сердь в Кию, Кия в Чулым, Чулым в Обь»⁵. Так описал местонахождение коштакской серебряной руды известный сибирский путешественник академик Герард Фридрих Миллер (рис. 22).

Так же, как об аргунском, сведения о коштакском серебре русские получили от местных жителей. Зимой 1695/96 годов к боярскому сыну Степану Тупальскому,

посланному из Томска для сбора дани (ясака) с подвластных русскому государю приобских народов, обратился один из здешних предводителей — «горных и порубежных волостей князец Мышан», до того времени не признававший власти русского царя. Он просил принять его «с улусными людьми» в подданство. В качестве подарка московскому государю князец Мышан передал Тупальскому не традиционных соболей, а фунт серебряной руды из известного ему месторождения.

Вернувшись в Томск, боярский сын сообщил о подарке князца Мышана томскому воеводе Василию Андреевичу Ржевскому. Понимая государственную важность этих сведений, воевода вновь послал Степана Тупальского к Мышану с заданием самому побывать на месторождении и привезти несколько пудов руды для отправки ее в Москву. Тупальский отыскал князца и тот «указал ему, Степану, на речке Коштат место, где началась серебряная руда».

Так русские впервые узнали о Коштакском месторождении. Выяснилось, что эту руду уже «у калмыцкого тайши Башту-хана плавил и выходило из нее серебро».

Собрав восемь пудов руды, Степан Тупальский вместе с Мышаном Кайлачковым возвратились в Томск, где князец был приведен к присяге (шерти): «по своей вере... золото и мед пил»⁶. Процедура состояла в том, что после произнесения клятвы присягающий пил из чаши мед, в который предварительно опускали золото. По представлениям монголов и подвластных им народов, это являлось гарантией твердости клятвы, так как в случае ее нарушения золото должно было «выйти боком»⁷.

Донесение Василия Ржевского и два пуда коштакской руды в Москве получили 16 сентября 1696 года. Образцы были отданы «для опыту» работавшим в Сибирском приказе рудоплавильным мастерам — грекам Александру Левандиану и Тимофею Левкину, каждый из них

Рис 22. Фрагмент карты Томского уезда из «Чертежной книги Сибири» 1701 года, составленной Семеном Ремезовым. Подписи выполнены на русском и голландском языках. Вдоль реки Коштат указана «руда серебряна» (на рисунке выделено стрелкой)

Рис. 23. Бургомистр столицы Голландии г. Амстердама, известный географ Николаас Витзен (1641—1717).

Гравюра по портрету конца XVII века. В своем сочинении о северо-восточной Азии, изданном в конце XVII века, Витзен одним из первых подробно описал Сибирь и жившие здесь народы

провел свои пробы самостоятельно. Для большей верности часть томской руды послали за границу: в Ригу иноземцу Николаю Миллеру и в Амстердам бургомистру Николаю Витзену.

15 ноября 1696 года Левандиан, проплавив десятую часть пуда руды (1638 г), извлек из нее ползолотника (2 г) чистого серебра. Следовательно, из пуда должно было выйти пять золотни-

ков. Тимофей Левкин также получил драгоценный металл, но в худшей пропорции. По его «смете» выходило, что из одного пуда руды можно будет добыть чуть менее двух с половиной золотников серебра⁸.

Коштакская руда выдержала проверку и за границей. Все иностранные специалисты подтвердили наличие в ней серебра. Несмотря на то, что драгоценного металла в образцах оказалось очень немного, плавильные мастера уверяли российские власти, что «томская руда образцом добра, и в глу-

бине руда пребогатая будет». Миллер советовал, чтоб «без всякого размышления з доброю надеждою то дело продолжати дерзали». Позже пришло подтверждение из Голландии. Бургомистр Амстердама Николай Витзен в своем письме сообщил, что по его указанию томские руды опробовали лучшие голландские мастера, которые «обещают ниже ждть руду богатую».

Собственного серебра Россия в то время еще не имела. Поэтому подарок князя Мышана стал казаться дороже сибирских соболей.

1.3. «ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ УКАЗАЛ» (декабрь 1696 — июнь 1697 года)

Случись такая находка раньше, возможно, забыли бы о ней в Москве, как забыли о «телесской» руде Андрея Федорова и Михаила Попова. Но шел 1696 год, первый год единовластного правления Петра; уже рождался в Воронеже российский флот, приходило время пробуждения страны и великих преобразований. Как всегда в таких случаях, остро нужны были деньги, а вся русская серебряная монета по-прежнему чеканилась из привозного, покупного металла. Поэтому на сообщение Василия Ржевского о новом месторождении серебряной руды реакция в Москве оказалась быстрой. Всего три месяца понадобилось властям после получения сведений о Коштакском месторождении, чтобы опробовать руду и принять решение о строительстве в Томском уезде сереброплавильного завода.

Дальнейшую разведку и разработку коштакских серебряных руд вызвался вести работавший по найму в Сибирском приказе Александр Левандиан. По словам

современников, он «искусство имел по греческому обыкновению в горных и плавильных делах»¹⁰. Левандиан разработал условия контракта, при заключении которого он соглашался ехать на Коштак. Этот договор был оформлен в виде специального царского указа, подписанного Петром I 18 декабря 1696 года. «Великий Государь указал: гречанина Александра Левандиана с товарищи десяти человек послать в Томской [уезд] к тем местам, где та руда явилась».

По контракту, составленному на четыре года, грек обязался обучить мастеров, построить и передать в казну сереброплавильный завод. Государство давало ему людей, материалы и необходимые средства, платило «кормовых денег на год» по 10 копеек в день и гарантировало, что он получит «изо всяких десяти пуд золота или из серебра или из меди ...по два пуда сверх всяких харчей». При этом оговаривалось, что, если в течение полугода после начала работ на Коштаке «бо-

Рис. 24. Царь Петр I в возрасте двадцати пяти лет.
Гравюра по портрету, написанному с натуры английским придворным художником
Г. Кислером в 1698 году.

гатой золотой и серебряной и медной руды не сыщется, или сыщется малое число», то томский воевода должен будет принять от Левандиана коштакские разработки и отпустить греков-рудоплавцев в Москву¹¹.

21 февраля 1697 года Александр Левандиан и его спутники выехали из Москвы в Томск, куда прибыли только в середине лета¹².

Пока греческий мастер вез сибирским властям царский указ, из Москвы томскому воеводе была послана грамота, в которой повелевалось содействовать столичным специалистам и, не дожидаясь их приезда, начать разведку месторождения. Для этого предписывалось рыть ямы по направлению рудной жилы на глубину 10—20 метров(!); «на всяком аршине...

руды брать фунтов по десять и больше», каждый образец складывать в отдельный мешок и подписывать особым ярлыком¹³. Фактически предполагалось провести — впервые в Сибири! — грамотную геологическую разведку уже открытого месторождения.

Воевода Василий Ржевский вновь послал на Коштак Степана Тупальского с отрядом в сорок человек. Однако рудокопных навыков томским служилым людям не хватило. Прибыв на место, они «сверху землю раскопали до камня», нашли выходы серебросодержащих жил «и тот камень ломали сверху, а просечь... в глубину на низ не могли». Тупальский ограничился тем, что набрал руды с поверхности и с этим вернулся к томскому воеводе.

1.4. НАЧАЛО КОШТАКСКОГО ПРОМЫСЛА (июль — сентябрь 1697 года)

7 июля 1697 года «грек рудоплавец» с десятью помощниками прибыл в Томск. С собой он привез договорную грамоту, а также выданные ему для постройки печей и проведения плавки 500 рублей казенных денег, трубы железные, сталь, свинец, кожи и молоты.

Василий Ржевский сразу же показал Левандиану недавно добытую на Коштакке руду. Грек определил, что камень «взят неумсючи» и «из него серебро не явится». Однако воевода стоял на своем, приказав мастеру провести пробную плавку. Александру Левандиану пришлось построить в Томске «горны для опытов» и проплавить 16 пудов коштакской руды. Из них мастер в присутствии самого Ржевского получил 25 золотников

серебра. Руда действительно явила драгоценный металл, который воевода, «запечатав в двух ящичках», послал царю. Однако оправдался и прогноз греческого специалиста: содержание серебра в добытой Тупальским руде оказалось очень низким — в три раза меньше, чем по московским пробам Левандиана¹⁴.

Подготовка экспедиции на Коштак заняла больше полутора месяцев. По царскому указу Василий Ржевский должен был послать с Левандианом двух кузнецов и 30 человек рабочих, а для их охраны военный отряд во главе с сыном боярским Семеном Лавровым — конных и пеших казаков «сколько человек пригоже, смотря по делу и по вестям». Предпо-

лагалось построить рядом с месторождением «избы и огородить тыном и обвести ровом со всякими крепостями»¹⁵.

Выполняя царский указ, томский воевода послал на Коштак «служилых людей, детей боярских, конных и пеших казаков, чатских мурз и белых калмыков и юртовских подводных татар 800 человек». Своё решение в письме государю он объяснил тем, что «малыми людьми к тому делу киргизы не допускают». По той же причине воевода распорядился усилить возводимую крепость и вместо изб срубить башни¹⁶.

27 августа 1697 года почти тысячный отряд с грузным обозом выступил из Томска. Дороги, приспособленной для езды на телсгах, не было. На Коштак вела только конная тропа, поэтому продвижение экспедиции шло медленно и с большими трудностями.

Через две недели, не дойдя до реки Ки, возглавлявший военное прикрытие Семен Лавров получил сведения, что енисейские киргизы, прослышав о русской экспедиции в земли своих данников, уже выставили на Коштаке тысячу «воинских людей» во главе с князем Улагачем. Разрабатывая и ранее серебряное месторождение, киргизские предводители считали эти земли своими, и подарок Мышана русскому царю расценили как предательство. Лавров узнал, что «Мышан с прежнего своего урочища скочевал, для того что де ево киргизские люди хотят убить до смерти».

Целью расположившегося на Коштаке отряда Улагача было не допустить строительство здесь русского укрепления. Готовясь к военному противостоянию, князец послал гонцов «в Киргизскую землю» за подкреплением еще в тысячу человек, «да с ними ж будут пушки, и сви-

нец, и порох». Чтобы следить за продвижением русских, на броду через реку Кию были выставлены караулы.

Не встретив по пути никакого сопротивления, экспедиция миновала Кию, 15 сентября переправилась через речку Калву и достигла Коштакского месторождения. На следующий день служилые во главе с Семеном Лавровым стали рубить острог и копать вокруг него ров шириной и глубиной в три аршина (2 метра). Почти сразу же по прибытии на место работные люди под руководством греческих мастеров начали горный промысел.

«Только нам дали сроку и время на три дни», — сообщал позже Лсвандиан в Москву. На четвертый день, 21 сентября 1697 года, киргизы «травы запалили» и внезапно напали на русский лагерь. «Один товарищ из наших, Семен [видимо, греческий мастер Симсон Григорьев], был в подкопе и едва ушел оттуда, чтоб не убили; однако ж в тот день ранили людей и убили до смерти двух человек, которые были на сенокосе, а лошадей много отогнали», — писал Левандиан¹⁷. На следующий день, сообщал Семен Лавров, «киргизские люди бились с служилыми людьми с утра часу до девятого дня», ранив еще двух человек, а после «замахали плетью и говорят, чтоб бой отставить и переговорить о всяком добром деле...».

24 сентября начались мирные переговоры. «Двенадцать человек съехались со мною на поле, — рассказывал Лавров, — и, сойдя с лошадей, сняв шапки, спросили про здравие Великого царя Петра Алексеевича». Они спрашивали, «по какому де указу приехали вы тайным обычаем в нашу землю и острог поставили без ведома контайши» (т. е. главы Джунгарского ханства, которому подчинялись местные

племена). По словам парламентариев, если бы они знали об указе московского царя и имели договор с русскими о серебряном промысле, то и ссоры бы никакой не произошло. Узнав от Семена Лаврова, что отряд послан по приказу Петра I, киргизы дали согласие на достройку крепости, с условием, чтоб больше никакого военного строения в этих землях не возводилось¹⁸.

Документы сохранили нам описание *Коштакского острога*. Он был квадратный, каждая стена имела длину чуть более 40 метров. По углам внутри крепости находились четыре избы, на трех из которых стояли башни. В четвертой избе жил сам Левандиан. Над проезжими воротами была построена небольшая часовня «во имя трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна

Златоустаго». Кроме того, под защитой крепостных стен располагались две кузницы и амбар, в котором хранилось 43 мушкета. Одна из двух пушек стояла на башне, «а другая для всякого времени». За острогом была построена баня¹⁹.

После примирения с киргизами и достройки укрепления, основная часть военного прикрытия была во главе со Степаном Тупальским отправлена в Томск. Вместе с ними вернулся и Левандиан, поручив руководство горными работами своему помощнику — грску Симеону Григорьеву. Под началом Лаврова осталось чуть более пятидесяти человек. Примерно столько же рудокопов имсли греческие мастера. Для рабочих и служилых людей внутри острога построили «четыре юрты земляных», в которых им предстояло провести зиму²⁰.

1.5. В ПОИСКАХ БОГАТОЙ РУДЫ (октябрь 1697 — осень 1698 года)

По возвращении в Томск, Левандиан заявил Василию Ржевскому: «Наше сие художество со страхом и войною не может совершиться. Нам надобно копать в горах, а неприятели нас убивают». Он потребовал обезопасить людей от возможных нападений, для чего построить на местах будущих горных выработок караульные башни «и от острога к башням учинить крепости»²¹.

Пока Левандиан вел переговоры в Томске, остальные греческие мастера начали разведку коштакских руд. Задача греков состояла в том, чтобы найти на месторождении такие рудные жилы, содержание серебра в которых позволяло бы вести промышленную добычу драгоценного металла. Поэтому, хотя в

царском указе прямо говорилось о строительстве на Коштаке казенного плавильного завода, с постройкой металлургического предприятия не торопились. Сначала надо было определить, где залегает годная к плавке богатая руда.

Тупальский указал на серебро-содержащие жилы в заболоченном склоне горы. Здесь и заложили первый «подкоп» греческие специалисты. Образцы, добытые в октябре 1697 года, они послали Александру Левандиану в Томск. Результат проведенной им опытной плавки оказался почти таким же, как первая московская проба: «из пуда [руды] по четыре золотника серебра чистого».

Сам Левандиан считал, что по мере углубления в гору руда должна стать еще

богаче. Однако начать разведку в новых перспективных местах в 1697 году не удалось. Подкоп велся в болоте, «а не в ином месте, потому что боимся от неприятелей, чтоб не убили». Иными словами, копали не там, где казалось больше шансов на успех, а там, где было безопаснее.

Поиск продолжался в неимоверно тяжелых условиях, не прекращаясь ни днем, ни ночью. «Работные люди все проносились, многие ходят на работу босыми», — доносил в Томск Лавров. Не выдерживали даже инструменты — «кирки ломаются беспрестанно». Но рудокопы трудились «по все дни почти без протую». Дело осложнялось и тем, что в ямы начала просачиваться грунтовая вода, отчего стали обваливаться стенки. Приходилось работать по колено в воде, и это в ноябре, в Сибири! Наконец подкоп «со всех сторон вода одолела и копать стало нельзя». 25 ноября разведка коштакского месторождения была остановлена²².

Пока на Коштаке боролись с водой и стужей, томский воевода поспешил сообщить царю об удачной пробе Левандиана. «Знак той руды переменился к лучшему», — рапортовал Петру I Василий Ржевский. Тут же он прикладывал несложный расчет грека, по которому выходило, что проплавляя за сутки на пяти печех 150 пудов коштакской руды, можно получать из нее по два с половиной килограмма чистого серебра. И так каждый день!

Казалось, что скоро потечет в государеву казну томское серебро. Ржевский даже приказал заготавливать дрова для печей будущего завода. Одновременно он распорядился прислать в Томск для отправки в Москву новые образцы коштакской руды, но это требование оказалось трудно выполнить: из затопленного под-

копа хорошую руду извлечь не смогли. Александр Левандиан зимой вернулся в Коштакский острог и там вместе с другими греками-рудознателями ждал весны. В крепости был сложен небольшой плавильный горн. Работные люди ежедневно вычерпывали из подкопа сотни ведер воды, а служилые во главе с Семеном Лавровым рубили бревна для новых крепостных башен.

Рис. 25. «Город Томской».
Рисунок с чертежа С. У Ремезова (1701 г.).

С 9 марта 1698 года горные работы возобновились, однако такой же богатой руды, какая посылалась в Томск осенью, найти не удавалось. Поиск велся сразу в нескольких пунктах и продолжался все лето. Почти везде были обнаружены «знаки руд серебряных», попадались «жилы великие», но во всех образцах содержание серебра оставалось слишком бедным. Месяц шел за месяцем, богатая руда не открывалась, и в то же время казалось, что стоит еще немного углубиться, как произойдут «перемены к лутчему».

Только углубляться становилось все труднее. «Вода одолела, никогда покою нет, ни в праздники, ни в воскресные

дни... В трех местах подкопы копают, а в пяти местах воду выливают, и та вода — великая нужда наша», — жаловался Левандиан воеводе в сентябре 1698 года. Приходилось вычерпывать по десять тысяч ведер в сутки. Не помогали даже специально установленные ручные насосы²³.

1.6. «А НЫНЕ ТО МЕСТО СОВСЕМ ПУСТО» (июнь 1698 — 1700 год)

Зимой 1698 года томский воевода отправил в Москву новые образцы коштакской руды. Посылка пришла в столицу лишь в начале июня. Пробная плавка на этот раз была поручена брату Александра Левандиана — Вениамину, также служившему по найму в Сибирском приказе. Он признал в переданных ему образцах «знак серебряный верховой» и хотя согласился с наличием в руде драгоценного металла, но довольно категорично заявил: «А по выплавк из нее ничего не выйдет».

Вероятно, такое заключение повлияло на отношение к коштакскому промыслу в столицах. Тем более, что по договору Александр Левандиан обещал найти прибыльную руду за шесть месяцев, а прошло уже полтора года.

12 июля 1698 года томскому воеводе Василию Ржевскому была направлена царская грамота. По этому указу предписывалось и впредь продолжать поиск богатой руды, и «если явится то дело прибыльным», то «тот промысел еще держать», но впредь таких плохих образцов, как полученные в июне, не присылать. В то же время Ржевскому разрешалось «то дело по свосму рассмотрению оставить», то есть воевода получил право в любой момент пре-

Осенью стало ясно, что снова придется зазимовать в Коштакском остроге. 10 ноября горные работы вновь прекратили, рассчитывая продолжить разведку месторождения на следующий год. Неизвестно, сколько бы еще длился на Коштаке поиск богатой руды, если бы не решение, принятое в Москве.

кратить коштакский промысел, если тот окажется убыточным. Сомнения Петра I в прибыльности разработки коштакского месторождения были вызваны известиями о набегх кочевников, бедностью руды и сообщениями о том, что «в ямах, где постросны насосы, вода беспрестанно бьет», отчего добыча руд становилась невозможной.

В Сибирском приказе уже начинали примиряться с вероятной неудачей на Коштаке. Указ содержал инструкцию томскому воеводе и на тот случай, если грски заявят о бесперспективности дальнейших работ. Тогда Ржевский должен был предложить им на выбор: либо вернуться в Москву, либо отправиться в Нерчинск для того, чтобы «близ Аргунского острогу завести завод»²⁴.

Так летом 1698 года в столицах возникла идея использовать Александра Левандиана и его товарищей для организации добычи забайкальского серебра, о котором уже давно знали, но никак не могли получить.

Сам Левандиан продолжал верить в коштакское месторождение и не уставал повторять, что ждет перемен к лучшему, однако добываемая руда по-прежнему была бедной. Образцы, посланные в авгу-

сте в Москву, были опробованы в январе 1699 года и вновь показали низкое содержание серебра. Это решило судьбу коштакского промысла.

13 февраля 1699 года томскому воеводе был отправлен указ Петра I, который велел, если к моменту прихода царской грамоты лучшей руды на Коштаке так и не найдут, промысел прекратить. Александра Левандиана и его товарищей предписывалось отпустить, куда они пожелают, «а острог, если держать в нем людей трудно, ...разорить [разломать]»²⁵.

Когда царская грамота была получена в Томске, на Коштаке с приходом весны Левандиан уже вновь приступил к поискам богатой руды. Он все еще надеялся на успех и не спешил воспользоваться возможностью уехать в Нерчинск. Однако, вопреки ожиданиям, «стали знаки объявляться прешнего хуже». Греку не оставалось ничего другого, как заявить Ржевскому о бессмысленности дальнейших работ. К осени 1699 года они были прекращены.

Дальнейшая судьба греческих мастеров оказалась различной. Семь спутников Левандиана решили вернуться в Москву, а сам он вместе с двумя соотечественниками рискнул отправиться еще дальше на восток и искать удачу на далекой реке Аргунь.

Остановив коштакский промысел, Василий Ржевский сохранил острог и его гарнизон. Однако укрепление, возведенное как прикрытие для рудокопов, стояло в неудобном месте. Казаки жаловались воеводе на беспрестанные стычки с киргизами, отсутствие провианта и удаленность от жилых мест. Дошло до того, что в ноябре 1700 года они написали челобитную на имя самого Петра I:

«Велено нам, холопям твоим, постро-

ить в Киргизской землице на реке Коштаке для рудоплавного серебряного промыслу острог..., а рудоплавного, Государь, с серебряного промыслу на той речке Коштаке ничего не объявилось. И в прошлом

Рис 26 Эскиз знамени. Карацданский рисунок Петра I из его записной книжки (1701 г.)

В центре флага — государственный герб, вокруг него в шахматном порядке расположены эмблемы четырех российских земель, каждая в двух вариантах. Гербы Сибири находятся в среднем ряду. Трактовка первого (слева) оригинальна и является плодом творчества Петра I. Проект не был использован.

же, Государь, 207-м году [7207 год от сотворения мира — см. приложение 2] по твоесму, Великого Государя, указу... велено тот новостроенной Коштацкой острог... свести, для того [потому], что... прибыли тебе, Великому Государю, от того острогу никакой нет. И прежний... воевода Василий Ржевский... того Коштацкого острогу не свел, а ныне, Государь, от того... с киргизскими людьми чинитца

ссора и великие войны. И мы, холопы твои, от того... оскудели, обедняли... и раззорились в конец. А в Коштацком остроге... бывает всяких чинов служилых людей человек по сто и больше... И многие наши братья служилые люди... в том остроге помирают голодною смертию.., а киргизские люди под тот Коштацкой острог подбегают безпрестанно».

Заканчивалось это красноречивое обращение казаков просьбой: «Вели, Государь, тот новостроенной Коштацкой острог свести»²⁶. Позже укрепление действительно было срыто.

Через сорок лет путешествовавший по Сибири академик Г. Ф. Миллер со слов казаков писал: «А ныне то место совсем пусто, и никто не живет, токмо рудокопные ямы еще видны»²⁷.

Итак, два года на речке Коштак велся

поиск «доброй» серебряной руды. До ее добычи и заводской плавки дело не дошло. Все ограничилось пробами, при которых было извлечено в общей сложности около полукилограмма драгоценного металла. Промышленное производство серебра в России так и не началось.

Заканчивался XVII век — время не слишком активных и не очень удачных поисков драгоценных руд. Но уже были построены и испытаны под Азовом первые русские корабли, и сама Россия, как спущенный на воду корабль, наполняла попутным ветром поднятые паруса, и раздвигался горизонт.

Наступал XVIII век — время блистательных побед, величия Петра и пробуждения России. Кажется, само время настойчиво требовало «серебра домашнего». И оно было получено.

1.7. НЕРЧИНСКОЕ СЕРЕБРО (1700 — 1704 годы)

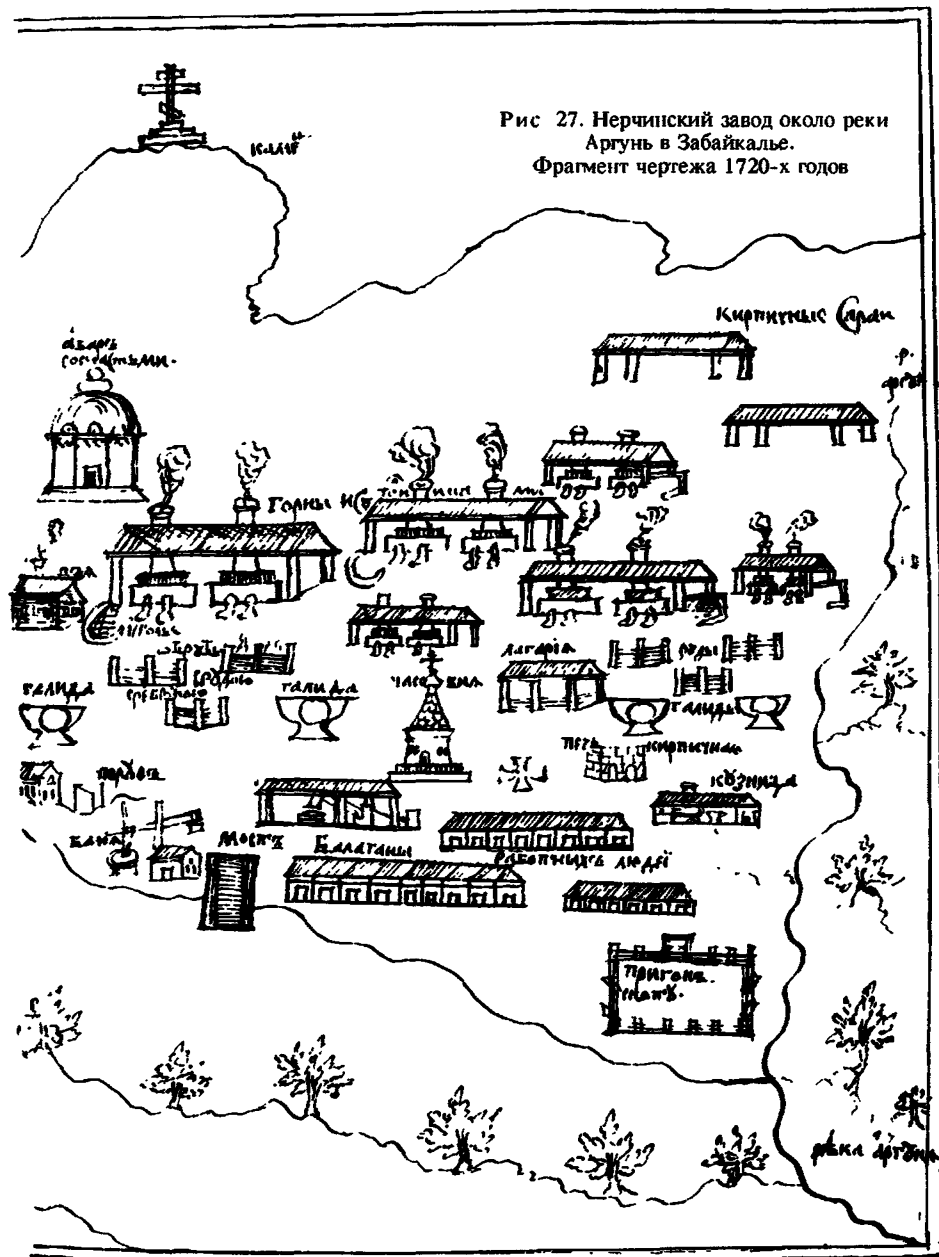
С нерчинской рудой Александр Левандиан познакомился раньше, чем с коштакской. В Москве, в Сибирском приказе ему уже доводилось вести пробную плавку аргунских образцов. Поэтому решение взяться за организацию серебряного промысла в Забайкалье, по-видимому, было достаточно обдуманно. Не последнюю роль, вероятно, сыграло и то, что нерчинскую руду в Сибирском приказе считали значительно лучше и надежнее коштакской.

Для поездки на Аргунь трем грекам требовалось подтверждение их новых полномочий от столичных властей. Такой документ пришел в Томск из Сибирского приказа в конце 1699 года. 18 января 1700

года томский воевода сообщал в Москву, что Александр Левандиан с товарищами «отпущен в Нерчинской [уезд] для рудоплавного ж дела»²⁸.

Путь из Приобья в Забайкалье занял почти шесть месяцев. 18 июня 1700 года три грека-рудоплавца прибыли в Нерчинск²⁹. Сведений о первых годах пребывания Левандиана в Забайкалье немного. Известно, что после знакомства с месторождениями он «учинил пробу своим коштом [за свой счет]». В 1701 году грек послал в Москву «к своим товарищам для объявления в Сибирском приказе» 20 граммов выплавленного серебра, 2,5 килограмма свинца и полпузда серебро-свинцовой руды³⁰.

Рис 27. Нерчинский завод около реки Аргунь в Забайкалье.
Фрагмент чертежа 1720-х годов

Надо полагать, что, посылая эти образцы в столицу, Александр Левандиан объявил о своей готовности начать промышленную плавку нерчинского серебра.

Мы не знаем, на каких условиях согласились греческие мастера поехать на Аргунь, но полномочий на строительство завода они, вероятно, тогда не получили. Для этого требовалось специальное разрешение московских властей, а его не было.

Первые четыре года Александр Левандиан работал в Забайкалье в чрезвычайно тяжелых условиях. Местные власти не давали ему жалованья, он «оскудел», «помирал голодной смертью» и не мог пересылать денег в Константинополь своей жене для ее существования и уплаты налогов турецкому султану. Неудивительно, что отчаявшийся мастер просил отпустить его из Сибири, но греки задерживали в Нерчинске, ожидая распоряжения из столицы.

Указ о постройке сереброплавильного завода был получен в Нерчинске только в 1704 году. Местному воеводе сообщалось, что отныне в Аргунском остроге подлежит здешние серебряные руды «плавить... гречанину Александру Левандианову с товарищи наемными людьми». Будущий завод считался собственностью государства и должен был находиться в ведении нерчинского воеводы, под управлением назначаемых им приказчиков³¹. Левандиан на этом предприятии являлся главным специалистом, а не управляющим. Но именно от мастерства греков всецело зависел успех нового промысла. Как и по коштакскому контракту, Левандиану с товарищами полагалось два пуда серебра из каждых десяти добытых³².

Нерчинский завод был пущен в том же 1704 году. Его обустройство не представляло особых сложностей. В деревянном амбаре стояло несколько плавильных печей ("горнов"), в которых из руды получали свинец с примесью серебра. В другой печи ("галиде") производилось отделение серебра от свинца. Воздух в топки заводских горнов подавался с помощью кожаных мехов, которые приводились в движение людьми или лошадьми. Не было ни вододействующих механизмов, ни плотины (рис. 27).

Первая плавка нового завода была проведена в присутствии нерчинского воеводы. В 1704 году он уже отправил в Москву 1 фунт 24 золотника (около 0,5 кг) драгоценного металла³³.

С весны 1705 года плавка серебро-свинцовых руд с реки Серебрянки была доведена до масштабов настоящего промышленного производства. Счет добытой руде шел на тысячи пудов. За месяц плавки Левандиан извлек из нее около тонны свинца и 5 фунтов 30 золотников серебра. Если за восемь предыдущих лет работы в Сибири мастеру удалось добыть в общей сложности лишь около одного килограмма драгоценного металла, то теперь за один месяц он смог получить вдвое больше.

Успешная плавка нерчинских руд вскружила голову сибирским и московским властям. В какой-то степени повторилась история с коштакским серебром, которое томский воевода Василий Ржевский рассчитывал выплавлять по 2,5 килограмма ежедневно. В июле 1706 года столичный приказ Рудных дел послал в Нерчинск рудокопных и плавильных мастеров для того, «что де в Нерчинску приискано и накопано серебряной руды многое число... и из той серебряной руды вс-

льно сделать серебра двести пудов». Получив первые два килограмма благородного металла, столичные власти стали измерять еще не добытое российское серебро сотнями пудов!

Производство собственных драгоценных металлов стало столь важным государственным достижением, что известие о «серебре домашнем» Петр I включил в текст триумфальной медали, отче-

Рис 28. Серебряная медаль в честь Ниппгадтского мира, положившего конец Северной войне со Швецией (1721 г.) На обратной стороне выбит текст «В[еликому] И Б[лаговерному] Щ[астливому] Г[осу]Д[и]РЮ Петру I имянемъ и делами великому росискому императору и отцу по двадесатолетныхъ триумфовъ северъ умирившему сия изъ серебра домашнего медалия усерднейше приносится»

Тогда же из Москвы в Нерчинск были отправлены бывший напарник Левандиана по работе на Коштаке — грек Симеон Григорьев, брат Александра — Вениамин Левандиан и с ними русские мастера. С их приездом производительность завода еще более возросла, однако намечавшиеся по столичному плану двести пудов так и остались на бумаге. В 1707—1708 годах удалось получить немногим более десяти пудов серебра, а всего на Нерчинском заводе с 1704 по 1721 год было выплавлено почти две тонны благородного металла³⁴.

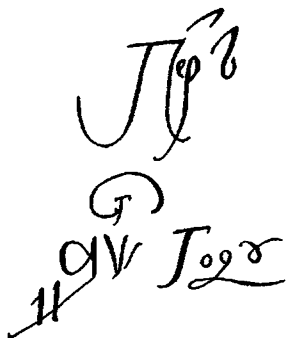
каненной в 1721 году в честь окончания Северной войны со Швецией (рис. 28). Такие серебряные знаки отличия дарились солдатам. Командиры получили золотые медали, надписи на которых объявляли всей Европе, что эти награды изготовлены «из злата домашнего».

Первое русское золото было получено в Москве из нерчинского серебра. Столичные мастера обнаружили в поступающем из Забайкалья «сыром» серебре ничтожную примесь желтого металла. С 1719 года на Московском монетном дворе

началось его извлечение³⁵. До этого в России собственного золота не добывалось. Почти четверть века с начала правления Петра I предпринимались усилия найти золотые месторождения, но все они были безуспешны.

Одна из таких неудачных попыток оказалась связана с историей нашего

края. Военная экспедиция за джунгарским «песошным золотом», посланная Петром I в 1714 году, не достигнув главной цели, создала предпосылки для проникновения в Рудный Алтай русских первопроходцев и открытия в здешних горах богатейших рудных месторождений меди, серебра и золота.

Автограф Петра I:

*«Петр
1700-го году».*

Число написано славянскими буквами (см. приложение 3).

ГЛАВА ВТОРАЯ

*«В вершинах Иртышских
сыскивать руды»*

(1714—1721 годы)

2.1. ЗОЛОТОЙ МИРАЖ (1714 год)

После открытий кузнецких казаков, обнаруживших в начале 1670-х годов серебряную руду у Телецкого озера, поиски месторождений золота, серебра и меди в Алтайских горах не вошли почти столетия.

Вплоть до 20-х годов XVIII века эти земли не принадлежали России. Здесь кочевали тюркские племена — предки современных алтайцев, а также монголоязычные народы, которых русские называли калмыками. Тюркское наименование монголов — «калмаки» известно с XIV столетия, хотя сами монголы себя так не называли. Восприняв это слово от своих тюркоязычных соседей, русские немного изменили его звучание¹. Со временем термином «калмыки» они стали обозначать все население Джунгарского ханства.

Это государство было создано западно-монгольским племенем ойратов, кочевавшим в Алтайских горах южнее верховий Иртыша и Енисея. В самом конце XVI века ойраты добились остатки войск разгром-

ленного русскими отрядами хана Кучума. Воспользовавшись падением Сибирского ханства, монголы продвинули свои кочевья на север, до верховий рек Ишима и Оми. С этого времени началось укрепление ойратского Джунгарского ханства, которое окончательно сформировалось в 1635 году². К началу следующего столетия оно занимало обширные территории от верховий Оби и Енисея на севере до гор Тибета на юге (рис. 29).

Среди наиболее крупных крепостей, захваченных джунгарским правителем Галданом Бошокту-ханом (1670—1697) был город Еркен, ранее принадлежавший Бухарскому ханству (современный Яркенд в Северном Китае). Он располагался на одноименной реке Еркен-Дарье, которая протекла в огромной межгорной котловине к югу от хребтов Тянь-Шаня.

Бухарские купцы, торгуя с соседними государствами, были частыми гостями в столице Сибири — Тобольске. Однажды вместе с разноцветными тканями и другими восточными изделиями их караваны

Рисунок на шмуцтитуле

Золотая поясная бляха из кургана, разрытого сибирскими бугровицкими.

Вместе с другим «могильным» золотом была отправлена М. П. Гагариным царю в декабре 1716 года. Хранится в Государственном Эрмитаже. Этому изделию более двух тысяч лет.

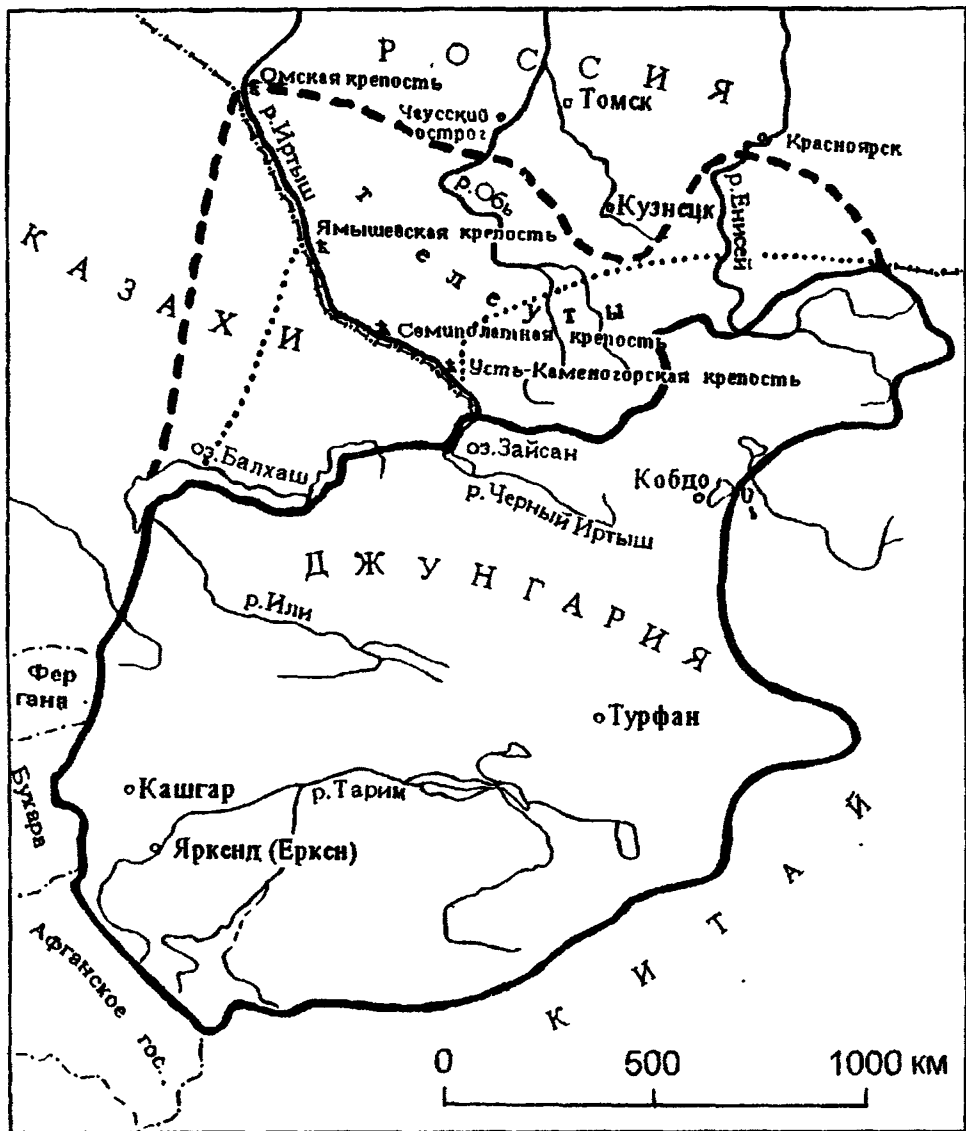

Рис 29 Джунгарское ханство в начале XVIII века.

Сплошным контуром показана граница ханства на рубеже XVII—XVIII веков.
 Цунктиром отмечены территории, подвластные правителю Джунгарии к началу XVIII века;
 точками — земли, оставшиеся в его подчинении к середине 1720-х гг

привезли в Россию золотой песок, который добывали на реке Еркен-Дарье. Мимо такого товара не мог пройти сибирский губернатор — князь Матвей Петрович Гагарин.

Впервые увидев на тобольском базаре «продажное песошное золото», он, помня указы Петра I о поиске золотых и серебряных руд, подробно расспросил торгов-

цев: где же был добыт этот драгоценный металл. Собранные сведения Гагарин поспешил представить царю вместе с купленным золотым песком.

В начале 1714 года сибирский губернатор донес Петру I про «городок калмыцкой Эркет [джунгарский Еркен], под которым на реке Дарье промышляют песошное золото». Вскоре плавильный мастер Блюэр в присутствии самого царя опробовал образец, доставленный из Тобольска. Он подтвердил, что песок почти целиком состоит из чистого золота³.

В своем письме Гагарин сообщил, что путь к золотоносной россыпи «лежит от Тобольска до половины реки Иртыша, ...и от того на калмыцкое кочевье, где ныне кочует контайша». По словам купцов, дорога до Эркета обычно занимала чуть более двух с половиной месяцев «нескорою сзкою»⁴.

Сибирский губернатор предложил на усмотрение государя план возможного военного похода для завоевания еркенских золотых промыслов. По его мнению, для того, чтобы продвигаться в глубь джунгарской территории, необходимо одну за другой строить русские крепости по направлению к «городку Эркет». Первое такое укрепление следовало возвести на берегу реки Иртыша около Ямышевского озера. Далее дорога к «песошному золоту», по сведениям Гагарина, поворачивала от реки и шла степью. Следующие русские «города» он советовал построить вдоль этого пути.

Изложенный план, конечно, был совершенно авантюрен. Хотя расстояние в два-три месяца конной езды по сибирским меркам не казалось слишком большим, но его нужно было пройти по чужой территории. Гагарин явно недооценивал мощь соседнего государства, которое рус-

Рис. 30. Калмык.

Гравюра из книги Н. Витзена конца XVII века.

Рис. 31. Калмык на верблюде направляется в Тобольск. Миниатюра из «Истории Сибирской» С. У Ремезова (1697-1702 гг.).
Наверху подпись: «А по степи Калмыки и Мунгалы и Казакия Орда ездят на верблюдах, а кормятся скотом».

скому отряду предстояло пересечь от северной границы до южной. Сибирского губернатора не смущало даже то, что на предполагаемом пути находились кочевья самого верховного правителя огромной Джунгарии и «в тех местах кочуют калмыки с контайшею тридцать тысяч человек».

Блеск драгоценного песка, купленного на тобольском рынке, не давал покоя. Он напоминал о далекой джунгарской земле, где действительно добывалось золото, которое никак не удавалось найти в собственных пределах. Золото манило, и уже казалось, что для удачного завершения похода хватит двух-трех регулярных полков. Упустить такой случай князь Матвей Гагарин не хотел. Фактически он выступил инициатором военной экспедиции в «городок Эркет». Энергичный князь тогда и представить не мог, сколь трагически для него завершится эта затея.

2.2. «ПОСТРОИТЬ ГОРОД У ЯМЫША ОЗЕРА» (май 1714 — ноябрь 1715 года)

По свидетельству историка Г. Ф. Миллера, Петр I вспомнил о донесении князя Гагарина 22 мая 1714 года в Кронштадте, «когда... вытти вознамерился с флотом в море, ...дабы с шведским флотом, оказавшимся в Финском заливе, вступить в сражение». Видимо, и русскому царю не давало покоя золото с далекой джунгарской рски. В свойственной ему манере Петр I тут же потребовал принести доношение Гагарина и прямо на нем собственноручно написал резолюцию для сибирского губернатора: «Построить город у Ямыша озера, а буде можно и выше; а построя крепость, искать далее по той рек в верх,

пока лодки пройти могут, и от того итти далее до города Эркети, и оным искать [пытаться] овладеть. Для сего определить две тысячи [солдат] или по нужде полторы; также сыскать из шведов [пленных, сосланных в Сибирь] несколько человек хотя года на три, которые умеют инженерства и артиллерии; также кои хотя мало умеют около минералов, также и офицеров несколько, однако, чтоб их было не более трети.

На Котлином острову
мая в 22 день 1714.»

В тот же день Петр сам подобрал руководителя будущей военной экспеди-

1
1. Смотреть во всем государстве
расходов [расходы] и ненужные,
а особливо напрасные, отставить
на Имя б. С. П.

2
Денег, как возможно, збирать,
понеже [поскольку] деньги суть артерия
войны

Рис. 32. Начало проекта одного из указов, собственноручно написанных Петром I:

«1.

Смотреть во всем государстве
расходов [расходы] и ненужные, а особливо
напрасные, отставить.

2.

Денег, как возможно, збирать,
понеже [поскольку] деньги суть артерия
войны.»

Многие указы Петр I писал сам. Распоряжения, заверенные подписью монарха, становились в России государственными законами.

ции — подполковника Ивана Бухгольца — и на галере «Святые Наталии» продиктовал текст предназначенной для него подробной инструкции. Бухгольцу приказывалось построить крепость около Ямышевского озера, зазимовать там, а весной 1715 года «итти далее к помянутому городку Эркету» и «трудиться тот городок достать [захватить]».

Но стремительно начертанные указы исполнялись не так быстро. Уже отгремели залпы Гангутского сражения, где русский флот одержал победу над шведской эскадрой, а посланец Петра I все еще вел приготовления к отъезду в Сибирь. Только в августе Иван Дмитриевич Бухголец с небольшим отрядом отправился из Москвы в Тобольск, куда прибыл лишь 30 ноября. О походе на Ямышевское озеро в 1714 году уже не могло быть и речи. Перезимовав в Тобольске, подполковник всю весну и начало лета потратил на подготовку предстоящей военной экспедиции. Главную роль в этих приготовлениях играл князь Гагарин, по распоряжению которого в Сибирской губернии были сформированы полки пехоты и кавалерии.

В июле 1715 года почти трехтысячный отряд отправился вверх по Иртышу на тридцати двух речных судах — «дошаниках». Под командованием подполковника Бухгольца находилось два полка пехоты. 700 человек драгун, несколько артиллеристов с пушками и 70 мастеровых. В Таре, последней русской крепости на пути в Джунгарию, Бухголец получил полторы тысячи лошадей, на которые пересадил драгун. Войдя на чужую территорию, отряд двигался и по воде, и по суше.

Тяжелогруженные суда плыли вверх по течению медленно. Конечную цель первого этапа экспедиции — Ямышевское озеро — удалось достичь только к 1 октября. В ноябре 1715 года дерсявинная крепость, обнесенная рвом и валом, была готова. В ней предстояло ждать весны, чтобы, следуя царскому указу, идти дальше «на городок Эркет».

2.3. В «ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ ПОКЛАЖ» (1715 — 1716 годы)

В конце 1715 года Матвей Петрович Гагарин вновь отправил государю золото, но на сей раз не «песошное», а «могильное», которое, по его словам, «сыскивают в земле древних поклаж». В посылке находились старинные изделия, найденные в древних захоронениях.

Известен архивный документ, который сообщает, что десять золотых предметов, присланных сибирским губернатором Петру I, 10 января 1716 года после рассмотрения их царем были переданы на хранение в государственную казну. Диковинные поделки заинтересовали Петра. Он повелел Гагарину и впредь искать и собирать для него старинные вещи из раскопанных курганов⁵.

Есть основание считать, что появление в Тобольске могильного золота, отправленного губернатором царю, связано с походом Бухгольца. Летом 1715 года вверх по Иртышу в джунгарские земли отправились не только военные. Следом за тремя десятками их судов плыли «двенадцать дощеников торговых людсей», для которых отряд Бухгольца стал надежной защитой от набегов кочевников. Весьма вероятно, что это же прикрытие было использовано для проникновения в прииртышские степи сибирскими бугровщиками.

Бугрование являлось своеобразным сибирским промыслом, заключавшимся в раскопках древних курганов — «бугров».

Рис. 33. Золотая поясная гшастина из древнего захоронения.
Находка сибирских бугровщиков, присланная в конце 1715 года М. П. Гагариным Петру I.

Иногда кладоискателям везло, и из разрытых могил они извлекали золотые и серебряные вещи, оставленные там еще в древности. Добыча могла составлять несколько килограммов, с лихвой возмещая затраченные время и силы, оправдывая риск. А риск был немалый, ведь курганы, манящие бугровщиков, часто располагались за пределами российских владений.

Становление этого промысла связано с освоением русскими сибирских территорий, где имелись богатые древние захоронения. Именно по таким землям проходил путь отряда Бухгольца. Не исключено, что бугрованием занимались сами драгуны. Возможно, их находки и рассматривал царь в январе 1716 года.

Между тем ситуация на Ямышевском озере к концу зимы резко изменилась. В середине февраля русский отряд, ожидавший весны в новой крепости, подвергся нападению десяти тысячного джунгарского войска, которым командовал двоюродный брат контайши. Исход завязавшегося сражения, по словам историка Г. Ф. Миллера, решили два артиллерийских выстрела. Испуганные пушечным громом и взрывами бомб, кочевники прекратили бой. Окружив крепость плотным кольцом и угрожая взять ее измором, они потребовали от Бухгольца вернуться на российские земли. «И станем жить в совете и в любви, ежели с места съедешь», — писал подполковнику монгольский военачальник. В ответном послании Бухголец сообщил, что он послан не для войны, а «только искать рудокопных мест». Однако тут же заявлял, что территория по реке Иртышу «всегда Российскому государству была подвластна», с чем джунгары согласиться никак не могли⁶.

Осада длилась более двух месяцев. Хотя боевых действий не велось, запертые в

Рис. 34. Русская Ямышевская крепость на правом берегу р. Иртыш. На противоположном берегу показан «острог калмацкий». Фрагмент карты первой четверти XVIII века

Ямышевской крепости войска испытывали огромные лишения. От голода и болезней ежедневно умирали 20—30 человек. К концу апреля из трехтысячного отряда в осажденной крепости оставалось в живых не более семисот человек. Угроза попасть в плен становилась все реальнее. В этой ситуации военный совет во главе с Бухгольцем принял решение отступить.

Не встретив никакого сопротивления со стороны осаждавших, остатки гарнизона разломали все деревянные строения, срыли до основания крепость, погрузили артиллерию и военные припасы на дощаники и 28 апреля 1716 года отплыли вниз по Иртышу в российские пределы⁷.

Военное поражение замедлило, но не остановило продвижение к «посошному

Рис. 35 Золотые поясные бляхи-застежки из кургана второй половины I тыс. до н. э., раскопанного сибирскими бугровщиками. Вместе с другим «могильным» золотом были отправлены М. И. Гагариным Петру I в декабре 1716 года.

Хранятся в Государственном Эрмитаже.
Общий вес 430 граммов

золоту». Возвращаясь в Тобольск, Бухгольц заложил в устье реки Оми новую крепость (современный город Омск). Осенью 1716 года посланный Гагариным

отряд восстановил Ямышевскую крепость. Отныне с ее существованием джунгарам пришлось примириться.

Под прикрытием русских гарнизонов увереннее чувствовали себя в «земле древних поклаж» сибирские бугровщики. Исполняя царскую волю, князь Гагарин смог собрать к концу 1716 года великолепную коллекцию древних золотых изделий (рис. 35). В декабре посылка, содержащая 122 предмета, была отправлена царю⁸. Общий вес «могильного» золота составлял чуть менее полутора пудов! Для сравнения укажем, что за всю первую половину XVIII века из нерчинских руд этого драгоценного металла извлекли меньше⁹. Снарядив экспедицию за «песошным» золотом, Петр I неожиданно получил полтора пуда золота «могильного».

Поход на «городок Эркет» продолжался. Следуя царскому предписанию, начала возводиться цепочка русских крепостей вдоль Иртыша. И вряд ли кто-либо тогда понимал, что войска движутся не в том направлении.

2.4. ЦАРСКАЯ ОШИБКА (1714 — 1719 годы)

В своем первом сообщении государю о золотом промысле на юге Джунгарии Матвей Гагарин объяснял, что путь туда лежит вверх по Иртышу до Ямышевского озера, а затем идет степью к ставке контайши.

В ответном наказе сибирскому губернатору, написанном 22 мая 1714 года, Петр I изменил этот маршрут. Он приказал продвигаться не «до половины реки

Иртыша», как предлагал Гагарин, а «вверх, пока лодки пройти могут, и от того итти далее до города Эркети».

Казалось бы небольшое исправление привело к значительным и непредвиденным последствиям. Стоит взглянуть на современную географическую карту (рис. 29), как становится ясно, что царь направил военную экспедицию по пути, уводящему все дальше от цели. Еркенское золото ос-

Рис. 36. Петр Великий (1672—1725).
С портрета К. Моора 1717 года.

тавалось на юг, а Петр потребовал двигаться к истокам Иртыша, на юго-восток.

Выполняя царский указ, князь Гагарин отправил экспедицию Бухгольца именно в верховья Иртыша. Сам подполковник, достигнув Ямышевского озера и возведя там первое укрепление, объяснял джунгарам, что ему велено «другие построить крепости по реке Иртышу»¹⁰.

Тот же приказ был повторен в специальной грамоте, которую русский государь адресовал джунгарскому контайше в декабре 1716 года: «Повелели мы... князю Матвею Петровичу Гагарину в краях Сибирских по Иртышу и Зайсан озеру, и в вершинах Иртышских сыскивать серебряные и медные и золотые руды, и для того в тех местах, где потребно будет, построить города»¹¹. Таким стал план, который должен был осуществить сибирский губернатор. От сухопутного похода к ср-

кенскому золоту через джунгарские степи окончательно отказались.

Почему же с такой настойчивостью Петр в течение нескольких лет требовал достичь истоков Иртыша? Ответ на этот вопрос дают две другие царские грамоты. В январе 1719 года, посылая в Сибирь гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева, который должен был возглавить новую экспедицию за еркенским золотом, царь приказал ему дойти до озера Зайсан, построить там, если возможно, крепость и «проведывать о пути от Зайсана озера к Иркуту, ...нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, а впали в Дарью реку, или в Аральское море»¹².

По географическим представлениям того времени «главою» всех великих рек Азии являлся «славный Алтай Камень» — горный массив, с которого брали начало сибирские Енисей, Обь и Иртыш, реки Китая, Индии и Средней Азии (рис. 37). Из этого следовало, что, поднявшись по одной водной магистрали на алтайские вершины, можно попасть в бассейн другой реки. Здесь, как тогда считалось, сходились все основные водные пути.

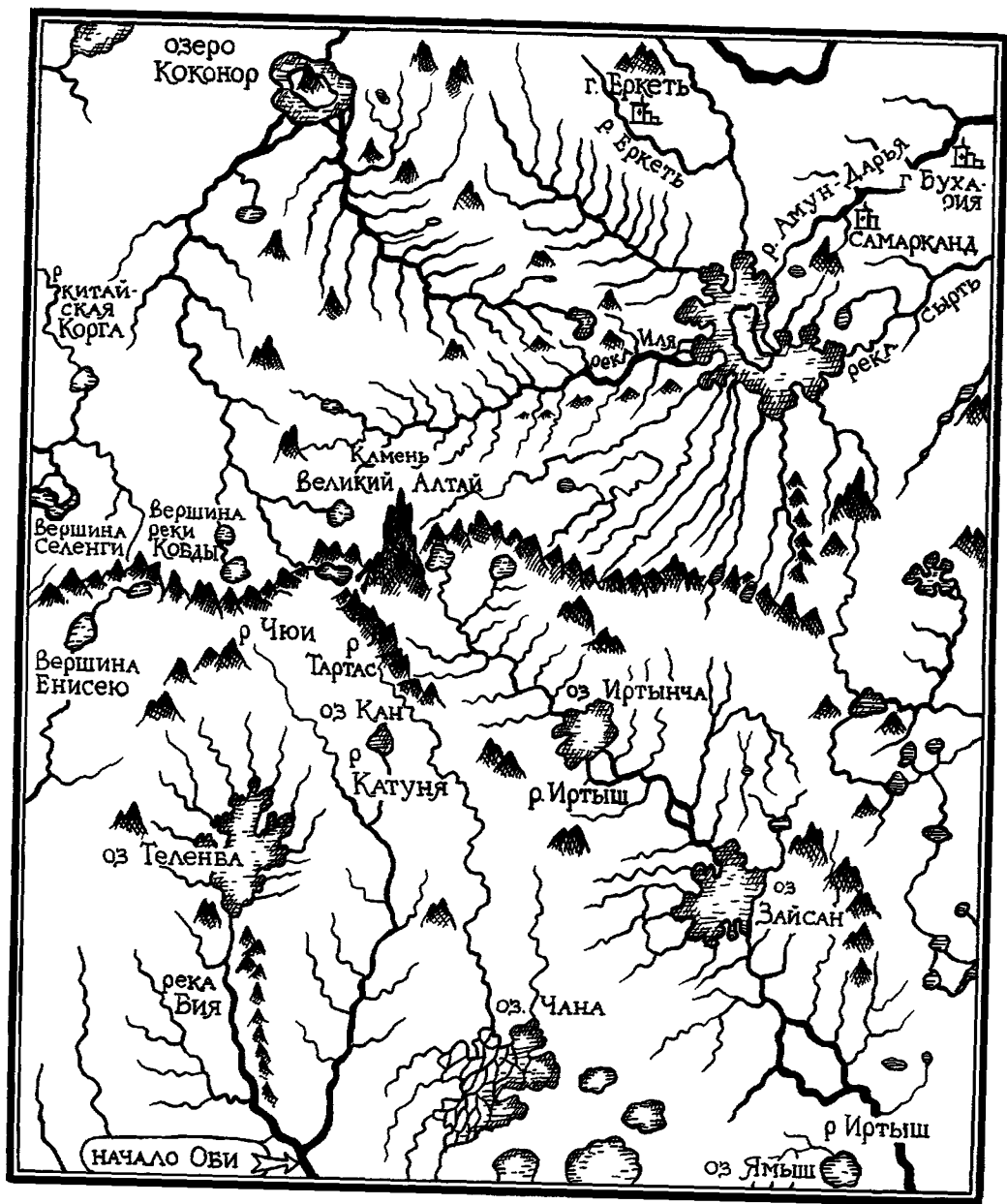
Очевидно, это и заставило царя в 1714 году изменить маршрут, предложенный Гагариним. Самыми надежными путями

Рис. 37. «Камень Великий Алтай» и текущие с него реки.

Фрагмент карты начала XVIII века из «Служебной чертежной книги», составленной С. У. Ремезовым и его сыновьями.

Север на этом чертеже расположен внизу. Поэтому южный город «Еркость» (совр. Яркент) находится в верхней части карты, а бегущие истоки в горах Алтая реки Бия, Чуя, Катунь и Иртыш текут вниз.

Надписи выполнены современным шрифтом. Начало Оби на подлинном чертеже не подписано.

в неизведанных землях всегда были реки. Как опытный стратег Петр стремился найти именно водный путь «к городку Эркет».

В одной из своих грамот правителю Джунгарии царь четко сформулировал цели посылаемых по Иртышу военных экспедиций: осмотреть те места, «где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо водным путем»¹³.

Как видим, вовсе не из-за спешки во время приготовления к морскому сражению со шведами ошибся русский царь.

2.5. ПРИКАЗ ЦЭВАН-РАБДАНА (1717 — весна 1718 года)

О поражении отряда Бухгольца и сдаче Ямышевской крепости Петр узнал из письма сибирского губернатора, которое получил в конце 1716 года по пути в Амстердам. Князь Матвей Петрович Гагарин сообщал о своих попытках наладить дипломатические контакты с тогдашним правителем Джунгарии Цэван-Рабданом (1697—1727). Вместе с тем он просил послать к контайше специальную царскую грамоту. Гагарин надеялся, что такое послание за подписью самого Петра позволит наконец начать ведение переговоров с джунгарами.

Грамота к контайше была написана русским царем в Амстердаме 18 декабря 1716 года. К весне она дошла до Тобольска и в начале марта специальный посланник сибирского губернатора повез ее хану Джунгарии. Путь дворянина Григория Вельянова лежал до восстановленного Ямышевского острога, а от него еще восемь дней вверх по Иртышу. Здесь посол остановился и отправил своих людей «для

Подвели неверные географические представления об Алтайских горах. Еще не начавшись, поход за «песошным золотом» заранее был обречен на неудачу.

Но помимо завоевания еркенских промыслов, перед военной экспедицией стояла и другая задача — «сыскать рудокопные места». Петр I понимал, что месторождения золота, серебра и меди должны залегать в горах. Надо полагать, царь верил в богатство еще неизведанных недр Алтая, надсялся на обнаружение там драгоценных руд¹⁴.

сыскания теленгутов, которые бы его до контайши проводили»¹⁵.

Телеуты, теленгиты и телесы являлись тюркоязычными племенами, издревле обитавшими в горах Алтая. В конце XVI века, когда русское государство еще боролось с ханом Кучумом, телеуты откочевали в приобские степи. На территории современного Алтайского края до сих пор сохранилось немало географических названий, связанных с этим народом. Укажем лишь некоторые: Телеутские озера в Каменском и Первомайском районах, Телеутский мыс в Павловском районе, озеро Абакша под Барнаулом (от тюркского Абак-су, что означает «вода Абака»).

Последнее название происходит от имени знаменитого телеутского предводителя Абáка. Территория, на которой жили подчинявшиеся ему кочевники, в русских документах XVII века называлась «Телеутской землицей» (рис. 38). Абак умер в 1635 году, как раз в то время, когда по другую сторону Алтайских гор

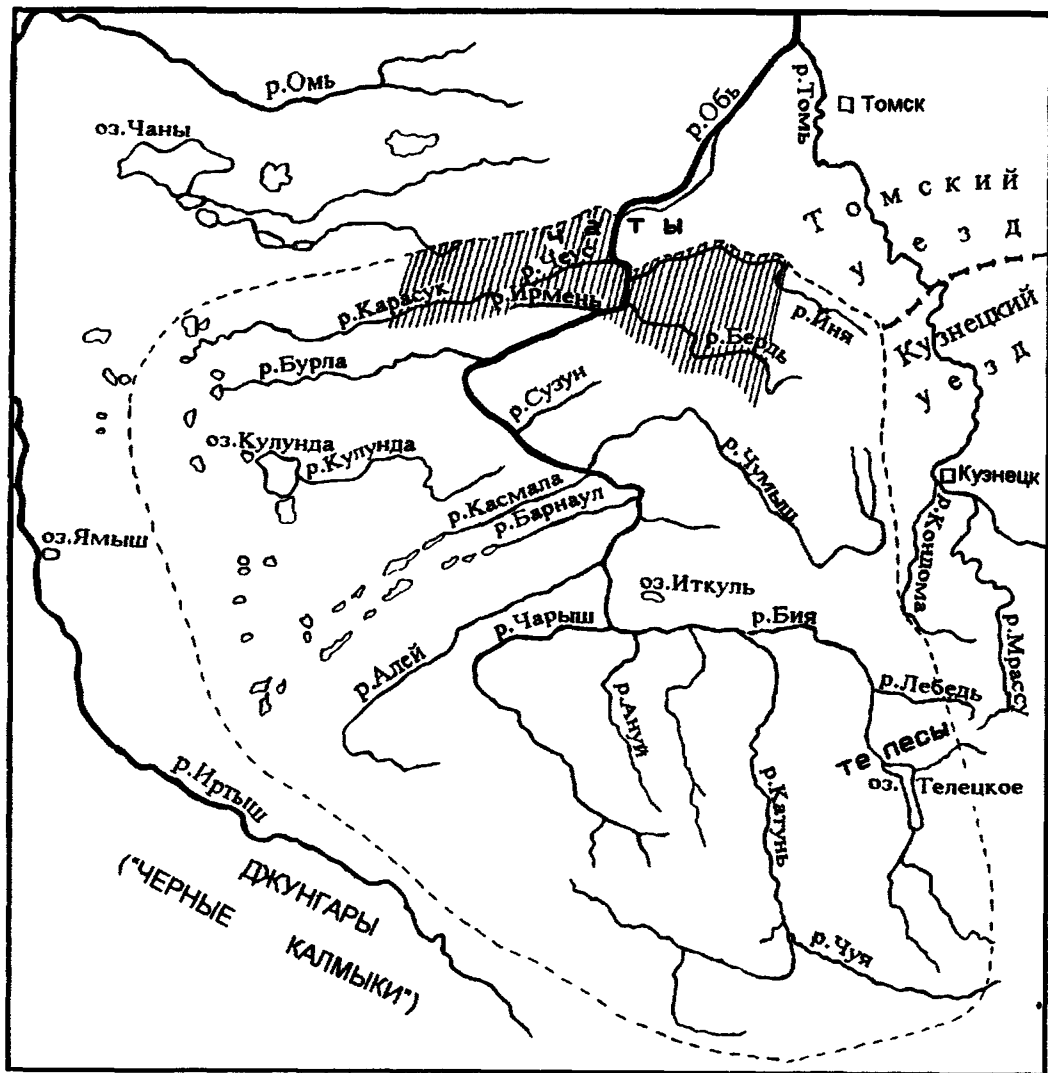

Рис. 38. «Телуэцкая земля» на рубеже XVII—XVIII вв.

Штриховкой обозначена «межа с Телуэцкой землицей», показанная на русских картах того времени.

Карта составлена по материалам А. П. Уманского.

произошло объединение части монгольских племен, образовавших Джунгарское ханство. Постепенно телеуты оказались подвластны монгольскому контайше, а «Телеутская земля», сохранив некоторую самостоятельность, стала северной окраиной Джунгарии (рис. 29)¹⁶. Сюда и прибыл в мае 1717 года посланец сибирского губернатора Григорий Вельянов.

Вскоре весть о стоявшем на берегу Иртыша русском посольстве дошла до местного князька Манзу, кочевавшего между Чарышом и Ануем, в четырех днях пути от лагеря Вельянова. Узнав, что тобольский дворянин везет царскую грамоту для контайши, князь распорядился с почестями проводить его в ставку правителя Джунгарии (Ургу), до которой пришлось ехать еще почти месяц.

27 июня русский посол встретился с Цэван-Рабданом. Контайша принял грамоту Петра I, и на этом переговоры завершились. Взятый «под крепкий караул», Вельянов был вынужден до весны следующего года кочевать вместе с джунгарским правителем. Он оказался уже третьим посланцем князя Гагарина, которого в качестве заложника удерживал Цэван-Рабдан после начала похода подполковника Бухгольца¹⁷.

Тем временем сибирский губернатор продолжал выполнять план, начертанный Петром. В 1717 году восстановленная Ямышевская крепость была значительно укреплена. Тогда же посланный из Тобольска конный отряд в сто человек впервые достиг озера Зайсан, из которого вытекает Иртыш. Для плавания по озеру была построена большая лодка. Обследование берега показало, что на истоке Иртыша берега низкие и топкие, для крепостного строения непригодные. Джунгары, конеч-

но, знали о русской экспедиции на Зайсан, но никаких препятствий не чинили.

Обстоятельства складывались таким образом, что обе противостоящие стороны не были заинтересованы в ведении военных действий. Для русских отрядов главной целью оставалось сркенское золото, а не захват новых территорий. Исходя из этого, Гагарин строго инструктировал командиров, «чтоб калмыкам, где бы ни было, ни малейшей обиды не чинить». Контайша же, хотя и был раздражен строительством русских крепостей на своей территории, не хотел войны с Россией.

Положение Джунгарского ханства в это время было довольно сложным. На северо-западных рубежах происходили стычки с кочевыми племенами «Казачьей Орды» и приходилось ожидать нападения казахских ханов, которые не оставляли надежды вернуть земли, ранее захваченные у них джунгарами. Еще напряженнее была обстановка на юго-восточных границах ойратского государства, где велась очередная война с Китаем за Тибет и богатые оазисы, расположенные к северу от этой горной страны. События развивались несудачно для контайши. Китайским войскам удалось потеснить джунгар и взять город Турфан, откуда было сравнительно недалеко до ставки Цэван-Рабдана в верховьях реки Или.

В сложившейся ситуации правитель Джунгарии не хотел рисковать мирными отношениями с Россией, поскольку он был не в состоянии вести войну одновременно с несколькими противниками. Боевые действия против посланных Петром I отрядов стали нежелательными, к тому же русские постоянно подчеркивали свое миролюбие¹⁸.

В этих условиях Цэван-Рабдан все большее значение придавал борьбе дип-

Рис. 39. Нападение китайского отряда на монгольский лагерь.

Рисунок из китайской исторической хроники.

ломатической, а не военной. Так и не поверив, что новые русские крепости построены по царскому приказу, контайша решил пожаловаться сибирскому губернатору на самоуправство местных властей. Раздражение Цэван-Рабдана вызвали не только укрепления, возведенные по Иртышу, но и построенные на правом берегу Оби в «Телеутской землице» Берд-

ский острог (1716 г.) и Белоярская крепость (1717 г.)¹⁹.

1 марта 1718 года Григорий Вельянов был отпущен в Тобольск. Он вез личное послание джунгарского владыки, адресованное Матвею Гагарину. Обратный путь опять проходил через «Телеутскую землицу». Вельянов вновь оказался гостем того же князя Манзу, которого год назад застал между Чарышом и Ануем. Теперь ставка этого правителя располагалась в двух днях пути от Иртыша, на его правобережье.

В конце 1717 или в первой половине 1718 года подданные джунгарского контайши оставили места своего традиционного обитания в Верхнем Приобье и откочевали на юг, в горы Алтая и к Иртышу. Огромная территория по левому берегу реки Оби на некоторое время опустела.

Позднее, когда в 1723 году в Джунгарию прибыло посольство от Петра I, в ходе переговоров русского посланника капитана Ивана Унковского с Цэван-Рабданом велась речь и о недавнем переселении телеутов и других подданных контайши. По словам Унковского, при встрече с ним правитель Джунгарского ханства утверждал: «Русские люди нашему телеугцкому народу чинили обиды, и от тех обид наши принуждены были, оставя свои места, прочь пойти». Передавая содержание другой беседы с Цэван-Рабданом, посол писал: «Теленгуты де жили около Оби реки, и оных де с две тысячи побили и побрали [русские отряды], а достальные де сюда [на левобережье Иртыша] ушли».

Из этих слов можно сделать вывод будто бы откочевка подданных контайши из Верхнего Приобья была совершена исключительно под давлением русских, без всякого принуждения со стороны джун-

гарских властей и без специального приказа. На самом деле, по-видимому, все обстояло несколько иначе. Переселение кочевников из приобских степей произошло в течение короткого времени и неожиданно для сибирской администрации. Весной 1717 года на устье реки Барнаул (в районе современного города Барнаула) и по р. Алею еще обитали «калмыки», а осенью 1718 года русские разведчики уже никого не встретили у устья Чарыша; в следующем году Кулундин-

ская степь называлась в русских документах бывшим кочевьем телеутов²⁰.

Организованный уход тысяч кочевников вряд ли был возможен без специального приказа контайши, тем более, что такое переселение неизбежно приводило к потере территории, на которой их предки обитали более века. Фактически это означало крупную уступку Русскому государству, пойти на которую вынуждала правителя Джунгарии сложная внешнеполитическая обстановка.

2.6. «В СИБИРИ УЖЕ ЕМУ ГУБЕРНАТОРОМ НЕ БЫТЬ...» (1718 — 1721 годы)

1718 год оказался роковым в судьбе Матвея Петровича Гагарина. Вызванный в столицу для участия в суде над царевичем Алексеем, сибирский губернатор вскоре сам оказался под арестом. Он обвинялся во множестве хищений и злоупотреблении властью. В Петербурге началось следствие, которое продолжалось более двух лет.

Для проведения дополнительного дознания в начале 1719 года в Тобольск послали «гвардии майора, в ранге генерала-майора, Ивана Михайловича Лихарева»²¹. Отправляя в далекую губернию военного такого высокого ранга, Петр I поставил перед ним несколько задач. «Ехать тебе в Сибирь, — гласил царский указ, — и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина. ...Между тем же трудиться всеми мерами освидетельствовать... о золоте Иркутском, подлинно ль оно есть»²².

Несмотря на появившееся сомнение в подлинности срсенского золотого промысла, Петр I приказал Ивану Лихареву

продолжить военный поход в верховья Иртыша и далее «от Зайсана озера к Иркутки». Кроме того, царь, недовольный сдачей джунгарам весной 1716 года Ямышевской крепости, поручил Лихареву провести следствие «о подполковнике Бухгольце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли».

В середине февраля Иван Лихарев с небольшим отрядом выехал в Тобольск. По устному распоряжению Петра I он должен был «о Гагарине сказывать в городах Сибирской губернии, что он Гагарин плут и недобрый человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть». Таким образом гарантировалась безопасность всем, кто стал бы сообщать «о худых поступках» прежде могущественного сибирского правителя.

Целый год провел Лихарев в Тобольске, занимаясь следственными делами и готовя военную экспедицию к верховьям Иртыша. Для пополнения войска в сибирские полки набирались новые рекруты, запасался провиант. Для плавания по

мелководным иртышским истокам строились специальные плоскодонные лодки. 8 мая 1720 года отряд во главе с Иваном Михайловичем Лихаревым отплыл на судах-дошаниках вверх по Иртышу.

Их путь проходил мимо Омской и Ямышевской крепостей, заложенных Бухгольцем. В Семипалатинской крепости, построенной в 1718 году (современный город Семипалатинск), войска пересели на большие крытые лодки-плоскодонки. Затем караван из тридцати четырех лодок, на которых разместились 440 человек с грузом, отправился вверх по реке к Убинской крепости — последнему русскому форпосту, возведенному летом 1719 года.

Дальше экспедиции предстояло плыть по местам, известным только из донесений разведчиков. Лодки поднялись до озера Зайсан, пересекли его и вошли в русло Верхнего (Черного) Иртыша. Отсюда начинались неведомые земли, куда русским до этого времени проникнуть не удавалось. Отряд Лихарева «продолжал свою езду в верх по сей реке 12 дней без остановки».

Неизвестно сколь далеко смогли бы еще подняться в Алтайские горы посланные Петром I войска, если бы не противодействие со стороны джунгар. Земли вдоль Черного Иртыша являлись исконно джунгарской территорией. Поэтому, несмотря на стремление избежать военных конфликтов с Россией, предводители кочевников не могли спокойно наблюдать за продвижением отряда Лихарева.

В начале августа произошло вооруженное столкновение. Русские лодки были обстреляны с высокого берега из луков и ружей. Однако это не остановило отряд. Плавание вверх по Черному Иртышу

продолжалось еще два дня под прикрытием пушек и высаженных на берег солдат.

Продвижение шло очень медленно из-за постоянного противостояния с джунгарами, а главное — из-за мелководья. Лодки часто садились на мели, и людям приходилось «выходить из судов, и суда по мелким местам перетаскивать». Было ясно, что истоки Иртыша уже где-то недалеко, но о поисках водного пути к Аральскому морю и городку Эркету не могло быть и речи. Существовала опасность, что с приближением осени воды в реке станут еще меньше, лодки «на сухом месте сядут, и к возвратному пути в Сибирь вся надежда исчезнет». Это заставило офицеров на военном совете принять решение повернуть вспять. К тому времени отряд потерял одного человека убитым, трое были ранены.

Чтобы обеспечить безопасное возвращение, Лихарев вступил в переговоры с джунгарским полководцем Галдан-Цереном, сыном хана Цэван-Рабдана. Русские заверили кочевников, «что им никогда на ум не приходило войну или неприятельские действия начинать, но только хотели осмотреть, откуда река Иртыш начало свое имеет, и можно ли дойти до ее источников; а прочее их намерение было сыскать рудокопные места». Обменявшись подарками, Лихарев и Галдан-Церен договорились о мире.

На обратном пути, не досзжая до Убинской крепости, гвардии майор основал на джунгарской территории новый русский форпост — Усть-Каменогорскую крепость (современный город Усть-Каменогорск). В октябре 1720 года отряд вернулся в Тобольск. Оттуда Лихарев сразу же выехал в Петербург, где все еще находился в заточении инициатор похода за

еркенским золотом — Матвей Петрович Гагарин.

Вероятно, неудача военной экспедиции 1720 года повлияла на судьбу опального губернатора. Сообщение Гагарина о золотом промысле под калмыцким городком Эркет было объявлено заведомой ложью. Утверждалось, что губернатор, желая «у государя полки и ружья выманить», сознательно пошел на подлог и под видом калмыцкого отправил царю золотой песок, купленный его специальным посланником в Китае.

«Вышло боком» Матвею Петровичу и «могильное» золото. На допросах выяснилось, что он посылал царю только «фигурные» изделия, которые вызывали интерес Петра I. Остальное золото из находок сибирских бугровщиков Гагарин просто переплавлял, причём занимался этим бесконтрольно. «А которое не фигурное и ломаные вещи переделывал я в другие вещи. Делал судки и ножи, и вилки, и ложки, высылал к великой государыне царице Екатерине Алексеевне в том же 1717 году», — оправдывался на следствии Гагарин. Но доказать, что весь драгоценный металл отправлялся в столицу, похоже, так и не удалось²³.

Кроме того, Гагарина обвиняли и, очевидно, не без оснований, в трате казенных денег «на пустые и затейные свои забавы». Весной 1721 года бывший сибирский губернатор по распоряжению Пет-

ра I был «висялицею награжден» — повешен в центре столицы перед зданием Юстиц-коллегии²⁴.

Так закончилась история с «песошным золотом», которое на свою беду приобрел у бухарского купца в Тобольске Матвей Петрович Гагарин. Русские полки не дошли до джунгарского города Еркена и золотоносной реки Ерсен-Дарьи. Однако пятилетние усилия не были напрасны. Основным итогом неудачного похода оказалось изменение государственной границы России. Отныне она стала проходить по Иртышу, вдоль правого берега которого появились новые русские крепости, образовавшие пограничную укрепленную линию.

К Сибирской губернии отошли обширные территории, по которым еще недавно кочевали телеуты и другие народы, подвластные джунгарскому хану. Только теперь в состав России была включена часть гор Алтая. В их недрах скрывались богатейшие медные месторождения и залежи руд драгоценных металлов.

Пока военные искали путь к чужому золоту, сибирские промысловики-первопроходцы начали освоение нового района. Еще не успели возвести последние крепости на Иртыше, и в Тобольске только приступали к постройке кораблей для экспедиции Ивана Лихарева, а в алтайских предгорьях уже сделали свои первые открытия русские рудознатцы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*«Оные руды суть
лучшие и богатейшие
по всей Сибири»*

(1718—1725 годы)

3.1. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ МЕДИ (1718 год)

Вплоть до начала 1720-х годов русское население на территории современного Алтайского края проживало только в правобережном Приобье. Эти земли входили в состав Кузнецкого уезда.

В 1717 году посланный из Кузнецка отряд построил на правом берегу Оби, примерно в 10 км ниже устья р. Барнаул, Белоярскую крепость. На следующий год была поставлена новая крепость на правом берегу Бии (первую, Бикатунскую, возведенную в 1709 году, в 1710 сожгли джунгары)¹.

Граница Томского уезда с «Телеутской землицей» проходила на обском левобережье, примерно по рекам Карасук и Ирмян. Сейчас это территория Новосибирской области. Все левобережное Приобье современного Алтайского края во время постройки Белоярской крепости еще считалось телеутскими владениями. К осени 1718 года, после откочевки телеутов на юг, земли по левому берегу Оби опустели и оказались никому не принадлежащими². Первыми из русских на эту территорию стали самовольно проникать

отправившиеся на промысел охотники и бугровщики.

Как специальный промысел сибирское бугровщичество возникло во втором десятилетии XVIII века. Первоначально раскопками древних курганов стали заниматься крестьяне, жившие на реке Ишим. Проникновение бугровщичества в левобережное Приобье также связано с крестьянами-«ишимцами», переселившимися в Томский уезд. На берегу Оби ими была основана деревня Анисимова, около которой в 1713 году возвели Чаусский острог³.

Чаусская слобода тогда пользовалась славой одного из крупнейших центров сибирского бугровщичества.

Проехавший в начале 1720 года через Томский уезд шотландец Джон Белл отмечал в своих записках: «Много народу ходит каждое лето из Томска и других мест на равнину за 9—10 дней пути к могилам, раскапывает их и находит много золота, серебра, бронзы и драгоценных камней, мечи и оружис, уборы седел и уздечек»⁴.

*Рисунок на илмуцтитуде.
Сибирский бугровщик. С рисунка из рукописной книги 1735 года.*

С лета 1718 года появилась возможность пройти дальше на юг и, минуя равнины, достичь отрогов Алтайских гор. Вместе с бугровщиками могли попасть сюда и первые рудознатцы. Они шли на Алтай не за пушным зверем и «могильным» золотом. Их промысел назывался «горным». Он состоял в поиске различных руд, слюды, хрусталя и иного «самоцветного камня».

Особенность сибирского рудоискательства в XVIII веке заключалась в том, что основным поисковым признаком, по которому находили месторождения полиметаллических руд, были остатки древних горных выработок: ямы, шахты и отвалы вокруг них. Эти хорошо видимые на поверхности разработки первых рудопромыслов сибиряки называли «чудскими копиями», считая, что их оставил легендарный народ «чудь». Проникая в пределы Рудного Алтая, бугровщики нередко обнаруживали следы древних горных работ. Поэтому иногда именно они выступали в качестве «рудосыщиков».

История открытия алтайских медных руд тесно связана с судьбой одного из таких «промысловиков» — Степана Григорьевича сына Костылева, крестьянина деревни Костылевой из владения Коркиной слободы на р. Ишим⁵.

В 1717 году он подал челобитную на имя сибирского губернатора М. П. Гагарина, в которой просил «опустить меня из слободы Коркиной и взять мне из твоей слободы охочих людей искать вверх по Ишиму реке... и по иным рекам руды: серебряные, медные, железные и иных; и слюды; и в курганах вещей». Тобольским начальством на прошение была сделана пометка, позволяющая Степану Костылеву вести поиски по р. Ишим. Однако когда он с этим разрешением вернулся в Коркину слободу, местный приказчик

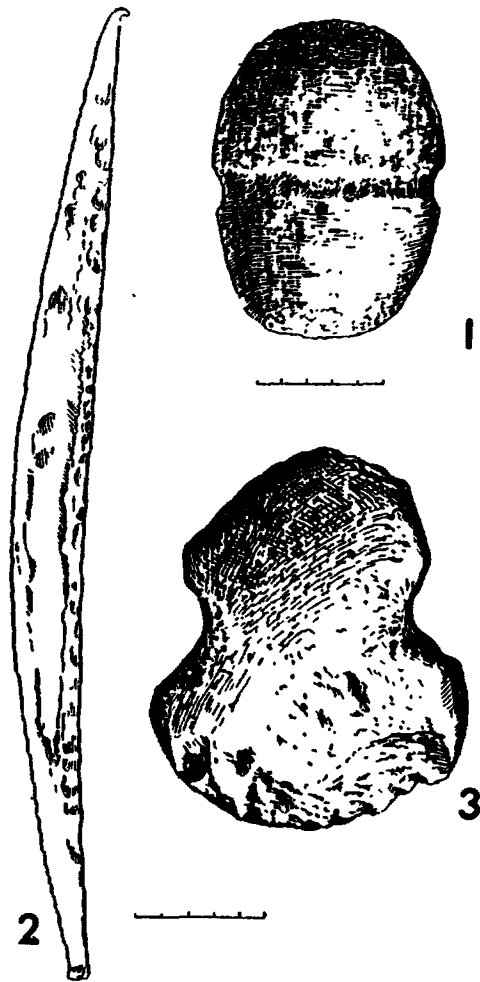
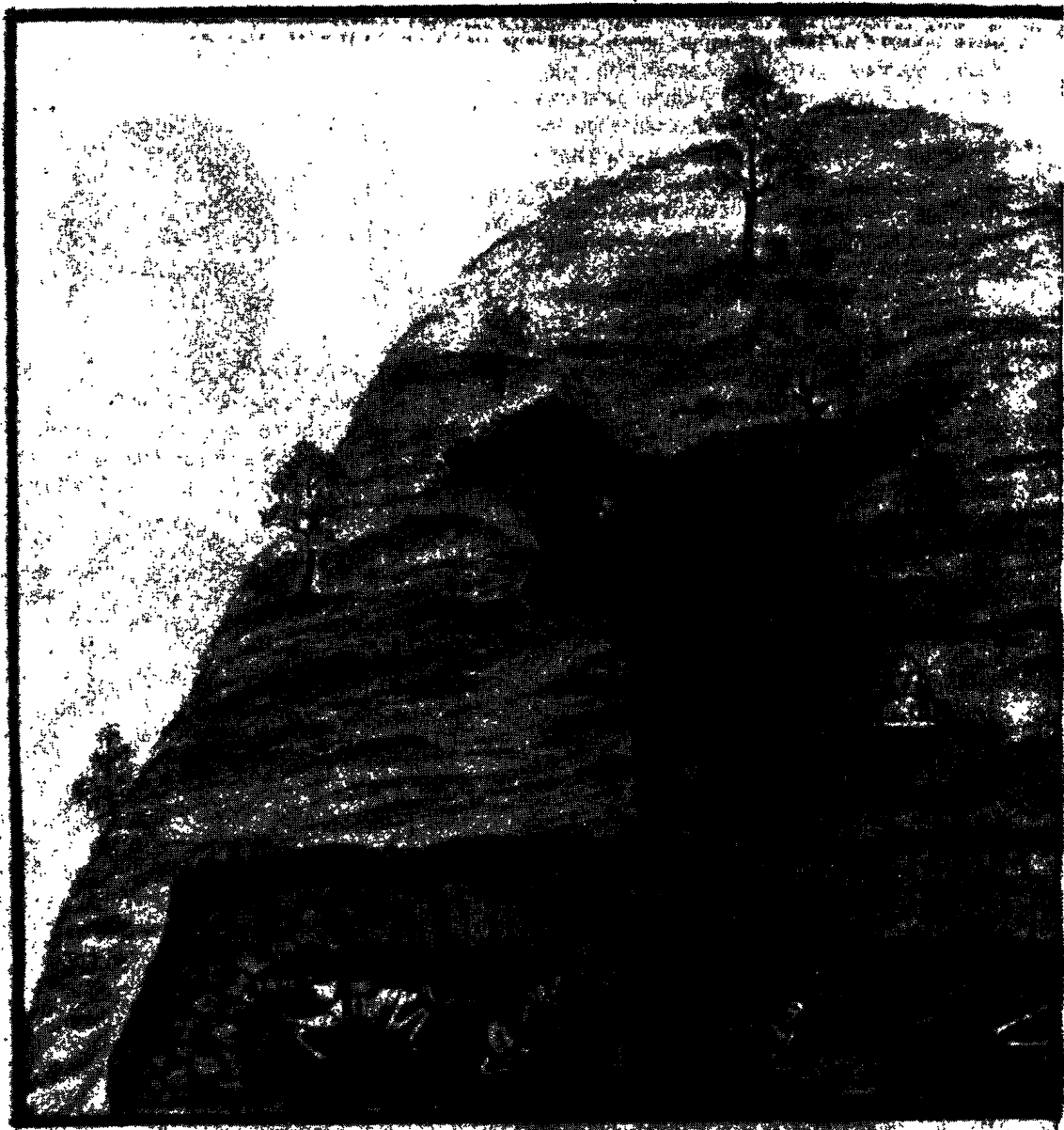

Рис. 40. Древние орудия горного дела из «чудских копий» Алтая.
1 — каменный молот, 2 — медная кирка,
3 — каменное кайло.

«тую челобитную у меня отобрал силою..., а охочих людей мне не дал и руды искать не велел»⁶.

В результате самоуправства местного начальства Костылев так и не смог начать свои поиски на Ишиме. По документам известно, что после конфликта с приказчиком будущий первооткрыватель алтайской меди покинул родную деревню и пересел в Томский уезд. В 1721 году Степан Костылев жил в ведомстве Чаусского острога⁷, где обитали его земляки-«ишимцы», среди которых могли быть и родственники. Вполне вероятно, что Костылев поселился в Чаусском остроге сразу же после переезда.

О начале своего горного промысла в Приобье сам Степан позже рассказывал так: «А в прошлом же 1718 году приехал я в Томской город и приискал товарища Ивана Горбуна. И нашли мы медные руды в Томских урочищах многое число»⁸.

Таким образом, по словам рудознатца, найденные месторождения располагались в пределах Томского уезда. Проникали ли Костылев и Горбун в 1718 году в предгорья Алтая? Могли ли в числе открытых ими месторождений оказаться и алтайские? Имеющиеся в распоряжении историков документы пока не позволяют однозначно ответить на эти вопросы. Точные свидетельства о находках Степаном Костылевым алтайских руд относятся к следующему, 1719 году.

Рис. 41. Сибирские бугровщики, раскапывающие древний курган.

Рисунок из рукописи В. Геннина 1735 года

На подлиннике пояснительный текст автора: «Насыпной старинной бугор или могила, каковы имеютца между реками Обью и Иртышем около Семи полатной крепости, в которых находятца мертвые человеческия телеса, которые клали в те могилы по смерти их с лошадьми; с их убором, которой они при жизни своей имели и употребляли в военное время и в домах, золотым, серебряным и медным».

3.2. ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА АЛТАЙСКИМИ РУДАМИ (1719 год)

Воодушевленные своими открытиями, Степан Костылев и его напарник Иван Горбун в 1719 году подали главе Томского уезда (коменданту) челобитную с просьбой разрешить им дальнейший поиск руд. К прошению были приложены образцы из найденных месторождений. «И оный комендант челобитную при нас бросил оземь, и товарища и меня не отпустил, и хотел нас кнутом бить», — жаловался позже Степан⁹. Такая реакция томского начальника, очевидно, была вызвана тем, что Костылев и Горбун ездили на свой промысел без ведома властей.

О дальнейших событиях 1719 года документы рассказывают противоречиво. Попробуем изложить версию, которая кажется нам наиболее близкой к истине¹⁰.

Запрет коменданта «искать в Томских урочищах руды» не остановил азартного Костылева. Ватаги чаусских бугровщиков отправлялись в алтайские предгорья, лежащие за пределами Томского уезда, без специальных разрешений. Точно также, на свой страх и риск, поехали из Чаусского острога в верховья реки Алей Степан Костылев и его товарищи по горному промыслу. Иван Горбун в этой экспедиции уже не участвовал.

«Обыскал я, низайший, с товарищи моими Михаилом Волковым, Леонтеем да Макаром Останиными, Федором Комаровым выше Томска по Обе и по Алею рекам в Алейских горах в шести местах медные руды», — вспоминал в 1734 году Костылев¹¹.

Никакими биографическими данными о Федоре Комарове, так же, как и об Иване Горбуне, мы не располагаем. Что ка-

сается Михаила Волкова, то отрывочные сведения о нем, разбросанные по разным документам, воссоздают колоритный образ вольнолюбивого сибиряка-рудознатца. В 1717 году казачий сын Михаил Волков жил в Чаусском остроге. Очевидно, там и произошла его встреча с Костылевым. Волков искал руды в предгорьях Алтая, на Оби и по р. Томи. В историю Сибири он вошел как первооткрыватель кузнецкого каменного угля. Вместе с тем известно, что Михаил Волков ездил с артелями «бугровать вверх по Иртышу реке» и даже находил там чудские копи, в которых «обретается руда признаком золотая»¹².

В 1722 году, после сообщения в Сибирское горное начальство о новых месторождениях, Костылев и Волков были наильно оставлены на Урале до утверждения их рудоискательских заявок в столице. В дальнейшем их жизненные пути окончательно разошлись. С братьями Останиными связи Степана Костылева оказались более прочными. Позже Леонтий и Макар вместе с сыном Степана Яковом Костылевым были в числе руководителей нового отряда рудоискателей, работавшего в «Алейских горах».

Архивы сохранили нам имена только четырех участников алтайской экспедиции Степана Костылева, хотя, несомненно, их было больше.

Скорее всего, именно поиски 1719 года привели к открытию алтайской меди. Если раньше в России только догадывались о рудных богатствах Алтая и стремились их обнаружить, то теперь эти надежды начали сбываться.

3.3. «ГОСУДАРЕВО ДЕЛО» (1719 — начало 1720 года)

За открытие алтайских руд Костылев и его товарищи надеялись получить вознаграждение. Ради этого и отправлялись они в 1719 году в «Алейские горы», как называли тогда верховья реки Алей. Вместе с заявкой о найденном месторождении требовалось представить образцы руд в количестве, достаточном для пробной плавки. Чаусские «рудосыщики» привезли из поездки в «Алейские горы» несколько пудов таких образцов. Теперь они могли заявить о своей находке властям и как первооткрыватели претендовать на награду.

Вновь «объявлять» руды томскому коменданту было не только бесполезно, но и опасно — ведь он запретил Костылеву вести горный промысел в «Томских урочищах». А выше коменданта в уезде начальника не было.

В этих условиях неутомимый Степан решил на крайний шаг: объявил «государево дело», то есть свою причастность к делу государственной важности, а дальнейшие показания местным властям давать отказался. Настойчивый рудоискатель был отправлен в центр Сибирской губернии — город Тобольск, где тоже не стал вступать в объяснения, «и не объявляя того дела в Сибири, выслан» вместе с Федором Комаровым в Москву, в сыскной Преображенский приказ, заслуженно пользовавшийся мрачной известностью¹³.

Из сысского приказа можно было вернуться в Сибирь в кандалах, а то и попасть на плаху. Но алтайским рудознатокам повезло: поддержка и помощь неожиданно пришла со стороны другого государственного ведомства.

10 декабря 1719 года царским указом вместо Рудного приказа была создана Берг-коллегия — особое учреждение, ведавшее горно-металлургической промышленностью России («берг» — в переводе с немецкого — гора; «коллегия» — совет). Отныне запрещалось, чтобы губернаторы, воеводы и прочие местные начальники «в рудокопные дела вступали и мешались»¹⁴. Сама Берг-коллегия располагалась в Санкт-Петербурге, а ее предстателям — берг-офицерам — указом предписывалось быть «в Москве, в Сибири и в Казани».

Слово «Сибирь» в то время имело несколько иной смысл: оно обозначало Сибирскую губернию, земли которой простирались на восток до Тихого океана, а на запад лишь немного не доходили до реки Волги. Губерния делилась на три провинции: Вятскую, Пермскую и собственно Сибирскую, включавшую все российские территории к востоку от Урала¹⁵. Такое административное деление отражала печать Сибирской губернии, состоявшая из гербов трех провинций (рис. 42)¹⁶. Горное начальство Сибири располагалось на Урале.

В законе специально оговаривалось вознаграждение первооткрывателям рудных месторождений. За каждый фунт меди или золотник серебра, выплавленный из «опытного пуда руды», полагалось по четыре рубля — сумма по тем временам весьма значительная. Достаточно сказать, что пуд ржаной муки стоил около десяти копеек.

По указу от 10 декабря 1719 года рудознатоцы, такие, как Степан Костылев и

Рис. 42. Печать Сибирской губернии. 1710 год.
Внизу слева — герб Пермский, справа — герб Вятский.
Над ними старый герб Сибирского царства.

его товарищи, получали поддержку и защиту со стороны государства. «Соизволяется всем, и каждому дается воля какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы» — говорилось в первом

пункте указа. Тем же, кто будет мешать поиску руд, как «врагу общенародной пользы», грозило наказание вплоть до смертной казни. Подписанный царем документ подтверждал причастность Степана Костылева и Федора Комарова к делу государственной важности.

3.4. ПЕРВАЯ ПЛАВКА (апрель — май 1720 года)

Весной 1720 года Костылев и Комаров на допрос в Преображенском приказе объявили о медной руде, найденной ими «вверх по Оби реке, по речке Алею»¹⁷. В Преображенском ломались многие судьбы, и как знать, чем бы закончилось для алтайских рудоискателей объявление «государева дела», не будь отправлена вслед за ними из Тобольска в Москву собранная руда и не оказалась она столь богатой.

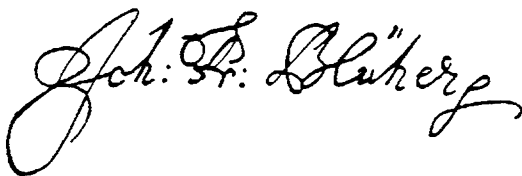

Рис. 43. Автограф Иоганна Фридриха Блюэра.

Новый сибирский губернатор Алексей Михайлович Черкасский послал ее на пробу в Берг-коллегию к опытному плавильному мастеру Блюэру¹⁸.

Иоганн Фридрих Блюэр приехал в Россию в 1699 году вместе с несколькими

другими специалистами, нанятыми в Саксонии по распоряжению Петра I. За двадцать лет он стал одним из лучших «пробирных» мастеров в России. Не случайно именно ему доверил царь в 1714 году опробовать еркенское золото, полученное от Гагарина.

В начале 1720 года Блюэр был направлен на Урал и 4 апреля проездом из Санкт-Петербурга прибыл в Москву, где задержался до июня¹⁹. Здесь его и застали два пуда медной руды, посланные из Сибири А. М. Черкасским.

Первая плавка этих образцов была осуществлена Блюэром в Москве в апреле или первой половине мая 1720 года. Содержание металла превзошло все ожидания — медь составляла почти одну треть от общего веса!²⁰

Такие результаты сразу же привлекли внимание специалистов недавно созданной Берг-коллегии. С рудознатцами пожелал встретиться Василий Никитич Татищев, тридцатичетырехлетний капитан-поручик артиллерии, только что назначенный на должность управляющего сибирскими горными заводами.

3.5. АЛТАЙСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ И В. Н. ТАТИЩЕВ (1720 год)

Поразительные результаты пробной плавки томских руд не могли оставить Татищева равнодушным. «Оные руды суть лучшие и богатейшие по всей Сибири», — писал об алтайских месторождениях Василий Никитич спустя полтора десятилетия²¹. Но понял он это, безуслов-

но, еще тогда, весной 1720 года. Да что там «по всей Сибири»! Медная руда, на треть состоящая из металла, — такого в России еще не знали!

Татищев известил Берг-коллегию о своих намерениях совместно с Блюэром лично посетить «для свидетельства руд»

Рис. 44. Князь Алексей Михайлович Черкасский (1680—1742).
Сибирский губернатор в 1719—1724 годах.

обнаруженные Костылевым и Комаровым месторождения²². Проводниками в такой поездке могли быть только томящиеся в Преображенском приказе первооткрыватели. Поэтому Татищев просил находящегося в Москве князя А. М. Черкасского прислать к нему Степана Костылева и Федора Комарова.

Встреча состоялась 26 мая 1720 года. В тот же день Василий Никитич донес в Берг-коллегию, что он берет рудоискателей с собою в Сибирь²³.

В это же время почтовый курьер уже

вез из Петербурга в Москву указ Берг-коллегии, который должен был несколько охладить пыл молодого управляющего сибирскими горными заводами. Более опытные столичные специалисты гораздо осторожнее отнеслись к результатам первой плавки. Два пуда опробированной руды, по их мнению, еще не могли дать точного представления о богатстве алтайских месторождений.

28 мая 1720 года Татищев получил указ, предписывающий отправить вместе с Костылевым и Комаровым для составления детального описания открытых ими месторождений «из школьников кого пристойно». Помимо описи им следовало поручить сделать подробный чертеж и привезти образцы руд для новых исследований. Самим же Татищеву и Блюэру на Алтай было «ехать не велено покамест Берг-коллегия не увидит о той руде и тем местам описи»²⁴.

В июне группа горных специалистов во главе с В. Н. Татищевым и И. Ф. Блюэром отправилась из Москвы на Урал для знакомства с состоянием казенных заводов и подготовки строительства новых. Вместе с ними ехали и томские челобитчики. 30 июля Татищев прибыл в Кунгур, где остановился до осени²⁵.

Вероятно, в Кунгуре Василий Никитич получил известие о том, что новый сибирский губернатор Алексей Михайлович Черкасский, недавно сменивший на этом посту попавшего под следствие и позднее казненного М. П. Гагарина, уже распорядился послать местного знатока горного дела для описания заявленных месторождений. С этой целью с Урала был отправлен рудоплавный мастер казенного Каменского завода Федор Инютин, а его проводником стал один из первооткрывателей алтайской меди Михаил Волков²⁶.

Видимо, поэтому Татищев в 1720 году не выполнил указ Берг-коллегии, оставив Костылева и Комарова в Кунгуре до возвращения Федора Инютина.

11 октября 1720 года в Кунгурскую горную канцелярию наконец прискакал курьер из Тобольска. Им оказался казачий сын Михаил Волков, доставивший Татищеву письмо от сибирского вице-губернатора и приложенные к нему два куска руды. Надпись на ярлыках, привязанных к образцам, была крайне лаконична: «Из Томска». Начальнику горных заводов беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: меди в этих камнях нет и быть не может — это не руда!

Через несколько дней Костылев и Комаров были отпущены из Кунгура в родные места. Каждый из них получил от Татищева на дорогу по два рубля. Надо полагать, что, объявляя «государево дело», челобитчики надеялись на большее. Ведь за каждый фунт меди, выплавленный из опытного пуда руды, первооткрывателям полагалось четыре рубля. Из пуда алейской руды Блюэр получил в Москве свыше 13 фунтов меди, следовательно, награда должна была составлять более 50 рублей.

3.6. ЛЕГЕНДА О БЕГЛЕЦЕ ИНЮТИНЕ (1721 год)

История с «пустою породой», собранной Федором Инютиным, имела свое продолжение в 1721 году. 17 февраля А. М. Черкасский уведомил Татищева, что Михаил Волков подал донос на рудознатного мастера Инютина «в неприиске в Томском уезде руд и о взятках его с жителей того уезда Чаужского острога».

По-видимому, отдавая Татищеву специальное распоряжение отправить на вновь открытые месторождения сведущего человека, Берг-коллегия ставила выплату вознаграждения первооткрывателям в зависимость от результатов такого обследования. Поскольку «Федор Инютин, посланный в те места по доношению Костылева и Комарова», привез образцы, которые, по словам Татищева, «ни мало с прежними не сходны», с наградой, очевидно, решили повременить. Вместе с тем рудоискателей обнадружили, выдав им по два рубля и предписав продолжать поиски новых руд.

А в Петербург, в Берг-коллегию, 19 октября Василий Никитич отправил отчет, в котором сообщил, что собранные Инютиным образцы «едва ли какую руду в себе иметь могут», и он уже послал в Тобольск распоряжение прислать Инютина «сюда к нам»²⁷.

Как знать, если бы Татищев осуществил свой первоначальный план и сам побывал в «Алейских горах», может быть, совсем иной была бы история освоения рудных богатств Алтая, уже открытых, но еще долго не востребованных Россией.

По проведенному в Чаусском остроге следствию выяснилось, что Инютин действительно брал с местных жителей деньги. Им было собрано 300 или даже 400 рублей — огромная по тем временам сумма. Достаточно сказать, что рабочая лошадь тогда стоила от 4 до 6 рублей. По делу Федора была арестована его жена

Мавра. На допросе 7 марта она показала: «Слышала-де, что муж воротился из Томска богат..., что на расспросы ее прожитки муж ей сказал: занял-де в Томске у доброго человека денег 200 рублей, и на те деньги торговал и получил-де прибыли вдвое...»²⁸.

Уличенного в лихоимстве Инютина для продолжения следствия по обвинению «в неприиске в Томском уезде руд» отправили под стражей на Уктусский завод, где в то время располагалось Сибирское горное начальство во главе с В. Н. Татищевым. По дороге Инютин бежал. Никаких документальных свидетельств о его дальнейшей судьбе нет. А там, где молчат архивные документы, рождаются предположения, со временем затмевающие реальные факты.

В конце прошлого века материалы следственного дела Федора Инютина использовал в одной из своих статей горный инженер В. И. Рожков. Документы неоспоримо свидетельствовали, что обитатели Чаусского острога действительно отдали присажему мастеру большую сумму денег, но не отвечали на вопрос: каким образом удалось Федору Инютину получить такие «взятки». Пытаясь как-то объяснить этот факт, Рожков предположил, что местные жители, вероятно, тайно добывали серебро. Остальное в таком случае объяснялось просто: желая сохранить в секрете свой доходный промысел, чаусские обитатели дали Инютину «взятку» в обмен на обещание не ездить на их серебряные месторождения. О дальнейшей судьбе беглеца В. И. Рожков писал более определенно. Он считал, что Федор Инютин нашел надежное убежище у известного уральского предпринимателя Акинфия Демидова на Невьянском заводе²⁹.

Постепенно автор настолько поверил в собственное предположение, что через несколько лет стал писать о нем как о документально установленном факте: «Федор Инютин... был подкуплен местными жителями, промышленявшими серебряными самородками». На основании этого «факта» возникает новая версия. «Всего вероятнее», вновь предполагал Рожков, Демидов спрятал беглеца от суда и каторги из-за «интересных сообщений о серебре в Томской провинции», которые впервые узнал от Инютина в конце 1721 года³⁰.

Чтобы в красивую версию, сочиненную горным инженером, поверили как в реальное событие, понадобилось почти столетие. Когда история о тайном серебряном промысле перестала казаться выдумкой, она стала дополняться новыми «подробностями». В современной исторической литературе можно прочитать, якобы Михаил Волков в своем доносе «сообщал, что Инютина на Алее подкупили местные жители, “промышленявшие серебряными самородками”... Именно от Инютина Демидовы узнали, что в верховьях Иртыша имеются не только медные руды, но и серебро и золото»³¹.

Вот какая легенда о беглеце Инютине возникла из цепочки взаимосвязанных предположений, не подкрепленных никакими документальными свидетельствами.

Если обратиться к архивным материалам, то история о беглом мастере оказывается не столь красочной и совершенно иной. Отправленный для проверки открытых месторождений, Инютин, как сообщает документ, «Чаужского острогу с жителей взял неколикое [некоторое] число взяток для осмотра по Алею рске в горах рудных мест»³².

Таким образом, деньги, которые отдавали посланцу сибирского губернатора чаусские жители, предназначались не для того, чтобы отговорить Инютина от поездки на Алей, а как раз наоборот. Слово «взятки» употреблено здесь в значении «поборы». Инютина не подкупали, он сам под предлогом предстоящей поездки обирал людей.

Мы не знаем, куда скрылся после побега из-под стражи рудознатный мастер. Документы сообщают, что Инютин исчез «неведомо куда» и о нем «пояныне никакого известия нет»³³. Не исключено, что он действительно нашел убежище на Невьянском заводе. Что же в таком случае мог рассказать беглец Акинфию Демидову об алтайских рудах?

Как свидетельствовал Степан Костылев, Инютин «по показанию товарища нашего Михаила Волкова» осмотрел только одно место на реке Порос, а на Алей не поехал³⁴. В другом документе 1722 года приводится опись «томским

рудным местам», где сообщается о «горе, которую ломал... Федор Инютин». Место это располагалось «от Томского города вверх по Обе реке, по речке Поросу с полтораста верст, а с усть[я] Поросу речки две версты в гору»³⁵. Правый приток Оби река Порос сохранила свое название до наших дней. Ее устье расположено примерно в 25 км от бывшего Чаусского острога (рис. 59). Получается, что никуда дальше чаусских окрестностей Инютин не ездил.

Таким образом, у нас нет оснований сомневаться в правоте Степана Костылева: рудный мастер Федор Инютин на реке Алей не был и алтайских месторождений не видел. Можно по-разному объяснять, почему посланец сибирского губернатора не доехал до заявленных Костылевым и Комаровым месторождений. Однако при отсутствии документальных свидетельств не будем переходить в область легенд и фантазий. А как же серебряные самородки? Их просто не было.

3.7. «ПОСЛАТЬ ИЗ ШКОЛЬНИКОВ КОГО ПРИСТОЙНО» (1721 год)

Обстоятельства сложились так, что предписание Берг-коллегии послать на Алтай «из школьников кого пристойно» в 1720 году выполнить не удалось. Понадеявшись на Инютина, Сибирское горное начальство других специалистов в «Алейские горы» не направляло.

В следующем, 1721 году, В. Н. Татищев действовал строго по предписанию Берг-коллегии. На сей раз для проверки алтайских месторождений был послан «школьник, уктусский житель Никита Петров», человек грамотный и смысленный³⁶. «Школьниками» тогда называли

молодых людей, обучавшихся горной науке на государственных заводах. Вероятно, Татищев умел выбирать надежных исполнителей — позже Никита Петров стал приказчиком Уктусского завода, одного из крупнейших на Урале³⁷.

Отправлявшемуся на Алтай Петрову было поручено осмотреть заявленные в 1720 году месторождения, составить им описание и чертсж, решить на месте, «можно ль завести водяные заводы» и «со всякого места руд сколько возможно привести»³⁸. Так как «школьники» считались еще малоопытными, вместе с Никитой

Петровым из Уктуса был направлен бергауэр (иностраннный рудный мастер) Павел Бривцын, судя по всему, назначенный старшим.

Вместе с плавильным мастером Иоганном Блюэром и другими немецкими специалистами в 1699 году в Россию из Саксонии приехал в качестве переводчика Яган Пауль Прифцен, вскоре переименованный русскими в Павла Бривцына³⁹. Видимо, Пауль Прифцен был в России многолетним спутником Блюэра, который легко объяснялся на немецком и французском, а русский язык знал плохо⁴⁰.

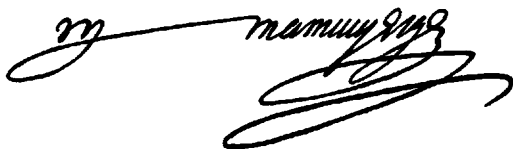
The image shows a handwritten signature in black ink. The signature is written in a cursive style, starting with a large, stylized initial 'В' followed by the name 'Василий Никитич Татищев'. The signature is written on a light-colored background.

Рис. 45. Автограф Василия Никитича Татищева.

Когда В. Н. Татищев стал управляющим сибирскими горными заводами, в помощь ему назначили И. Ф. Блюэра, а «толмачом» следом поехал на Урал Павел Бривцын. Хотя он не был профессиональным металлургом и рудознатцем, почти четвертьвековое общение с пробирными мастерами, очевидно, сделало Бривцына опытным практиком. Поэтому и остановил на нем свой выбор Татищев, много ожидавший от итогов этой экспедиции. Пауль Прифцен стал первым иностранным специалистом, посланным для разведки алтайских руд. Проводником вновь был определен Михаил Волков.

В мае 1721 года Павел Бривцын и Никита Петров получили распоряжение выехать с Михаилом Волковым из Уктуса,

отыскать «посланных с Кунгура... Комарова и Костылева» и вместе с ними осмотреть открытые этими рудознатцами месторождения. «А ежели оные доносители никаких рудных мест не покажут, то привести их сюда с собою»⁴¹.

Путь Бривцына и Петрова лежал из Томска на юг, вверх по правому берегу Оби до устья реки Порос, а далее — в Чаусский острог. Очевидно, они повторили маршрут Федора Инютина, которого год назад вел тот же провожатый. Дорога от города Томска до Чаусского острога в обоих случаях проходила через северные отроги Салаирского кряжа, по «рудным местам», заявленным Михаилом Волковым.

Судя по архивным документам, найти Костылева и Комарова посланцы Татищева сразу не смогли. Летом 1721 года Степан Григорьевич Костылев вновь уехал на горный промысел, взяв с собой в числе других напарников одного из сыновей и двоюродного брата. Теперь они вели поиск не на Алтае, а в Кузнецком Алатау, на территории современной Кемеровской области. Им и здесь сопутствовала удача — удалось обнаружить медную руду в горах по реке Кожух. В Чаусский острог вернулись только к осени. Тогда и произошла встреча Степана Костылева с Бривцыным и Петровым.

Подробно рассказав о найденной на Алтае руде, Костылев, Комаров и Волков ехать с посланцами Татищева в «Алейские горы» отказались. Такое решение рудоискатели объясняли тем, что «по нынешнему осеннему времени» путь до открытых на Алее месторождений может занять более двух недель⁴². Кроме «дальности неспособного пути» они ссылались на опасность от «воровских людей Казачьей Орды»⁴³.

Надо полагать, это были не отговорки. По словам рудознатцев, о стычках с козевниками в тех местах власти Чаусского острога в августе 1721 года уже сообщали главе Томского уезда: «Подъезжали де Казачьей Орды калмыки, на Алее стубили двух человек крестьян, да четверых ранили»⁴⁴.

Итак, первооткрыватели алтайской меди в 1721 году «вести Павла Бривцына и Никиту Петрова на те места не посмели». Смогли ли посланцы Татищева побывать на Алтае без провожатых? Конечно, нет. Подтверждение тому — опись «томским рудным местам», которую составили Павел Бривцын и Никита Пет-

ров. В ней перечислены только месторождения, расположенные по северным отрогам Салаира. Последняя гора, с которой был «взят признак», находилась недалеко от устья р. Порос. Образцов медной руды с «Алейских гор» они не доставили. Экспедиция 1721 года, так же, как и предыдущая, алтайские месторождения обследовать не смогла⁴⁵.

В феврале 1722 года Пауль Прифцен и Никита Петров возвратились в резиденцию Сибирского горного начальства. Строго следуя инструкции, они привезли с собой Степана Костылева и Михаила Волкова, которые должны были ответить за отказ ехать на Алей⁴⁶.

3.8. УРАЛЬСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ (1720 — 1722 годы)

Судьба открытий чаусских рудознатцев во многом решалась на Урале, где тогда размещалось Сибирское горное начальство. Руководил им в те годы В. Н. Татищев, биография которого вполне соответствует знаменитым строкам А. С. Пушкина:

Сии птенцы гнезда Петрова,
В временах жребия земного,
В трудах державных и войны
Его товарищи, сыны.

(«Полтава»)

Участник Полтавского сражения и взятия Нарвы, капитан-поручик артиллерии Василий Татищев по распоряжению Петра I в 1720 году был послан на Урал управляющим казенными металлургическими заводами. Назначение артиллериста на эту должность, видимо, было не случайным: Россия все еще вела

затяжную Северную войну со Швецией, и металл в основном шел на военные нужды.

«Державные труды» на Урале оказались для Татищева не менее тяжелыми и рискованными, чем ратные баталии. Если на полях сражений ему противостояли хорошо обученные шведские полки, все же видимые за пороховым дымом, то теперь Василию Никитичу пришлось иметь дело с опытным противником, чьи маневры были куда менее заметны. Речь идет о знаменитом заводчике Никите Демидове.

Никита «Демидов сын» Антуфьев родился в 1656 году и был старше Василия Татищева ровно на 30 лет. Сын молотобойца Демида Антуфьева начал свою карьеру работником у мастера-кузнеца. Свой первый вододействующий завод Никита основал на собственные средства

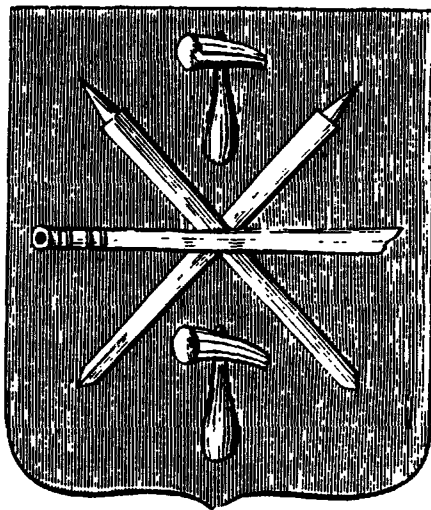
Рис. 46. Никита Демидович Ангуфьев (Демидов) —
основатель знаменитого рода горнопромышленников (1656—1725).
Единственный прижизненный портрет.

в 1690-х годах близ города Тулы, на реке Тулице. Изготавливавшиеся здесь ружья и пушки ничем не отличались от заграничных. Хотя в документах Никиту Антуфьева везде называют оружейным мастером и кузнецом, к концу XVII века он уже был известным заводладельцем, имевшим «на Туле дом и деревни и железных и мельничных заводов... несмалое число»⁴⁷.

Большую роль в биографии Демидова сыграла встреча с царем, который проездом находился в Туле. Петру понравилось как оружие, изготовленное на заводах Никиты Антуфьева, так и сам тульский оружейник, готовый продавать свою продукцию по сравнительно низким ценам. Он оказался надежным поставщиком русской армии и флота. Пушки, гранаты, ружья, якоря и многое другое получала казна от тульского заводчика. С годами росло расположение царя к «Демидычу», как в письмах называл его Петр I. По утверждениям некоторых историков, царь даже собирался поставить ему в Петербурге (по другим данным в Туле) бронзовую статую⁴⁸. Впрочем, в основе этих сообщений лежат не документы, а лишь легендарные предания.

В личной жизни Никита Демидов отличался суровой, даже аскетичной простотой. Он жил в обыкновенной избе, хмельного в рот не брал и не терпел пьяных. Неграмотный Никита обладал феноменальной памятью и, не умея читать, знал наизусть Библию. Характер у знаменитого заводчика был очень суровый. В погоне за прибылью он мало считался с человеческими судьбами. Легенды о наказаниях, творимых на его заводах, навсегда остались в народных преданиях.

В 1702 году царь повелел передать Невьянский завод, построенный за госу-

Тула.

Рис. 47. Герб Тулы. Перекрещенные клинки серебряных шпаг и ружейный ствол вместе с двумя золотыми молотами указывают на то, что основным занятием жителей Тулы было изготовление оружия.

дарственный счет на Урале, «тулянину железного и оружейного дела мастеру Никите Демидову». В этом документе Никита Антуфьев впервые был официально назван Демидовым. Отчество кузнеца стало превращаться в его фамилию.

Признанием заслуг известного заводчика было пожалование ему Петром I в январе 1709 года звания комиссара. Теперь, оставаясь по-прежнему владельцем своих предприятий, Никита Демидов считался состоящим на государственной службе и становился неподсуден местным властям. Главной обязанностью комиссара был надзор за горно-металлургиче-

ским производством и бесперебойными поставками металла и оружия в государственную казну. Кроме того, ему поручалось построить на Урале новые медеплавильные заводы⁴⁹.

К 1720 году Никита Демидов настолько укрепился на Урале, что, по свидетельству современника, «никто не смел ему, бояся его, слова выговорить, и он здесь поворачивал как хотел». Тридцатичетырехлетний Василий Татищев оказался первым, кто не побоялся поставить державные интересы выше интересов Демидовых. Во-первых, он начал строго контролировать рубку леса, правила которой нарушались демидовскими приказчиками. Во-вторых, в соответствии с законом, стал взимать в казну десятую долю железа, выплавлявшегося на заводах Демидова. Наконец, он решительно пресекал переманивание лучших мастеров с казенных заводов. В

результате предпринятых Татищевым мер государственные предприятия начали составлять реальную конкуренцию частным заводам Демидова, который не мог больше «своего железа продавать и цену наложить, как хотел»⁵⁰.

Ответные действия многоопытного Никиты Демидова были решительными и скорыми. Поскольку «деньгами он не мог Татищева укупить», Никита пожаловался лично Петру I на «разорения», которые чинит его заводам молодой управляющий. Василий Никитич, еще в январе 1722 года уехавший в столицу по служебным делам, был вынужден на время начавшегося следствия подать в отставку. Разбор жалобы и управление сибирскими горными заводами царь в марте поручил генералу Вильгельму Геннину. Вместе с Татищевым новый начальник прибыл на Урал лишь в октябре.

3.9. ДЕМИДОВСКИЙ ПОМОЩНИК (1722 год)

Описанные события самым непосредственным образом отразились на судьбах первооткрывателей алтайских руд. По словам Степана Костылева, вернувшиеся в злополучном 1722 году из Томска на Урал Павел Бривцын и Никита Петров «и меня с товарищем моим Волковым привезли с собою. ...И по объявлению нас в горном начальстве в том же 1722 году определены мы были ...в горную работу, якобы для науки впредь к добыче руд». В. Н. Татищева к тому времени на Урале уже не было.

Михаил Волков оказался плохим учеником и предпочел «науке» вольную

жизнь: вскоре он бежал с рудника, чем поставил себя вне закона. О дальнейшей его судьбе архивные источники умалчивают⁵¹.

Неграмотный Степан Григорьевич Костылев, со своей верой в силу «челобитной», оставил более глубокий след в архивных материалах. Документы рассказывают нам о его дальнейшей биографии, по-прежнему тесно связанной с открытием рудных богатств Алтая. Вот что произошло в 1722 году, когда Степан был против своей воли определен в горную работу на Шиловский рудник:

«...В бытность мою еще в Уктусских

заводах, сошелся со мною на базаре дворянина Акинфея Демидова приказчик Гаврило Семенов и спрашивал у меня, что я про алейские руды подлинно ль знаю, на что я ему сказал: “Про оные руды знаю, и сыску нашего [найденны нами]”. И он мне на то сказал, что де тебе оных руд одному не поднять, разве де я тебе в том спомоществовать буду... И после того меня отпустил», — вспоминал позже Костылев⁵².

Что знал до этого демидовский приказчик Гаврила Семенов об алтайских месторождениях меди и случайно ли «сошелся» он с рудознатцем на базаре или действовал по распоряжению своих хозя-

ев? Архивные материалы не дают оснований для определенного ответа.

Сведения об открытии Степаном Костылевым и его товарищами медных месторождений в Томском уезде не были секретом. Рудоискатель, объявивший «государево дело», побывавший в Преображенском приказе и вернувшийся на Урал вместе с В. Н. Татишвым, наверное, был заметной фигурой на Уктусском заводе. Слух о его находках мог дойти и до Невьянска, однако никаких сведений о том, что Демидовы предпринимали в то время самостоятельные поиски алтайских руд, у нас нет.

3.10. ВИЛЬГЕЛЬМ ГЕННИН (1722 — 1723 годы)

В октябре 1722 года безвластие на Урале закончилось. В Уктусс, наконец, появился назначенный еще полгода назад новый управляющий горными заводами — Вильгельм Геннин.

Еще совсем юным он решил связать свою судьбу с Россией. Во время первого заграничного путешествия Петра, пока русский царь в Голландии в качестве простого плотника обучался корабельному делу, члены его посольства вербовали специалистов в Амстердаме. По рекомендации бургомистра голландской столицы Николая Витзена они познакомились с молодым человеком, которого звали Вильгельм Геннин. Поступая на русскую службу в мае 1697 года, он писал, что «разумест архитектуру гражданскую, домов строснис, делание всяких потешных огнестрельных вещей, и изображения из

воску делать.., изображения преизрядно на бумаге выдслывать и прочие хитрости...»⁵³.

Петр I, как он сам признавался, «с детства получил неодолимую страсть к мореплаванию и фейерверкам»⁵⁴. Очевидно поэтому Геннин сразу же был определен фейерверкером в Оружейную палату. Когда в 1700 году началась Северная война со Швецией, от «потешных огнестрельных вещей» пришлось перейти к ратному делу. В Москве Геннин обучал молодых артиллеристов, а в 1710 году участвовал во взятии Выборга. Молодой фейерверкер превратился в опытного артиллериста.

Однако обычная карьера военного оказалась не для него, человека разностороннего, пытливого и интересующегося «прочими хитростями». Эти качества

Рис. 48. Генерал-лейтенант Георг Вильгельм де Геннин (1676—1750).
Гравюра по портрету второй четверти XVIII века.

Геннина, по-видимому, были замечены и оценены. В 1712 году, когда в северной столице ршили строить пушечно-литейный двор и пороховыс заводы (Петербургский арсенал), выбор пал на него. Вскоре Геннин возглавил Олонецкие горные заводы, где показал себя неплохим инженером, придумав «водяную машину» для сверления и обточки пушек. В 1719 году он ездил в Европу для изучения горного производства, а по возвращении руководил строительством Сестрорецкого оружейного завода.

Такому опытному, надежному специалисту поручил Петр I возглавить Сибирское горное начальство. В марте 1722 го-

да, перед отправкой на Урал, Геннин был произведен в генерал-майоры артиллерии⁵⁵.

Кроме руководства заводами, царь обязал Геннина расследовать конфликт между Василием Татищевым и Никитой Демидовым. Новый управляющий не побоялся повторить судьбу своего предшественника: его выводы оказались не в пользу царского любимца.

По результатам расследования он сообщил Петру I, что Татищев поступал правильно, а Демидов выжил его с Урала, преследуя свои корыстные интересы в ущерб казне. Никите «не очнь мило», писал он, что казенные заводы «станут здесь цвество». Вильгельм Геннин не только доказал правоту Татищева, но и просил Петра I назначить Василия Никитича «обер-директором», т. е. своим заместителем. Татищев был оправдан императором, однако на Урале Петр его не оставил, отправив в Швецию «для призыва мастеров». Вернувшись, Василий Никитич даже пытался взыскать с Демидовых «за обиды» несколько тысяч рублей⁵⁶.

Защитив опального Татищева, Геннин проявил участие и к судьбе Степана Костылева, заявившего о себе в декабре 1722 года очередной челобитной.

Неутомимый горный искатель просил генерал-майора «об отпуске в дом свой», жалуясь: «...Живу и денно и ноцно в работе горной и отпушения себе никакого не имею... И за охоту в тех рудных делах с домишком своим раззорился без остатку...».

3 января 1723 года Геннин разрешил Костыльсу вернуться в Томский уезд и поручил продолжить поиск руд. По распоряжению начальника заводов в Тобольске, в канцелярии Сибирской губернии, ему выдали «пашпорт» — разреше-

ние на проезд к рудным местам. Степан Григорьевич Костылев вновь посылался на Алтай, теперь уже по поручению Вильгельма Геннина. Он должен был еще

раз собрать образцы руд из открытых им месторождений в «Алейских горах», куда так и не попали Инютин, Бривцын и Петров⁵⁷.

3.11. ПО СТАРЫМ МЕСТАМ (1723 — 1725 годы)

Вернувшись домой в Чаусский острог, Степан Костылев начал организовывать новую экспедицию в Рудный Алтай. По старому бугровщическому правилу он «собрал в товарищи для безопасности из промышленных людей» небольшой отряд примерно из десяти человек. Возглавили его сын Степана — Яков Костылев и братья Леонтий и Макар Останины.

«...На помянутые Алейские горы послал я сына моего Якова Костылева с товарищами ж нашими Леонтеем да Макаром Останинными, которые, прибыв, тамо взяли руд ис шести мест и привезли ко мне в дом в Чаужской острог»⁵⁸. Точная дата этой экспедиции нам пока не известна, ясно только, что она состоялась между весной 1723 и летом 1725 года.

Образцы алейских руд Степан Костылев послал начальнику сибирских заводов лишь осенью 1725 года. Что помешало ему выполнить поручение Геннина раньше остается загадкой.

В свою очередь Геннин также пытался организовать поиск руд в Сибири. Наиболее надежными исполнителями своего замысла он считал немецких специалистов. В ноябре 1724 года глава Сибирского горного начальства сообщил Берг-коллегии о своем решении отправить для обследования уже известных и отыскания новых рудоносных мест берг-

гаура «из иностранцев.., да с ним переводчика Мировича, которой в пробирном деле искусен... И велю тамошние руды копать глубже и оных привезть в Сибирский Берг-Ампт [горное правление].., дабы о сибирских рудах подлинно было известно, какие минералы тамость. Понеже [поскольку] по многим доношениям известно, что руды есть, а обрести их [получить достоверные сведения о месторождениях] не могут»⁵⁹.

Объясняя свое желание послать на поиски руд иностранного горного мастера, не знающего русского языка, Геннин ссылался на недобросовестность русских рудознатцев. В качестве примера он приводил историю с Федором Инютинным, который «взял с миру» триста рублей денег, но истратил их в свою пользу, а собранную руду «затаил». Надо полагать, двухлетнее молчание Степана Костылева тоже не лучшим образом отразилось на отношении Вильгельма Геннина к русским горноискателям.

Поисковую партию планировалось снарядить на несколько лет. В течение этого времени Геннин предполагал выплачивать немецкому мастеру и переводчику дополнительное вознаграждение сверх установленного им жалованья, «штом они за какие взятки руды не утаили, також и за то, штом они обещали в

Екатеринбургъ.

Рис 49. Герб Екатеринбургa.

В верхней части щита герб Перми — центра губернии, к которой относился город.

Внизу изображены плавильная печь и рудоконная шахта с воротом, «означающие, что округá сего города изобильны разными рудами».

прииске руд возможно радсть [старать-ся]...».

Столичная Берг-коллегия разрешила организацию такой экспедиции, но дополнительных денег на это не выделила. Отправка иностранного специалиста, вероятно, так и не состоялась. Во всяком случае о реализации этого замысла Геннина ничего не известно. Хотел того генерал или нет, но ему по-прежнему приходилось иметь дело с русскими рудоискателями.

Между тем трехлетнее промедление чаусского рудоискателя неожиданно по-

влияло на весь ход дальнейших событий. Наступал поворотный момент в истории освоения алтайских недр. У чаусских рудознатцев появился грозный конкурент, и теперь было необходимо спешить. Все решали уже не годы, а месяцы и даже дни, но Степан об этом не догадывался.

После возвращения рудознатцев отец Костылев направил своего сына Якова и братьев Останиных в Екатеринбург, где размещалось теперь Сибирское горное начальство. Привезенные руды он велел объявить лично Вильгельму Геннину, «а не другим промышленникам..., и за те наши труды приказывал я им просить от него... награждения».

Не застав Геннина в Екатеринбурге, чаусские рудознатцы выскали навстречу ему «по кунгурской дороге» и неожиданно для себя встретили Гаврилу Семенова, того самого демидовского приказчика, который три года тому назад доказывал на уктусском базаре Степану Костылеву, что тому алтaysких руд «одному не поднять».

Случайно это произошло или нет, но встреча рудознатцев с Геннином и их рассказ о найденных месторождениях состоялись на кунгурской дороге в присутствии демидовского приказчика.

Хотя отец Костылев в своих «доношениях» постоянно упоминает о шести месторождениях, в заявке, поданной его посланцами генералу Геннину в ноябре 1725 года, значилось восемь мест, из которых нам известно четыре:

- 1) «по Алею реке, меж Иртыша рски и Оби реки. А от Иртыша днище езды, а от Белоярского острога три дня»;
- 2) «в горе над рекою Алеем»;

3) «близ той же Алее реки, в Мароше горе... в чудских капищах»;

4) «в Змессвой горе от Мароски реки 10 верст... в чудских же капищах»⁶⁰.

С каждого из восьми месторождений Яков Костылев и братья Останины представили на пробу образцы медных руд. В Екатеринбурге в декабре провели пробную плавку. Кто ее делал, достоверно не известно⁶¹. Образцы оказались исключительно богаты металлом: руда со Змессвой горы содержала 42 процента чистой меди! Подтвердилась оценка Блюэра, также определившего в 1720 году, что томская руда на треть состоит из меди⁶².

На какую же награду могли рассчитывать рудознатцы? Вспомним, что по закону от 10 декабря 1719 года за каждый фунт меди из опытного пуда руды перво-

открывателю месторождения полагалось 4 рубля.

Значит, только за руду Змессвой горы, в пуде которой содержалось более 16 фунтов меди, им должны были выплатить около 64 рублей. Такой суммы одному крестьянину хватило бы для того, чтобы оплатить все налоги в государственную казну за полвека.

Но получить деньги рудознатцы могли только после того, как заявленные ими месторождения будут «освидетельствованы», то есть обследованы специалистами Берг-коллегии. Геннин заверил Якова Костылева и его напарников, что «для свидетельства тех руд присланы от него будут впредь [специалисты]», и никакого «награждения» пока не дал⁶³.

3.12. «ЖДУ ОТ БЕРГ-КОЛЛЕГИИ УКАЗУ» (январь 1726 года)

О всех рудоискательских заявках управляющий сибирскими горными заводами по закону должен был письменно сообщать в столичную Берг-коллегию. Вместе с рапортом полагалось посылать образцы руд⁶⁴. Без разрешения высшего горного начальства проводить разведку заявленных месторождений не разрешалось. Татищев, отправляя в 1721 году для обследования алтайских руд Бривцына и Пестрова, действовал по указу Берг-коллегии. Геннин такого предписания не имел. Поэтому, строго следуя букве закона, он 2 января 1726 года сообщил в Санкт-Петербург:

«Сего ноября шестого явились в Сибирской Берг-Амт [горнос правление]

томские жители и объявили при доношении, [что] из восьми гор медных богатых руд признаки ими обысканы в том уезде невдалеке от Иртыша, и по их сказкам руды там множество... Того ради Коллегия повелит ли предбудущим летом для осмотру тех признаков из горных искусных людей послать? Или кого соизволит? И буде по осмотру те руды явятся годными, и работы и иждивения [затрат] достойны, то те руды в действие производить ли? И плавильные заводы строить ли? И какими людьми? Понеже [поскольку] близ тех руд жилья не имеется на три дня пути, також откуда требовать припасы и протчес? И ежели впредь в оных тамошних местах руды явятся и те руды в

действие производить ли? О том жду от Берг-Коллегии указу...». Вместе с этим доношением Геннин послал в столицу образцы медных руд из всех восьми мест, заявленных Яковом Костылевым, Леонтием и Макаром Останиными⁶⁵.

Итак, спустя почти шесть лет после первой пробной плавки алтайской меди, начальник Сибирского горного правления Вильгельм Геннин предложил казне начать добычу «медных богатых руд» и строительство «плавильных» заводов на

Алтае. Могла ли Берг-коллегия ответить на это отказом? Думается, что нет, поскольку Россия по-прежнему нуждалась в металле. Казалось бы, положительное решение о начале разработки алтайских руд предопредельно и вскоре число казенных заводов в Сибири пополнится алтайским первенцем.

Однако судьба распорядилась несколько иначе: в январе 1726 года на авансцену в этой истории вышел Акинфий Никитич Демидов.

ГЕНЕРАЛЪ Лейтенантъ
В. ГЕННИНЪ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*«К приисканию медных
и других руд иметь охоту»*

(1702—1725 годы)

4.1. УРАЛЬСКИЙ ЗАВОДЧИК (1702 — 1718 годы)

Вряд ли можно найти в истории Алтайского края личность более известную и одновременно столь загадочную, как Акинфий Демидов. В рассказах о нем тесно переплелись правда и вымысел, реальные события и легенды, сохранившиеся в архивах сведения и народные предания. Как и в предыдущей главе, мы постараемся вести свое повествование, основываясь на подтвержденных документами фактах.

Старший сын известного оружейника Никиты Демидова — Иакинф родился в Туле в 1678 году. День и месяц его появления на свет до сих пор не установлены¹. О детских и юношеских годах Акинфия практически ничего не известно, однако можно предположить, что отец привлекал сына к руководству своими заводами в Туле, которых уже в 1697 г. было «немалое число».

Когда в 1702 году по просьбе Никиты Демидова Петр I распорядился отдать ему только что пущенный Невьянский железодельный завод, тульский оружей-

ник послал на свое первое уральское предприятие старшего сына². Урал стал для Акинфия второй родиной, а Невьянский завод (современный город Невьянск) превратился в его постоянную резиденцию.

При жизни отца Акинфий формально всегда оставался на вторых ролях. Вплоть до смерти Никиты Демидова он не имел ни званий, ни чинов, ни собственных заводов. Так же, как и отец, он именовался в документах «ружейных дел мастером», а все предприятия считались принадлежащими основателю династии³. Вместе с тем Никита старался не ограничивать хозяйственную деятельность своего старшего сына, видя в нем будущего наследника и продолжателя начатого дела.

Из-за постоянных отлучек отца, часто ездившего в Москву и Тулу, фактическим руководителем уральских предприятий стал Акинфий. В совершенстве зная мортирное и пушечное литье, он смог наладить это сложное производство на Невьянском заводе (рис. 60)⁴. Акинфий

Рисунок на шмуцтителе.

Вензель Акинфия Демидова. Изображался на изделиях, отлитых на его уральских заводах. Вторая четверть XVIII века.

добился того, что уральский первенец Демидовых со временем затмил своей известностью их тульские предприятия. Даже звание комиссара Никите Демидову было присвоено именно «по случаю поручения в смотрение» Невьянского завода.

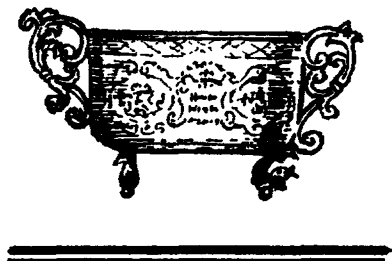

Рис 50 Золотая чаша, принадлежащая Демидовым.

На одной из ее сторон под дворянской короной, в двух лавровых ветвях, было вырезано слово «Sibir» (Сибирь), а на другой с такими же украшениями — «Аппо 1724» (Год 1724-й). Современный рисунок по гравюре XIX века.

Демидов-отец так и остался тулянином. С Сибирью, в которую тогда включали и Урал, по-настоящему связал свою судьбу только Акинфий. Возможно, он даже считал себя сибиряком. Во всяком случае, в свой вензель он позже, став хозяином уральских заводов, включил слово «Сибирь», написанное латинскими буквами (см. рисунок на шмуцтителе к

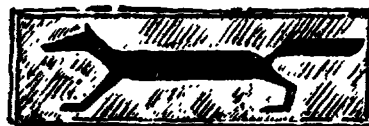

Рис 51 Клеймо демидовского железа — «Старый соболь».

главе 4). Та же надпись «Sibir» была вырезана на золотой чаше, принадлежавшей Демидовым, и отлита на главном колоколе Невьянской башни. Примечательно, что сибирская символика стала использоваться на уральских заводах, которыми руководил Акинфий, еще при жизни его отца. На клейме производившегося здесь демидовского железа изображался старинный символ Сибири — соболь⁵.

Второй чугунолитейный завод Никиты Демидова на Урале (Верхне-Тагильский) был построен лишь в 1718 году, когда Акинфию пошел пятый десяток. С этого времени начинается быстрый рост числа «Сибирских заводов» Демидовых, как тогда называли их уральские предприятия.

В немалой степени этому способствовал знаменитый указ Петра I от 10 декабря 1719 года о создании Берг-коллегии (главного горного правления) и о льготах для «всех охотников рудных дел»⁶.

4.2. ПЕТРОВСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ (декабрь 1719 года)

В царском указе «Об учреждении Берг-Коллегии» впервые были подробно оговорены условия поиска, добычи и плавки руд в России. Отныне этим смело мог заниматься любой «какого б чина и

достоинства ни был». Вспомним, как эта привилегия Петра I помогла рудознатцу Степану Костылеву в Москве весной 1720 года. Еще больше она значила для уральского горнозаводчика Акинфия Де-

мидова, также не имевшего в то время ни государственных чинов, ни дворянского достоинства.

Новый закон разрешал не только искать руды на любых землях, но и добывать из них «всякие металлы, а именно: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо». При этом указывалось, что для постройки металлургического предприятия необходимо иметь специальное разрешение от Берг-коллегии и определялся порядок его получения.

О каждом вновь открытом месторождении теперь требовалось сообщать в главное горное правление, находившееся в Петербурге, или в его отделения, размещавшиеся в Москве, Казани и в Сибири (на Урале). Здесь обязаны были опробовать представленные образцы. Если они действительно оказывались рудой, достойной «работы и иждивения» (то есть достаточно богатой), желающий начать добычу металла должен был письменно объявить об этом в Берг-коллегию. Такая просьба «о позволении к строению завода» посылалась в Петербург вместе с результатами пробных плавок, уже проведенных казенными специалистами.

Получив заявку, Берг-коллегия регистрировала новое месторождение и, при

отсутствии других претендентов, была обязана без задержки выдать разрешение на его разработку — так называемую «берг-привилегию». Более того, понимая, что без государственной поддержки горные предприятия быстро не окрепнут, Петр I предписал Берг-коллегии оказывать всяческую помощь частным горнопромышленникам, чтобы их новые заводы «в доброе и неизбыточное состояние произвести». Теперь, если Берг-коллегия удовлетворяла заявку Демидова на добычу и плавку руд, он получал право требовать помощи и содействия от Сибирского горного начальства.

Государство было заинтересовано в процветании частных предприятий не меньше, чем сами промышленники. Подчеркивая, что богатства российских недр принадлежат только монарху, Петр I в своем указе определил какой налог должен платить государству каждый заводчик. В казну требовалось отдавать «десятью доло от прибýtка».

Отдельные статьи нового закона касались только золота, серебра и меди. Тем, кто, найдя руду «в своих землях», захотел бы построить завод для выплавки этих металлов, Берг-коллегия была обязана дать «в займы денег на строение». Провозгласив право каждого добывать любые металлы, царский указ заранее гарантировал поступление в государственную казну золота, серебра и меди, которые будут выплавляться на частных заводах. Особыми пунктами оговаривалось, что благородные металлы и медь должны в первую очередь продаваться государству. Покупные цены поручалось устанавливать Берг-коллегии с условием, что предприниматели от этого «довольную прибыль иметь будут». Интересы заводчиков защищала и другая

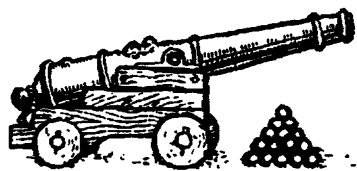

Рис. 52. Пушки и ядра, изготовленные на Невьянском заводе
Современный рисунок.

петровская привилегия: если казна из-за отсутствия денег в течение месяца не успевала расплатиться за представленные золото, серебро и медь, то частный владелец имел право «оное... продать, кому похочет».

Горно-металлургическое производство требовало значительных средств и было связано с немалым риском. Вложенные в горный промысел деньги приносили доход не так быстро, как купеческие капиталы. Поэтому для заводчиков оказывались особенно важными государственные гаран-

тии неприкосновенности их собственности. Понимая, что без таких гарантий привлечь частный капитал к добыче и плавке руд будет невозможно, в том же указе от 10 декабря 1719 года Петр пообещал будущим горнопромышленникам «что у них и у наследников их оные заводы отняты не будут».

Таким образом, по новому закону создавалась система льгот, которая поощряла поиск золотых, серебряных и медных руд, их добычу и выплавку металлов.

4.3. УРАЛЬСКАЯ МЕДЬ ДЕМИДОВЫХ (1720 — 1722 годы)

Начав с кузнечного производства и литья чугунных пушек, Демидовы на Урале занялись горным делом, включив в сферу своей деятельности поиск и разработку железных руд. Всерьез приступив к розыску руд, тульские оружейники неизбежно должны были узнать об уральской меди и начать ее добычу. К этому их подталкивало и государство. По словам Акинфия Демидова, сам Петр I повелел им «к приисканию медных и других руд ... иметь охоту»⁷. Действительно, известен указ от 3 декабря 1713 года, предписывающий Никите Демидову «медную и другая какая может руды сыскивать и заводы заводити и строить на свои ж деньги, а медь плавить и ставить к Москве на Денежный двор»⁸.

Медные руды на Урале Демидовы искали, но строить завод, вероятно, считали не выгодным. Свообразным памятником первым попыткам наладить медеплавильное производство был огромный стол, размером 2,6 × 1,8 метра, долгое время хранившийся у наследников Акинфия

Никитича. Стол «круглопродолговатого вида, с отложными полами и точеными ножками» ничем не отличался от деревянных, хотя был выполнен из чистой меди и весил около тонны. В центре на его крышке имелась выгравированная надпись: «Сия первая в России медь отыскана в Сибири бывшим комиссаром Никитою Демидовичем Демидовым, по грамотам Великаго Государя Императора Петра Перваго в 1702, 1705 и 1709 годах; а из сей первовыплавленной Российской меди сделан оный стол в 1715 году»⁹.

Автор мемориального текста ошибся, утверждая, что первая российская медь была выплавлена Никитой Демидовым. Еще в 1634 году по другую сторону Уральского хребта, в верховьях реки Камы, недалеко от современного города Соликамска, был построен первый в России Пыскорский медеплавильный завод. Это казенное предприятие действовало менее 20 лет и не удивительно, что в начале XVIII столетия о нем уже забыли¹⁰.

В первое десятилетие XVIII века Россия собственных медсплавильных заводов не имела. Металл ввозился из-за границы. Начавшаяся Северная война со Швецией затруднила получение меди из-за рубежа. Критическая ситуация сложилась после поражения русских войск осенью 1700 года под Нарвой, когда шведам досталась вся артиллерия. Чтобы быстро изготовить новые пушки, царю пришлось пойти на крайние меры. Он приказал «со всего государства [из] знатных городов, от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры»¹¹. Артиллерию восстановили, а меди в государстве по-прежнему не хватало.

Демидовы довольно быстро нашли на Урале медную руду, и уже в январе 1705 года Никита просил разрешение на строительство завода. Власти согласились, однако выдвигаемые ими условия, вероятно, не устраивали предпринимателя. Демидовский медеплавильный завод так и не был построен ни тогда, ни десять лет спустя¹². Необычный стол, отлитый в 1715 году, возможно, действительно изготовили из первой уральской меди Демидовых, но металлургического предприятия, специально предназначенного для промышленной плавки этого металла, у них в то время еще не имелось.

Свой первый медеплавильный завод Никита Демидов начал строить только после появления петровского указа о привилегиях для горнопромышленников. В 1720 году он получил от Берг-коллегии

специальную «жалованную грамоту», гарантирующую права хозяина будущего завода. Новое предприятие было заложено на реке Вые недалеко от современного города Нижний Тагил. В ноябре 1722 года Выйский завод дал первую промышленную медь.

Через месяц все уральские предприятия инспектировал недавно вступивший в должность управляющего Сибирского горного начальства Вильгельм Геннин. В отличие от железодельных заводов Демидова, которые по оценкам Геннина оказались «в хорошем весьма порядке», медеплавильное производство получило беспощадную характеристику: «... явилось сего медное дело негодно». Сам Никита Демидов в письме к Геннину признавался, что он в медной плавке не свещал и получать медь не умеет¹³.

По-видимому, сказывалось отсутствие навыков, специалистов, а также то, что медная руда оказалась очень бедной и выход чистого металла был невелик. Кроме малого содержания меди выйская руда имела и другой недостаток — она залежала не жилами, а отдельными гнездами. «О Демидовом медном промысле доношу тебе, — писал в 1723 году Геннин Петру I, — ...та руда его оболгала: сперва набрели они на доброе место, где было гнездо богато, а как оную сметану сняли, то явилась сыворотка: руда медная вместе с железом, и железа очень больше, чем меди»¹⁴.

4.4. В ПОИСКАХ АЛТАЙСКОЙ МЕДИ: РАССКАЗЫВАЮТ ИСТОРИКИ (1723 год)

К началу 1723 года Демидовы, видимо, уже знали о медных рудах, обнаруженных Степаном Костылевым и его товарищами в «Алсйских горах». Насколько могло повлиять это известие на дальнейшее развитие событий? Что подтолкнуло уральского заводчика начать разведку алтайских месторождений? Когда была послана Акинфием Демидовым первая поисковая партия на Алтай? Попробуем найти ответ на эти вопросы.

Архивных материалов, рассказывающих о первых попытках Демидовых организовать поиск и разведку алтайских руд, сохранилось чрезвычайно мало. Большинство документов время не пощадило. В основном до нас дошли лишь свидетельства историков XVIII—XIX столетий. Нередко факты, приводимые ими, противоречат друг другу, но проверить их и установить истину не всегда возможно.

В XVIII веке наиболее полно описал становление горно-металлургического производства на Алтае академик Иван Филиппович Герман. Он был не только крупным специалистом горного дела, но и автором-составителем трех томов «Сочинений о Сибирских рудниках и заводах». Материалы для этого обширного труда присылались академику из разных мест, куда он, в надежде получить необходимые сведения, направлял свои запросы.

Однако, когда не хватало фактов, его корреспондентам, как и самому Герману, приходилось восполнять отсутствие документов собственными предположениями. Сложность заключается в том, что сейчас далеко не всегда удается понять: где в

«Сочинениях» кончается документ и начинаются рассуждения и догадки.

По мнению И. Ф. Германа, открытием алтайских месторождений Россия обязана «ревности» Акинфия Никитича Демидова. Уральского заводчика якобы первоначально заинтересовало само название гор, ибо он знал, что монгольское слово «Алтай» означает «золото». Предполагая, что такое имя горам могли дать из-за бо-

Рис. 53. Академик Петербургской Академии наук Бенедикт Франц Иоганн Герман (1755—1815)

Родился в Австрии, в 1782 г. был приглашен в Россию, где его стали называть Иваном Филипповичем. Гравюра 1810 г., выполнена в Екатеринбурге Н. Платоновым

гатства их недр, Демидов «обязал на-граждениями и лестными общаниями окрестных жителей прилагать старания к отысканию рудосодержащих мест». Отныне звероловы, «скитаясь... всюду по горам», стали обращать внимание на места, где им встречались необыкновенного вида камни.

Наконец, «после многих со стороны Демидова поощрительных поисков, в 1723 году в воскресный день, недалеко от озера Колывана на Российской границе... в Чудских копиях» были обнаружены медные руды. Как сообщает Герман, это первое месторождение, открытое приобскими жителями, было «названо потом Колыванским рудником», давшим имя первому заводу Демидова на Алтае¹⁵.

Любопытные сведения приводит известный сибирский историк прошлого века Иван Васильевич Щеглов. По его данным первые известия об алтайской меди Акинфий Демидов получил в 1723 году при следующих обстоятельствах: «Двос охотников, пройдя к Колыванскому озеру и Синей Сопке, случайно обратили внимание на выветрившуюся медную синь,

покрывавшую чудские шлаки, и доставили образчики ее в слободу Белоярск, где находилось тогда несколько сведущих в горном искусстве разведчиков, состоявших на жалованье у Демидова, которые и доставили эти образцы на его плавильные Уральские заводы»¹⁶. К сожалению, источник приводимых сведений И. В. Щеглов не указал.

Нетрудно заметить, что в рассказах двух историков имеется много общего:

1. Акинфий Демидов пытался организовать поиск руд в Алтайских горах, используя для этого местных жителей.

2. Первым результатом таких «поощрительных поисков» стало открытие в 1723 году медного месторождения, расположенного недалеко от Колыванского озера, около Синей сопки (современная гора Синюха — наивысшая точка Колыванского хребта).

3. Колыванское месторождение обнаружили местные охотники по следам древних выработок.

4. Сведения об этом открытии поступили на Урал к Демидову, а не в государственное горное ведомство.

4.5. В ПОИСКАХ АЛТАЙСКОЙ МЕДИ: РАССКАЗЫВАЕТ АКИНФИЙ ДЕМИДОВ (1724 — 1725 годы)

Многие архивные материалы о демидовском периоде освоения недр Алтая к настоящему времени считаются утраченными. В распоряжении современных историков имеется лишь несколько документов, повествующих о поиске алтайских руд, организованном Демидовыми в первой половине 1720-х годов. Несомненный интерес представляют свидетельства самого Акинфия Никитича.

В январе 1726 года уральский заводчик писал: «Я... для прииску медных и прочих руд и осмотру рек и лесов послал с [уральских] заводов в Сибирь, в Томской и других уезды, в 724 году. И те посланные нами возвратились оттуда в сентябре 725 года и приискали там медных руд в Томском и Кузнецком уездах, в диких местах». Демидовские рудоискатели привезли образцы из восьми обнаружен-

ных ими месторождений «между рек Чарошу и Алея». На ярлыке девятого мешка с медной рудой имелась надпись о том, что она найдена 25 сентября 1724 года¹⁷. Где была собрана эта руда не объяснялось, но вряд ли мы ошибемся, считая и ее алтайской.

Исходя из этого, можно предполагать, что первые месторождения посланцы Акинфия Демидова обследовали в 1724 году. На следующее лето поиски были продолжены. Осенью Демидовы уже точно знали о богатейших залежах медных руд в предгорьях Алтая.

Известен еще один документ, в котором сам уральский заводчик рассказывает об обстоятельствах открытия этих месторождений. «В прошлом 725 году посланы от меня нижайшаго “Олонецкие старики”, а как их зовут не упомяну, для сыскания медных руд в Томской и Кузнецкой уезды, и чрез их старание сысканы в тамошних местах богатые медные руды, которые в том же году и объявлены от меня в Сибирском Обер-Берг-Амте [горном правлении] господину генерал-лейтенанту и кавалеру Геннину, а в 726 году дан мне от Берг-Коллегии прочетный указ о постройке при тех рудах заводов, которые и построены и названы Колыванскими; а за прииск помя-

нутых руд те “Олонецкие старики” денег с меня не взяли, а вместо того за их труды отдал я им, старикам, при Сибирских моих заводах медный колокол по более тридцати пуд, а прямого весу не упомяну, о котором весе точно будут свидетельствовать имеющийся на том колоколе литеры [буквы]»¹⁸.

Эти строки уральский заводчик писал через двадцать лет после рассказанных им событий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что память явно изменила Акинфию Никитичу при указании года отправки своих «олонецких стариков» на поиск руд в Томский и Кузнецкий уезды. Ведь ранее он сам сообщал, что это произошло в 1724 году.

Итак, история открытия алтайской меди по показаниям уральского заводчика рисуется следующим образом:

1. В 1724 году с Урала в Приобье Акинфий Демидов послал рудоискателей — «олонецких стариков».
2. По мнению Демидова, благодаря именно их стараниям на Алтае впервые были обнаружены богатые медные месторождения.
3. В сентябре 1725 года посланцы вернулись на Урал с образцами руд.
4. Демидов расплатился с «олонецкими стариками» медным колоколом.

4.6. «У ДЕМИДОВА В ЛЕСУ ЕСТЬ ПУ́СТЫНЯ...»

Слова «олонецкие старики» в архивном документе взяты в кавычки. Это словосочетание имело иносказательный смысл, понятный современникам Демидова. Попробуем и мы разобраться, почему уральский заводчик в 1744 году назвал так своих посланцев-рудоискателей.

В начале XVIII века Олонецкий край,

как и весь Русский Север, был прибежищем старообрядцев-раскольников. Здесь существовал Выгорецкий старообрядческий монастырь, известный под названием «Выговская пúстынь»¹⁹.

История сего возникновения такова. В январе 1676 года закончилась восьмилетняя осада правительственными войсками

знаменитого Соловецкого монастыря, обитатели которого отказались признать церковную реформу московского патриарха Никона. Многие из соловецких защитников «старой веры» после захвата монастыря стрельцами погибли, уцелевшие же скрылись в глухих лесах верховий реки Выг, недалеко от Онежского озера. Поначалу бежавшие старообрядцы жили отшельниками. В 1695 году они организовали свое «общежительство на Выгу» — так называемую «Выговскую пустынь» (рис 54)²⁰.

В то время словами «пустынь» и «пустыня» обозначали уединенное жилье оторванных от мира староверов или их нелегальные монастыри, расположенные в безлюдных местах. Отношение Петра I к выговским раскольникам было несомненно значимым. Выполняя волю царя, правительство жестоко преследовало сторонников «старой веры». В то же время власти не забывали о государственных интересах и в некоторых случаях шли на компромисс. Примером тому как раз и стала Выговская пустынь.

Земли вокруг Онежского озера в Карелии по названию расположенного неподалеку русского города Олонца именовались Олонецким краем. Руды в этих местах были известны и раньше, но государственные металлургические предприятия появились только в начале XVIII века. После первых поражений от шведов Петр понял необходимость постройки новых железодельных заводов, которые могли бы обеспечить армию оружием. По приказу царя начали осваиваться месторождения железных руд на Урале и в Карелии. Так появились первые в Олонцком крае казенные металлургические заводы (см. приложение 1).

Нехватку рабочих рук на этих предприятиях Петр решил восполнить за счет обосновавшихся неподалеку раскольников. Вместо карательной экспедиции он послал в Выговскую пустынь приказ, который обязал ее обитателей работать на

Рис. 54. Выговское общежительство в конце XVIII века.

Олонецких заводов. «А за то, — гласила грамота, — царское величество дал им свободу жить в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам службы свои к Богу отправлять...».

Крестьяне-раскольники из окрестных

деревень были обязаны добывать и возить железную руду. Вильгельм Геннин, назначенный начальником Олонецких заводов в 1713 году, сообщал, что «пустынные жители, которые живут в лесу, руду и известь на завод ставят безо вся-

Рис. 55. Клеймо с чугунной пушки, отлитой в 1711 г. на государственных Олонезких заводах. Под короной изображен зеркальный вензель Петра I, ниже отлиты год и надпись латинскими буквами «OLONEZ».

кого послушания и радеют лучше других»²¹.

Кроме этих работ жителям Выговской пустыни поручалось с конца мая по октябрь вести поиск рудных месторождений в окрестных лесах и болотах. Некоторые старообрядцы, из года в год занимаясь рудоискательством, со временем стали опытными знатоками горного дела. Демидовы переманивали к себе лучших специалистов не только с казенных заводов Урала, но и из Олонезкого края. Во многом это облегчалось тем, что Акинфий Никитич имел среди раскольников репутацию защитника и покровителя старооб-

рядчества. Недаром Татищев писал, что «у Демидова в лесу есть пустыня, где скрывается корень суеверия»²².

Общины староверов, существовавшие во владениях уральского заводчика, привлекали авторитетных руководителей и миссионеров раскола. Пожалуй, самым известным из выговских расколоучителей, переселившихся на Урал к Демидову, был Гавриил Семенович Митрофанов, «по сибирскому прозванию Украинцов», часто именуемый в документах Гаврилой Семеновым — тот самый «дворянина Акинфея Демидова прикащик», который в 1722 году уверял Степана Костылева, что ему алейских руд «одному не поднять» и предлагал свою помощь.

В отличие от обычных демидовских управляющих, Гаврила Семенов заводами не руководил и считался рудознатцем. Биографических сведений о нем известно достаточно много. Он был родом из крестьян Олонезкого уезда. В середине 1690-х годов двадцатилетним юношей пришел Гаврила из Кижского села в Выговские скиты, куда через несколько лет переселились его отец, сестра и младшие братья — Иван и Никифор. Со временем наделенный даром слова Гаврила стал в Олонезком крае одним из влиятельных и наиболее авторитетных староверов. Где-то около 1710 года он оказался на Урале²³.

Позже к Гавриле присоединились братья, причем Иван, наиболее рьяный проповедник старой веры, возглавил основанную Гаврилой «пустыню» — тайное прибежище для беглых раскольников на реке Ишим²⁴. В начале 1720-х годов не захотевшие подчиниться властям обитатели монастыря пошли на крайний шаг — самоожжение.

Однако к этому времени Ивана там

уже не было. По просьбе старообрядцев, живших в Верхнем Приобье, Гаврила послал своего младшего брата «в Томскую Украину [украину]». В 1720 году Иван основал по выговскому образцу «общежительную обитель» на острове реки Чумыш «в Кузнецком уезде, [в ведомстве] Белоярской слободы, близ деревни Язовой» (недалеко от современного села Язово в Тальменском районе Алтайского края)²⁵.

Через два года в Сибири начались массовые гонения на раскольников, отказавшихся выполнять некоторые царские указы. Разведав про тайный монастырь «олончанина Семенова» на реке Чумыш, власти послали против него военный отряд. «Пустынь» была разрушена, староверы взяты в плен и позднее казнены. Но Ивану удалось уцелеть и на этот раз: узнав о разгроме своего монастыря, он укакал к жителю соседней деревни Елуниной.

К беглому расколоучителю стали стекаться единоверцы. В ожидании кара-

тельной военной команды, собравшись в Елуниной старообрядцы начали подготовку к крайней форме религиозного протеста — самосожжению.

24 марта 1723 года последнее прибежище Ивана и его сторонников было обнаружено и окружено войсками. После небольшой вооруженной стычки елунинские дома вспыхнули: раскольники предпочли плену гибель в огне. Вместе с ними сторел и Иван. По преданиям сибирских старообрядцев в «Елунинской гари» погибло более тысячи человек²⁶.

В литературе высказывалось предположение, что, попав в Приобье, Иван по просьбе Акинфия Демидова собирал сведения об алтайских рудах²⁷. Единственным основанием для такой догадки стало родство Ивана с демидовским приказчиком-рудознатцем Гаврилой Семеновым-Украинцевым. Никаких подтверждений этому предположению нет, как отсутствуют и сведения о посещении Иваном алтайских предгорий.

4.7. В ПОИСКАХ АЛТАЙСКОЙ МЕДИ: РАССКАЗЫВАЮТ СТАРООБРЯДЦЫ (1723 — 1725 годы)

В 1744 году Демидов в записке, поданной в государственное ведомство, сообщил, как начинались его поиски медных руд в Томском и Кузнецком уездах. Из-за давности лет, а вероятнее, по каким-то другим причинам Акинфий Никитич «не упомянул» тогда имен своих первопродовцев, задав загадку историкам. Рассказывая об «олонецких стариках», стараниями которых были найдены алтайские месторождения, заводчик мог иметь в виду и

авторитетных расколоучителей, и рядовых рудоискателей-старообрядцев. «Стариками» они назывались вовсе не из-за своего преклонного возраста, а в силу приверженности к старой вере.

Поскольку речь шла не просто о старообрядцах, а об «олонецких» раскольниках, мы, очевидно, не ошибемся, считая, что посланцами Демидова были выговские рудознатцы. В этой связи интересно сопоставить уже известные нам сведения

о поисках алтайской меди, предпринятых Демидовым, с историческими преданиями самих олонецких староверов.

В рукописной «Истории Выговской пустыни» сообщается, что по просьбе Гаврилы Семенова «брат его Никифор, с прочими братьями в посолье, в Сибирь посланы быша». Под «прочими братьями», отправленными в помощь Никифору, автор, конечно, подразумевал не родственников демидовского приказчика, а его братьев по вере — выговских старообрядцев, «которые тамо [на Урале] з Гаврилом живуши». Ведь и переселившись на сибирскую Украину [окраину] Гаврила Семенович Митрофанов официально продолжал считаться «жителем Олонецкого Выгорцекого общежительства», только фамилия у него теперь появилась новая — «Украинцов»²⁸.

С какой же целью и куда именно отправил Гаврила Украинцев своего брата Никифора вместе с помощниками-единоверцами? Ответ на этот вопрос находим в той же старообрядческой рукописи: «...Посланными от Гавриила братьями... приискаша медную руду в дальнем расстоянии от старых [уральских] заводов». Последующее повествование не оставляет никаких сомнений в том, что организованная «заслугою» Гаврилы Семенова рудоискательская экспедиция работала на Алтас.

Пребывание Никифора в Верхнем Приобье подтверждается и другим старообрядческим сочинением, повествующем о «Елунинской гари», в которой весной 1723 года погиб один из братьев Семеновых — Иван. Рассказ об этих трагических событиях завершается сообщением о посещении места гари Никифором и о сооружении им над могилой погибших единоверцев креста и ограды²⁹.

Когда олонецкие рудознатцы вернулись на Урал, они сообщили о своих открытиях не Акинфию Никитичу, а Гаврилу Украинцеву, который сам «господину Демидову объявил» о найденных рудах. Возможно, поэтому заводчик через много лет и «не упомянул» имен «олонецких стариков», открывших для него алтайскую медь. Однако более вероятно, что Демидов сознательно не называл своих рудознатцев: он честно признался, что это были раскольники, но скрыл их под именем «олонецкие старики».

Не обошли молчанием выговские историки и награду, полученную старообрядцами от Демидова. «... Оных двух братьев Гавриила и Никифора тщанием [за их старание], приказал господин Демидов два колокола больших слити: один в 30 пуд неисполна [без малого], а другой — без полуторых [то есть в 28,5 пудов], да малых четыре...» Похоже, именно об этом подарке «олонецким старикам» сообщал уральский заводчик в 1744 году, вспоминая историю открытия алтайских месторождений. Колокола, полученные братьями Семеновыми за их «тщание», предназначались не лично им, а всем выговским «братиям» — жителям далекого Олонецкого края. В «Истории Выговской пустыни» рассказывается, что Демидов сделал свой подарок в начале 1730-х годов, а доставил колокола на Выг зимой 1732 года сам Гаврила Семенов³⁰.

Подводя итог, попробуем кратко суммировать сведения, сохранившиеся в старообрядческих рукописях:

1. Организатором поиска алтайских руд был знаменитый расколоучитель Гаврила Украинцев, живший на Урале в качестве демидовского приказчика-рудосыщика.

2. Сам Гаврила на Алтай не ездил. В Верхне Приобье по его просьбе отправился младший брат Никифор, также занимавшийся «рудознатым делом». В помощь Никифору было дано несколько выговских старообрядцев, которые к тому времени переселились с Олонца на Урал.

3. Результатом этой экспедиции стало открытие алтайских месторождений меди.

4. Привезенные на Урал рудные образцы Гаврила Украинцев представил Демидову.

5. Спустя несколько лет уральский заводчик распорядился отлить медные колокола для Гаврилы и Никифора Семеновых и таким образом отблагодарил выговских старообрядцев («олонецких стариков») за их участие в открытии и освоении рудных богатств Алтая.

4.8. ДЕМИДОВСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ (первая половина 1720-х годов)

В старообрядческой литературе не указывается, в каком году побывал на Алтае Никифор Семенов. Возможно, Гаврила отправил брата в Приобье в 1723 году, вскоре после разговора со Степаном Костылевым на уктуском базаре. В этом случае Никифора следовало бы считать тем посланцем, который начал демидовские «поощрительные поиски» на Алтае. Однако более вероятно, что его экспедиция была послана лишь после того, как на Урале получили первые образцы алтайской руды или достаточно подробные известия о месте ее обнаружения. По-видимому, Никифор Семенов был руководителем тех «олонецких стариков», которых в 1724 году послал в Верхнее Приобье Акинфий Демидов.

Кто из выговских рудознатцев помогал ему в алтайской экспедиции? Точного ответа на этот вопрос пока нет.

В исторической литературе, начиная с конца XIX века, традиционно «олонецкими стариками», отправленными с Урала на Алтай, называют трех старообрядцев-«рудосыщиков»: Матвея Кудрявцева, Леонтия и Андрея Кабановых³¹. В основе

этой литературной традиции лежит историческое повествование конца XVIII века, сохранившееся в архивных материалах известного барнаульского краеведа Степана Ивановича Гуляева³². Любопытно, что в самом документе те же рудоискатели названы местными приобскими жителями, а не посланцами с Урала:

«Сведения, сообщенные при принятии Колыванских заводов и рудников от Г. [господина] Демидова удостоверяют, что около 1720 года из числа поселившихся крестьян ево Белоярского острога (который находился поблизости Барнаула) Матвей Кудрявцов, Леонтей и Андрей Кабановы нашли около называемой Синей горы и в других местах сей окружности следы производимых прежними народами медных рудных копей и остатки еще не выработанные таковых же руд. Сии крестьяне, доставили к нему, Демидову, собранные ими металлические породы, коих хорошее содержание меди... поощрило дальнейшее ево предприятие».

Некоторые исследователи причисляют к «олонецким старикам» Гаврилу Семенова-Украинцева³³. В пользу такого

предположения, на первый взгляд, говорит следующий документ:

«В 1723 году ноября 14 дня... Акинфея Демидова прикащик, олонецких Петровских заводов приписной крестьянин Гаврила Семенов с товарищами три человека подал господину генерал-поручику Геннину доношение, что желают они в Сибирской губернии изыскивать и всячески

проезды медные и железные руды. И где что из оных руд обыскать могут, о том объявлять будут ему, генерал-поручику, без всякого умедления»³⁴.

В ответ на это «доношение» глава Сибирского горного начальства выдал Гавриле Семенову указ, разрешавший поиск руд. Куда именно намеревался ехать весной 1724 года демидовский

Рис. 56. Старобрядец.

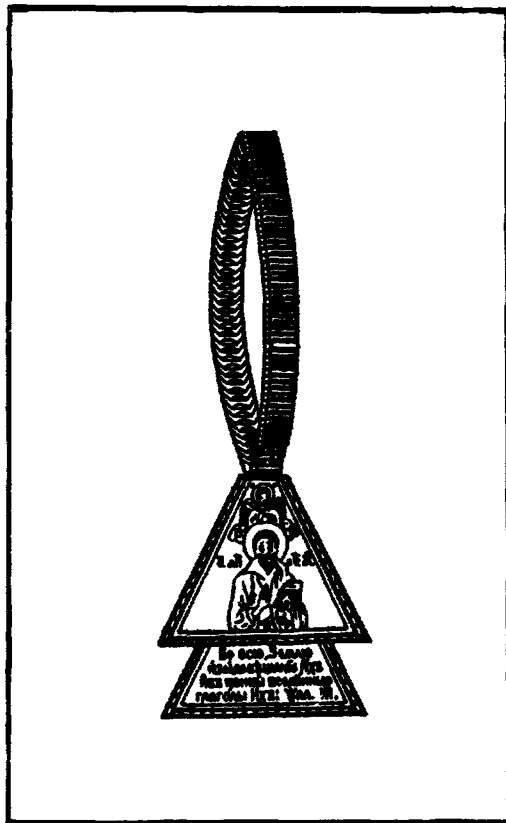

Рис. 57. Лестовка.

Непрерывной принадлежностью старообрядцев являлась лѣстовка — ремешок с отметками для счета молитв, к которому крепились кисть кожаных лепестков треугольной формы. «Христианину подобает всегда лѣстовку в руках держать, молитву непрестанно повторять», — считали староверы

приказчик и три его «товарища» из документа не ясно, но не исключено, что речь шла о подготовке экспедиции в верховья Оби. Однако, как мы уже знаем, сам Гаврила Украинцев в середине 1720-х годов на Алтай не ездил. Это подтверждает и характеристика, которую позже дал своему приказчику Акинфий Демидов. Подчеркивая заслуги Гаврилы в обнаружении алтайских месторождений, уральский заводчик рассказ о сделанных Украинцевым открытиях начинал лишь с 1729 года³⁵.

Очевидно, роль Гаврилы Украинцева как «рудосыщика» состояла в том, чтобы, используя связи с единоверцами, организовать сбор сведений о сибирских рудах. Его контакты с приобскими старообрядцами не подлежат сомнению. Вспомним, что именно по их просьбе Гаврилы послал в «Томские края», в «белоярские пределы», своего брата Ивана.

Надо полагать, знал Гаврилы Семенов и будущего руководителя чарышских староверов Матвея Кудрявцева. Важные сведения об этом авторитетном раскольнике сообщает первооткрыватель алтайских руд Степан Григорьевич Костылев. По его словам, люди Демидова, начав добычу алтайской руды и приступив к выплавке меди, назвали первооткрывателем обнаруженных Костылевым месторождений «беглого, ...всдомства Комчеданского острогу [в Зауралье] жителя, Матвея Устюженина, которому в то время прозвание переменяли, дали другое Кудрявцовым, а оный Устюженин не токмо им руды объявлять [не мог], но и в тех местах никогда не бывал и жил в бегах в Ишимском округе [уезде] в раскольнических пустынях»³⁶.

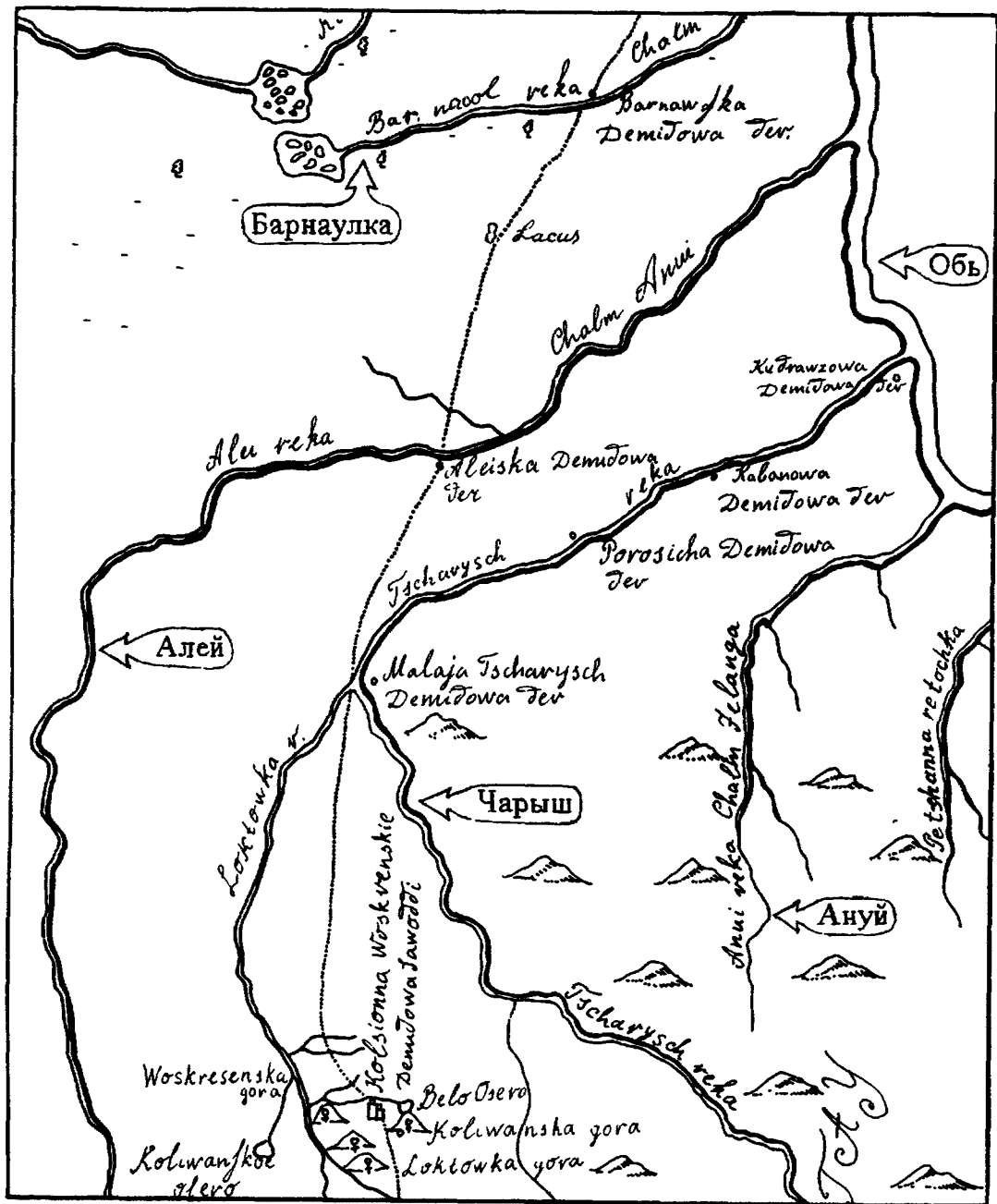
Из этого документа, написанного в 1734 году, становится ясно, что Матвей

Устюженин был старовером, который, скрываясь от властей, бежал с Урала в Приобье, где жил под вымышленной фамилией Кудрявцева. К сожалению, точная дата его появления в этих местах не выяснена. Известно, что в 1728 году Кудрявцев был отправлен из Невьянска на Алтай в качестве одного из доверенных лиц. Однако это вовсе не означает, что скрывавшийся от властей раскольник ехал в Приобье впервые³⁷.

Дошедшие до нас архивные материалы и литературные свидетельства подтверждают, что Матвей Кудрявцев и крестьянин Кабанов действительно были старообрядцами и рудознатоками. Имеются сведения о том, что в 1729 году некий рудоискатель Кудрявцев по «чудским копиям» открыл два месторождения в верховьях Ался. В другом документе того же времени упоминается «новопоселенная деревня Кудрявцева... на Чарыше реке». Судя по карте 1729 года, эта «Кудрявцова займка Демидова» была первой русской деревней, основанной на берегу Чарыша (рис. 75). Располагалась она в устье реки Порозики, из-за чего вскоре стала называться Порозихой³⁸.

В 1734 году путешествующие по Сибири академики И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер побывали в приобских владениях А. Н. Демидова. В своем путевом дневнике Гмелин упоминает, что в демидовских деревнях по реке Чарышу жили преимущественно старообрядцы, руководитель которых Кудрявцев давал Демидову сведения о рудах, открытых крестьянами³⁹.

Среди бумаг Миллера, собранных в Российской Академии наук, сохранилась копия изготовленной для путешественника карты верхнего течения Оби и Иртыша

(рис. 58). По Чарышу на ней обозначено четыре «Демидова деревни»: в устье — Кудрявцова (ныне пос. Усть-Чарыш), далее вверх по реке — Кабанова, Порозиха (бывшая «Кудрявцова заимка») и «Малая Чарыш» (современное с. Ельцовка)⁴⁰.

Вряд ли мы ошибемся, считая основаниями деревень Кудрявцовой и Кабановой уже известных нам рудоискателей-старообрядцев. Их жизнь закончилась трагически. Как повествует архивный документ 1747 года, во время очередной карательной экспедиции против раскольников эти «лучшие рудоискатели» погиб-

ли: «Кабанов убит, а Кудрявцов сам згорел»⁴¹.

Так могли ли Матвей Кудрявцев, Леонтий и Андрей Кабановы быть «олонецкими стариками», о которых рассказывал Акинфий Демидов? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не противоречат предположению о том, что Кудрявцев и Кабановы принимали участие в поисках алтайских руд, организованных демидовским приказчиком Гаврилой Украинцевым в 1724—1725 годах. Однако следует подчеркнуть, что прямых документальных подтверждений этому пока нет.

4.9. «ОЛОНЕЦКИЕ СТАРИКИ» ИЛИ МЕСТНЫЕ ОХОТНИКИ? (1723 — 1725 годы)

Если сопоставить сведения об открытии алтайской меди, рассказанные историками и самим заводчиком, то они во многом не совпадают. И. Ф. Герман считал, что поиск велся окрестными жителями, которым Акинфий Никитич обещал вознаграждение, а первое месторождение нашли местные охотники в 1723 году. Демидов же утверждал, что первооткрывателями алтайской меди были «олонецкие старики», специально посланные им с Урала в 1724 году «для прииску медных и прочих руд».

Несмотря на отмеченные различия, нам кажется, что факты, изложенные Демидовым и историками, не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Такой вывод можно сделать после знакомства с характеристикой, которую дал одному из демидовских рудознатцев путешественник И. Г. Гмслин. В его путевом дневнике Матвею Кудрявцеву посвящена отдельная запись. Сообщая об этом руководителе чарышских «раскольщиков», Гмслин отмечал, что хотя Кудрявцев считается знаменитым рудоискателем, сам он, похоже, ни одного месторождения не открывал. Все алтайские руды, по словам ученого, находили безвестные крестьяне, а Кудрявцев, пользуясь своим положением, лишь собирал эти сведения и сообщал их Демидову на Урал⁴².

Исходя из этого можно допустить, что первые алтайские руды или сведения о них доставил в Невьянск Матвей Кудрявцев. Такое предположение позволяет вос-

Рис. 58. Фрагмент карты Верхнего Приобья, которая была изготовлена для путешественника Г. Ф. Миллера, посетившего алтайские предприятия А. П. Демидова в 1734 году. Русские названия на этом чертеже написаны латинскими буквами. На реке Чарыш (Tscharysch) отмечены четыре «Демидова деревни» (Demidowa der): Кудрявцова (Kudrawzowa), Кабанова (Kabanowa), Порозиха (Porosicha) и «Малая Чарыш» (Malaja Tscharysch). Подписей по-русски рек Оби, Барнаўлки, Алея, Чарыша и Ануга на подлинном чертеже нет.

создать следующую картину начала демидовского проникновения на Алтай:

1. В первой половине 1720-х годов Демидовы узнали о месторождениях меди, обнаруженных Степаном Костылевым и другими чаусскими «промысловиками» в Рудном Алтае.

2. Первоначально Акинфий Демидов пытался «проводывать руды» в Верхнем Приобье с помощью местных жителей. Для этого он использовал свои давние связи с руководителями старообрядческих общин и влиятельными расколоучителями (в первую очередь — с Гаврилой Семеновым-Украинцевым).

3. «Поощрительные поиски» привели к тому, что в 1723 году крестьяне, отправившись на «зверовой промысел», обнаружили медные руды в «чудских копиях» на Кольванском месторождении под горой Синюхой.

4. Сведения об этой находке поступили к главе старообрядческой общины Матвеем Кудрявцеву, проживавшему тогда в Кузнецком уезде на обском правобережье.

5. Весьма вероятно, что именно он (возможно, совместно с Леонтием и Андреем Кабановыми) осенью 1723 или в начале 1724 года привез в Невьянск алтайскую руду или сведения о ее открытии.

6. В 1724 году демидовский приказчик Гаврила Украинцев организовал первую поисковую экспедицию на Алтай. В ее состав входили выговские рудознатцы-ста-

роверы («олонецкие старики»). Руководил отрядом младший брат Гаврилы — Никифор Семенов. В качестве провожатых, вероятно, использовались местные приобские старообрядцы. Посланцам Демидова поручалось искать новые месторождения, а на уже открытом Кольванском собрать для пробы необходимое количество образцов.

7. В сентябре это задание было выполнено. К осени 1725 года отец и сын Демидовы могли воочию убедиться в том, насколько богаты медью алтайские руды.

В основе такой реконструкции событий наряду с документально установленными фактами лежат и наши предположения. Некоторые из них с появлением новых архивных материалов, надеемся, будут подтверждены, а какие-то, возможно, придется отвергнуть. Например, до сих пор нет доказательств тому, что Матвей Устюженин-Кудрявцев жил в Приобье в первой половине 1720-х годов. По документам его пребывание здесь в 1720—1725 гг. не прослеживается. Пока ничем не подтверждаются и приводимые историками сведения о том, что открытие Кольванского месторождения произошло в 1723 году, а не позднее. Вызывают сомнения и некоторые другие литературные свидетельства. И все же изложенная версия пока представляется нам наиболее вероятной.

4.10. «АЛЕЙСКИЕ ГОРЫ» И СИНЯЯ СОПКА (1723 — 1725 годы)

Отстаивая свое первенство в открытии алтайских медных руд, Степан Костылев утверждал, что приказчики Акинфия Демидова воспользовались открытиями ча-

усских рудознатцев, а затем заявили «якобы оные [руды] найдены мимо нас», то есть самостоятельно. По мнению Костылева, демидовское производство в При-

объе началось с разработки найденных им месторождений. Нам представляется, что здесь первооткрыватель алтайских руд все же был не совсем прав.

Отец и сын Костылевы сделали свои открытия в «Алейских горах». Найденные ими месторождения располагались в бассейне реки Алей, к югу от Колыванского хребта и его вершины — горы Синюхи. Нет никаких сведений о том, что Костылевы пытались искать руду по притокам Чарыша (рис. 59)⁴³.

Руды же, заявленные Демидовым, были собраны преимущественно «промеж рек Чарошу и Алея». Есть все основания считать, что «олонецкие старики» вели свой поиск к северу от Колыванского хребта, по притокам Чарыша. На одном из них, реке Локтевке, позднее демидовскими мастерами был построен первый медеплавильный завод.

Известно, что еще до 1726 года на Чарыш проникали отдельные крестьяне, которые жили «в промышленных избушках на пустых местах»⁴⁴. Гонения на сибирских раскольников, отказавшихся признавать царские указы, могли подтолкнуть часть староверов переселиться в начале 1720-х годов в неведомые дотоле земли — на реку Чарыш и ее притоки, подальше от сибирских властей и их военных команд. Вполне вероятно, что путь демидовских посланцев к Синею сопке проходил через пристанища первопоселенцев-старообрядцев, чей опыт и знания использовали «олонецкие старики».

Таким образом, проникнув в алтайские предгорья позже Степана Костылева и его спутников, рудознатоцы, работавшие на Демидова, также стали первооткрывателями ранее неизвестных медных месторождений. Они сделали свои открытия

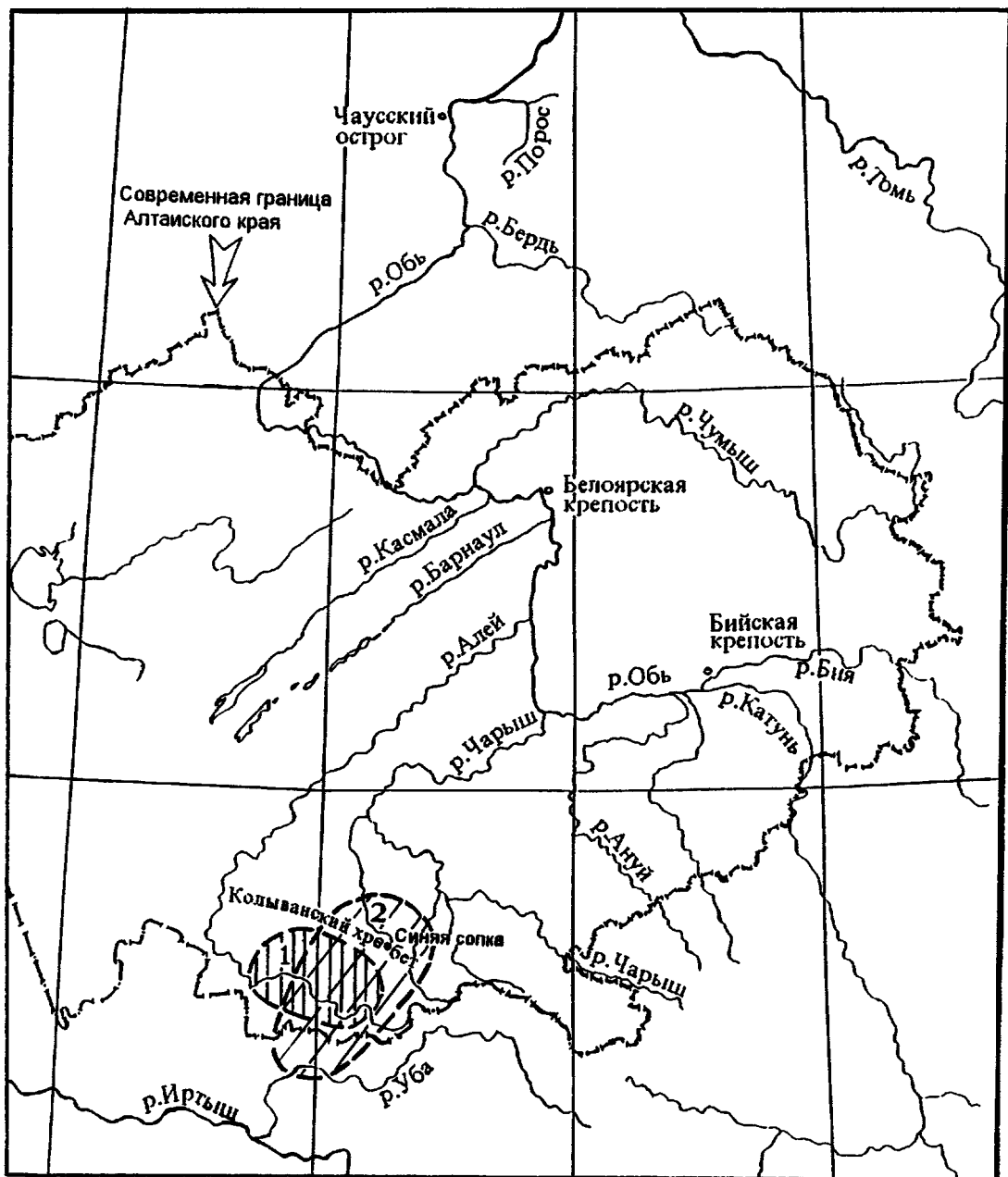
там, где чаусские рудоискатели, вероятно, никогда не бывали. Не исключено, что в 1724—1725 годах экспедиции «олонецких стариков» и Якова Костылева работали по разные стороны Колыванского хребта в одно и то же время.

Характерно, что и те, и другие искали не сами рудопроявления, а следы древних горных работ, так называемые «чудские копи». Рудосыщники первой половины XVIII века были скорее археологами, чем геологами. Все или почти все обнаруженные ими на Алтае месторождения уже разрабатывались когда-то в древности. Имена истинных первооткрывателей этих руд давно канули в Лету и никакие архивы тут нам не помогут.

Следы древних рудокопов в междуречье Алея и Чарыша были чрезвычайно многочисленны, поэтому нет ничего удивительного в том, что «олонецкие старики» Демидова обнаружили богатые медные месторождения без помощи Степана Костылева.

Однако район поисков демидовских рудознатоцев не ограничивался северными склонами Колыванского хребта. Среди обследованных ими рудопроявлений были и расположенные «сверх Алея реки». Демидовские приказчики, конечно, проявляли интерес к открытиям чаусских рудоискателей. Вспомним, как в конце 1722 года на уктусском базаре пытался выведать сведения об алейских рудах Гаврила Семенов. Поэтому участникам организованной им экспедиции, очевидно, поручалось вести поиск и в верховьях реки Алей.

К тому времени на Урале знали об алейских рудах не только от Степана Костылева. Из документов столичной Берг-коллегии известно, что в 1723 и 1724 го-

дах какие-то «ишимские и томские обыватели» заявляли генералу Геннину о месторождениях меди, «найденных ими в Томском и Кузнецком уездах на реках Кис и Алее в разных местах»⁴⁵. Очевидно, речь здесь идет о рудознатцах, переселившихся с р. Ишим в Томский уезд, скорее всего о жителях ведомства Чаусского острога.

Большинство приобских рудоискателей так и остались неизвестными. Документы сохранили далеко не все имена тех, кто в первой половине 1720-х годов отправлялся на горный промысел. Степан Костылев, по-видимому, был наиболее яркой фигурой среди таких промысловиков, но помимо него в предгорьях Алтая вели поиск и другие жители Томского и Кузнецкого уездов.

Вполне вероятно, что некоторые месторождения, на которых побывали демидовские «олонецкие старики», ранее были открыты кем-то из чаусских рудознатцев. В пользу этого говорит одно совпадение в рудоискательских заявках Якова Костылева и Акинфия Демидова: в обеих указаны образцы, взятые со «Змеевой» горы. Не исключено, что это случайное совпадение или о месторождении рассказал Гавриле Семенову сам Степан Костылев. Но, возможно, что о Змеевой горе и посланцы Демидова, и Яков Костылев узнали от каких-то иных рудоискателей.

Могли что-то сообщить людям Демидова об алейских месторождениях и участники экспедиции Степана Костылева

на Алтай. По документам выясняется, что в 1735 году вместе со своим братом Андреем в демидовской деревне Кабановой на Чарыше жил старообрядец Леонтий Трифонович Останин. В то время ему было уже 62 года, а его брату 65 лет⁴⁶.

Не те ли это Леонтий и Андрей Кабановы, которые в 1740-х годах наряду с Матвеем Кудрявцевым считались лучшими демидовскими рудознатцами? И случайно ли совпадение имени и фамилии Леонтия Останина из деревни Кабановой с Леонтием Оганиным — первооткрывателем алтайских руд?

Итак, не исключено, что в 1723—1725 годах некоторые месторождения в верховьях реки Алей обследовались и экспедицией Якова Костылева, и «олонецкими стариками». Что касается рудных мест в бассейне Чарыша, на которых побывали посланцы Демидова, то вряд ли эти месторождения были известны Степану Костылеву.

Как ни странно, некоторые руды, обнаруженные Костылевыми и их товарищами в «Алейских горах», так и остались невостребованными в демидовское время. Яркий пример тому — судьба Змеиногорского месторождения, наиболее богатого металлом.

Найденное, возможно, уже в 1719-м и заявленное в 1725-м Яковым Костылевым, а в 1726-м Акинфием Демидовым, оно было забыто и вновь опробовано только в 1736 году.

Факты показывают, что основные алтайские рудники, которые в дальнейшем разрабатывались людьми Акинфия Демидова, были открыты не с помощью «промышленного шпионажа», а трудами и стараниями работавших на уральского заводчика рудознатцев.

Рис. 59. Карта-схема предполагаемых районов поиска чаусских рудознатцев (1) и демидовских «олонецких стариков» (2) в 1723—1725 годах.

4.11. ЛЕГЕНДАРНАЯ ПЛАВКА (1724 — 1725 годы)

Получив известие о колыванской руде, сообщает И. Ф. Герман, Акинфий Демидов «послал туда для учинения проб и обстоятельного всему обозрения» специальную экспедицию, во главе которой поставил «подьячего Дмитрия Семенова сына, по прозванию Козьи-Ножки». Отряд был укомплектован «достаточным на первый случай числом мастеровых людей». Добыв в чудских коях Колыванского месторождения необходимое количество руды, они «на построенной ими при речке Локтевке пещк» выплавили немного «черной» меди. Затем с образцами металла и руд посланцы Акинфия Демидова возвратились на Невьянский завод.

«Удостоверившись чрез сие... о доброте руд, их изобилии», а также о наличии достаточных запасов леса, который в больших количествах требовался для металлургических плавов, уральский горно-промышленник принял решение начать разработку алтайских месторождений. Как рассказывается далее в книге И. Ф. Германа, Демидов «в 1725 году донес о тех его старанием вновь найденных рудах Государственной Берг-Коллегии [видимо, в Екатеринбург Геннину], прося при том позволения для плавки оных построить завод».

О первой демидовской плавке на речке Локтевке написано немало, хотя ни одного архивного документа в подтверждение этого факта приведено не было. Все, что рассказывается в исторической литературе о пробной плавке Дмитрия Семенова, в конечном счете, взято из одного абзаца книги академика Ивана Филипповича

Германа «Сочинения о Сибирских рудниках и заводах», изданной в 1797 году.

Между тем сам академик в заглавии «Сочинений» называл себя составителем, поясняя в предисловии, что в основе трехтомного научного труда лежат «многие, по большей части на предложенные мною вопросы, сделанные описания». Следовательно, И. Ф. Герману принадлежит заслуга научного редактирования этого издания, а текст книги в основном писался различными местными авторами.

В Государственном архиве Алтайского края хранится черновик той рукописи по истории Колывано-Воскресенских заводов, которую, очевидно, использовал ученый при составлении своей книги. Вот как описывает пробную демидовскую плавку на речке Локтевке неизвестный автор конца XVIII века:

После того, как Матвей Кудрявцев, Леонтий и Андрей Кабановы доставили первые образцы медной руды из-под Синеи сопки на Урал Демидову, «он наградил объявителей и для большего удостоверения послал с ними подьячего Дмитрия Семенова с плавильщиком и одним работником. По прибытии сих людей сделал небольшую разработку на приисках, около Синеи горы находящихся, особливо на именованном Колыванском руднике, добытые руды плавил в небольшой печке, устроенной при речке Локтевке, употребляя при том ручные меха. Полученную от сей плавки в небольшом количестве черную медь по возвращении доставили к нему Демидову, дав ему знать, что кроме тех мест, где ими работа была произведена, найдена медная руда на Воск-

россенских горах, да и в протчих местах представляется благонадежность».

Как видим, источником приводимых И. Ф. Германом сведений являлся местный алтайский автор⁴⁷. Ученый внес лишь одно дополнение в его рассказ — назвал прозвище демидовского подьячего, о котором, возможно, имел какие-то сведения из уральских документов.

О Дмитрие Семенове Козьи-Ножки в «Сочинениях о Сибирских рудниках и заводах» рассказывается весьма кратко. Любопытно, что и сам академик не указал ни сроков описываемой экспедиции, ни точной даты пробной плавки, поместив в своем историческом повествовании рассказ о Дмитрие Козьи-Ножки между событиями 1723 года (открытием Кольванского месторождения) и 1725 года (прошением Демидова в горное начальство о строительстве медеплавильного завода на Алтае). Из его описания определенно следует только одно: первую алтайскую медь демидовские мастера под руководством подьячего Дмитрия

Семенова извлекли из колыванской руды в металлургической печи на речке Локтевке еще до того, как в начале 1726 года Акинфий Никитич получил разрешение строить заводы на Алтае.

Но была ли вообще такая плавка в 1724—1725 годах? Сам Акинфий Демидов никогда о таком событии не упоминал. По его словам, свою заявку на алтайские месторождения он подал сразу после того, как «олонецкие старики» доставили ему богатые медные руды. Для предположений о том, что уральский заводчик специально скрывал сведения об экспедиции Дмитрия Семенова, нет никаких оснований. Ведь с 1719 года искать и плавить руды в России разрешалось всем.

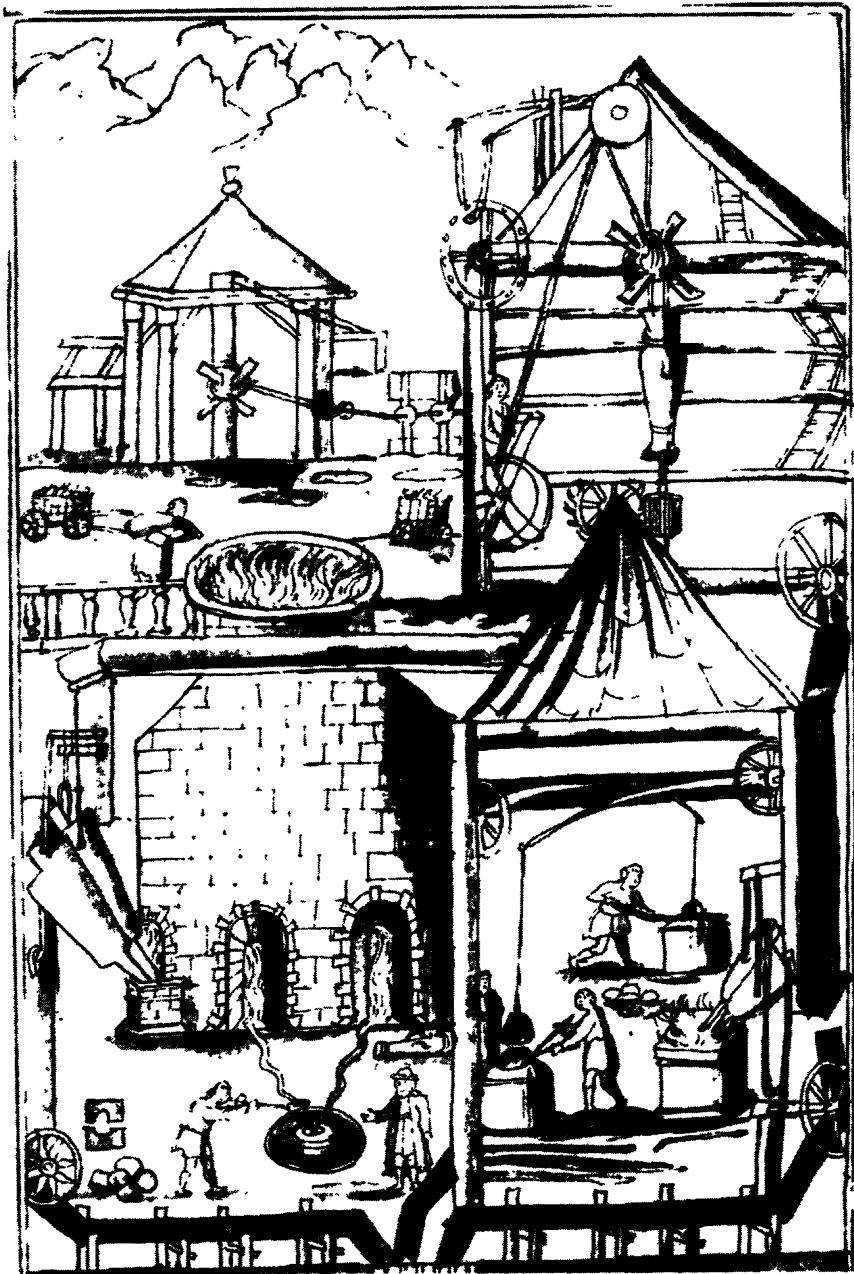
Краткие сведения алтайского историка, приводимые академиком Германом — вот все, на чем основана легенда о первой плавке колыванских руд, якобы проведенной демидовскими мастерами еще при жизни Никиты Демидова.

4.12. НАСЛЕДНИК (1725 год)

1725 год оказался переломным в истории освоения алтайских недр. 28 января умер Петр Великий, почти тридцать лет не расстававшийся с надеждой отыскать в горах Южной Сибири золотые, серебряные и медные руды. К концу 1725 года усилия Петра наконец-то дали зримые плоды: в Екатеринбурге Вильгельм Геннин вновь убедился в рудном богатстве «Алейских гор», а в Невьянск Демидову были доставлены образцы с медных месторождений «между рек Чарошу и Алея».

В том же году, 17 ноября в Туле умер «кузнец, оружейного дела мастер» Никита Демидович Антуфьев, основатель династии знаменитых уральских заводчиков Демидовых⁴⁸. Во главе хозяйства стал Акинфий Никитич, которому уже шел 48-й год.

В отличие от отца, до последних дней оставшегося неграмотным, Акинфий являлся представителем иной эпохи. Петровские реформы, изменившие Россию, наложили отпечаток на жизненный уклад

лад, привычки и круг интересов старшего сына тульского оружейника.

Неизвестно, кто был его учителем, но Акинфий умел читать и писать. К концу жизни у уральского заводчика насчитывалось более четырехсот книг, причем часть из них на немецком языке. Владел ли Акинфий Никитич немецким, мы не знаем, однако в Германии ему, похоже, побывать довелось. В литературе имеется упоминание о том, что он ездил за границу «для обозрения там горнозаводских промыслов». Во время этого путешествия Демидов посетил знаменитый своими серебряными рудниками город Фрейберг в Саксонии. Здесь он приобрел специально подобранную коллекцию минералов — «минералогический кабинет», который привез к себе на Урал. Впоследствии эта «рудная пирамида» перешла по наследству одному из сыновей Акинфия Никитича.

Если Никита Демидов, даже достигнув высокого положения в обществе, сторонился роскоши, то Акинфий относился к этому иначе. В его комнатах можно было встретить не только иконы, но и картины, стенные зеркала, «агличские» (английские) часы и даже барометр. Обстановка в доме была далека от аскетичной и характеризовала владельца как человека богатого, любознательного и довольно культурного⁴⁹.

Вместе с тем Акинфия, как и его отца,

без преувеличения можно было назвать настоящим знатоком горно-металлургического производства. Профессиональное мастерство позволило ему в совершенстве освоить технику литья пушек и наладить их изготовление на уральских заводах (рис. 60).

Никита Демидов за свое искусство оружейника снискал расположение царя. В 1709 году он был пожалован Петром I званием комиссара. Акинфий до осени 1725 года оставался в тени своего могущественного отца, которому принадлежали все уральские предприятия. Дожив почти до пятидесяти лет, старший сын не имел ни чинов, ни званий и на государственной службе никогда не числился.

Нам неизвестно, какую роль играл Никита Демидов в организации поиска алтайских руд. Скорее всего, решение об отправке экспедиции на Алтай принимал не только Акинфий, и последнее слово было за отцом. Возможно, осенью 1725 года Никите даже успели сообщить об итогах этого начинания.

После получения образцов богатых медью алтайских руд перед решительным и хватким Акинфием не возникало вопроса «плавильные заводы строить ли», на котором остановился Геннин 2 января 1726 года. Начальник Сибирского горного правления, действуя по законам российской бюрократии, был готов терпеливо «ждать от Берг-коллегии указа», а предприимчивый уральский заводчик поступил иначе. Если верить рассказу самого Акинфия Никитича, в конце 1725 года он официально объявил о найденных на Алтае рудах

Рис 60 Оружейный железодельный завод на Урале

Рисунок первой четверти XVIII века
В нижней части слева показан литейный цех: доменная печь, процесс отливки чугунной пушки и готовое орудие. В верхней части справа изображено приспособление для рассверливания пушечных стволов

Геннину, что было равносильно заявке на открытые им месторождения.

Весть о смерти отца пришла в Невьянск в последних числах ноября или в начале зимы. Теперь свои дальнейшие шаги новый хозяин уральских заводов должен был продумывать и предпринимать сам.

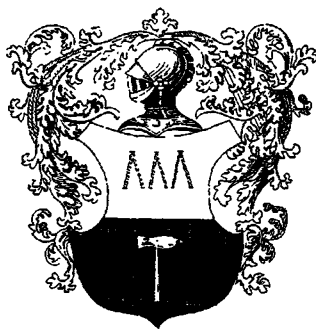
Как показали последующие события, наследник оказался достойным продолжателем дела, начатого тульским оружейником Никитой Антуфьевым. В начале января 1726 года Акинфий Демидов впервые вышел из тени отца и стал играть главную роль в истории освоения алтайских недр.

Гаврил Украинцев
руку приложил

ГЛАВА ПЯТАЯ

*«Для государственной славы
и всенародной прибыли»*

(январь — март 1726 года)

5.1. ВИЗИТ К ИМПЕРАТРИЦЕ (10 января 1726 года)

Мы не знаем, был ли знаком сын тульского оружейного мастера Акинфий Никитич Демидов с Петром I. Сохранились свидетельства теплого отношения императора к его отцу, тульскому «кузнецу», которого в письмах царь дружески называл «Демидычем». О взаимоотношениях наследника «Демидыча» с Петром I документы умалчивают. 28 января 1725 года на российский престол была возведена жена умершего монарха, провозглашенная императрицей Екатериной I (1725—1727). С ней и пришлось иметь дело Акинфию Никитичу, ставшему во главе династии Демидовых после смерти отца.

Свой первый визит к императрице Акинфий нанес 10 января 1726 года. На встречу с Екатериной Демидов шел не с пустыми руками: с Урала он привез царице... алтайскую руду!¹

Сообщение императрице об открытии месторождений меди на Алтае было частью плана, тщательно продуманного наследником еще в Невьянске. Объявляя о новых месторождениях, Акинфий Никитич рассчитывал не только на преимуще-

ства, положенные по закону первооткрывателю, но и на большее: личное знакомство с императрицей позволяло надеяться на решение других проблем, стоящих перед заводчиком.

Подношение рудных образцов непосредственно монарху — шаг сам по себе весьма необычный, ведь со времен Петра I существовала Берг-коллегия — специальное государственное ведомство, руководившее горно-металлургическим производством в России. Почему же Акинфий стал добиваться встречи с императрицей?

Никита Демидов завсчал заводы и своих крестьян старшему сыну. При вступлении в права владельца наследник столкнулся с некоторыми трудностями. Например, возникали сложности с оформлением прав на крепостных крестьян². Поэтому поездка в столицу зимой 1725—1726 годов для Акинфия была почти неизбежной. Окончательное решение проблем, связанных с наследством, видимо, требовало личных распоряжений императрицы. С помощью алтайских руд

Рисунок на илмуцтитале:

Герб рода Демидовых, сочиненный Ф Санти. По жалованной грамоте от 24 марта 1726 г.

Акинфий смог сделать свой визит к царице весьма эффективным.

Можно не сомневаться, что к концу 1725 года Демидов знал о медных рудах, привезенных Яковом Костылевым с Алтая в Екатеринбург. Удивительное совпадение дат, а также бурное развитие событий в январе-феврале 1726 г. позволяет предполагать, что для Акинфия Никитича не было секретом и мнение генерала Геннина. Вспомним, что начальнику сибирского горного ведомства в конце 1725 года поступили две рудоискательские заявки на алтайские месторождения меди — от уральского заводчика Демидова и от чаусских рудознатцев. Получив их, Вильгельм Геннин 2 января 1726 года предложил столичной Берг-коллегии рассмотреть вопрос о строительстве на Алтае казенных заводов. Не исключено, что именно подготовка этого письма Геннином ускорила отъезд в Петербург Демидова, стремившегося изменить ход событий в свою пользу.

Как бы то ни было, но президент Берг-коллегии и императрица, по-видимому, узнали от Акинфия об алтайских рудах раньше, чем от Геннина.

Рис. 61. Екатерина I (1684—1727), жена Петра I, а затем — первая российская императрица.

Гравюра по портрету первой четверти XVIII века

5.2. «ВСЕПОКОРНО ПРОШУ РЕШЕНИЕ УЧИНИТЬ» (19 января 1726 года)

Объявив императрице о рудах, найденных в опустевших телеутских землях, уральский заводчик тогда же представил их образцы генералу Брюсу. Граф Яков Вилимович Брюс возглавлял в то время артиллерийское ведомство, которое было основным потребителем меди в России, одновременно он являлся президентом Берг-коллегии.

Заручившись влиятельной поддерж-

кой, Акинфий Демидов наконец подал 19 января 1726 года в Берг-коллегию свое «доношение» об открытии его людьми «медных руд в Томском и Кузнецком уездах в диких местах». По сути дела, это была обычная рудоискательская заявка, призванная узаконить права первооткрывателя³.

Документ составлялся со знанием дела. Вначале Акинфий напоминал об

Рис 62 Генерал Яков Вилимович Брюс
(1670—1735).

Первый президент Берг-коллегии,
математик и астроном.

Один из просвещеннейших людей петровской
России.

По гравюре 1710-х годов.

именном указе Петра I, который предписывал Демидовым искать руды и строить новые металлургические заводы. «И я ... к приисканию медных руд имею немалую охоту», — писал Акинфий, подчеркивая, что посланные им рудознаты работали на Алтае в полном соответствии с царским указом.

Затем до сведения Берг-коллегии доводилось, что образцы обнаруженных руд

уже представлены самой императрице и графу Я. В. Брюсу. В конце документа сообщалось, что «те руды приисканы не на помещиковых землях, [а] в старых татарских пустых вотчинах ... и лежат впусте», и выражалась покорнейшая просьба разрешить Демидову «руды копать и заводы заводить». Для постройки металлургических предприятий и их охраны Акинфий просил дать ему из сибирских городов военных и рабочих людей, соглашаясь платить солдатам жалованье «как денежное, так и хлебное».

Демидов рассчитывал, что по распоряжению Берг-коллегии сибирские власти будут посылать на свои алтайские предприятия сезонных работников из крестьян, и был готов платить им по государственным расценкам. Завершал демидовское прошение «реестр, где приисканы медные руды в Томском и в Кузнецком уездах». В этом списке перечислялось восемь месторождений, расположенных в алтайских предгорьях.

Интересно сравнить рудоискательские заявки первооткрывателя алтайской меди Степана Костыльева и заводчика Акинфия Демидова. Для задавленного нуждой Костыльева, много лет настойчиво отстаивавшего свой приоритет, главной целью было получение денежной награды, положенной ему по царскому указу 1719 года. Руда, привезенная в Петербург Демидовым, содержала еще больше меди, но вопрос о денежном вознаграждении «первооткрывателем» даже не ставился. Не рубли Берг-коллегии нужны были заводчику Демидову, а берг-привилегия — разрешение начать свое новое дело на Алтае, гарантирующее поддержку со стороны государства.

5.3. ВТОРОЕ ПРОШЕНИЕ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА (4 февраля 1726 года)

К концу января Акинфий, очевидно, понял, что ситуация складывается для него благоприятно и решение определено будет в его пользу. 4 февраля 1726 года он подал второе прошение в Берг-коллегию «в пополнении» к первому⁴.

В этом «пополнении», состоящем из восьми пунктов, Демидов уже повел речь о конкретных специалистах для будущих предприятий. Так, он просил откомандировать в его распоряжение из Екатеринбургa двух казенных мастеров — штейгера (горного мастера) «для копки руд» и шихтмейстера Порошина.

В надежде сделать своим союзником главу Сибирского горного начальства уральский заводчик предложил Берг-коллегии «для лучшего размножения» своих новых предприятий разрешить генералу Геннину стать компаньоном Демидова. Создавая прецедент с Геннином, Акинфий Никитич тут же пытался получить у столичных чиновников право брать в долю любого, «кого мы, впредь усмотря, в компанию пожслаем».

Любопытно, что в текст своего второго прошения Демидов вставил следующий пункт: «И ежели ж где приищутся впредь медные, серебряные, золотые руды, чтоб нам копать их было не отводным же числом и заводы заводить». Чтобы по достоинству оценить предприимчивость уральского заводчика, подчеркнем: он писал эти строки, еще не зная о содержании в

привезенной им свинцовой руде примеси серебра и за восемнадцать лет до первой пробной плавки алтайского золота.

«А другим в тех местах для копки руд и построения заводов мест не отдавать и не отводить», — просил далее Демидов. Такое стремление стать единовластным хозяином алтайских предгорий определялось прежде всего желанием сохранить для своих предприятий леса, которые в окрестностях новых месторождений были немногочисленны.

Судя по всему, Демидов уже чувствовал себя хозяином будущего горно-рудного района, детально вникающим во все производственные вопросы. Любопытно, что одним из первых оговаривалось условие, «чтоб при них [предприятиях] ...питейной, винной и ливной продажи не быть, дабы от того в произведении заводов остановки и помешательства не было». Акинфий Никитич просил телеги и лошадей для его приказчиков, когда им «случится ехать в Русь [в Европейскую Россию] или для осмотра руд»; ставил условие, чтобы «мастеровых и работных людей ...с заводов никуда не брать»; ратовал за беспошлинный провоз пороха и инструментов, а также за пропуск в его новые владения «охочих людей», торгующих хлебом и другими припасами.

Для принятия решения столичному горному начальству понадобилось менее двух недель.

5.4. БЕРГ-ПРИВИЛЕГИЯ (16 февраля 1726 года)

Хлопоты Демидова оказались не напрасными. 16 февраля 1726 года, после обсуждения в Берг-коллегии, оба его прошения были удовлетворены. На каждую просьбу заводчика столичное горное ведомство вынесло отдельную резолюцию. Все вместе эти решения составили «берг-привилегию», которую так настойчиво стремился получить Акинфий Никитич. Отныне «для государственной славы и всенародной прибыли» ему разрешалось начать свой горный промысел в Томском и Кузнецком уездах⁵.

Если обратиться к современной географической карте, то рубеж между этими уездами в 1720—1730-х годах проходил на обском правом берегу от устья реки Бердь к реке Ине, пересекал ее и выходил на р. Томь (рис. 4, 38). Далее граница шла на восток до притоков Енисея. Вплоть до середины 1726 года Томск и Кузнецк относились к Енисейской провинции Сибирской губернии, а с июля были причислены к Тобольской⁶.

Месторождения, найденные на Алтае и Степаном Костылевым, и демидовскими рудознатцами, располагались на левобережье Оби в бассейне Алея и Чарыша. Эти опустевшие после откочевки телютов земли к 1726 году еще не были заселены, и их ведомственная принадлежность оставалась неопределенной. Даже сам сибирский губернатор князь Михаил Долгоруков в то время сомневался, находятся ли вновь открытые месторождения в пределах вверенной ему губернии или они расположены «за границею Российскойскою».

Демидов, очевидно, тоже не мог точно указать, к какому из двух уездов отно-

сятся заявленные им месторождения. Поэтому в его прошениях говорилось, что медные руды найдены «в Томском и Кузнецком уездах». Такая формулировка была использована в тексте выданной ему берг-привилегии, а затем стала повторяться и в других государственных указах. В Сибирском горном правлении на Урале алтайские предприятия Акинфия Демидова в 1720—1730-х годах то относили к Томскому уезду, то причисляли к Томскому и Кузнецкому, то писали, что они расположены «между Томским и Кузнецким дистриктами»⁷.

Сибирская администрация была более определена. Как только земли в бассейне Алея и Чарыша начали заселяться демидовскими людьми, эти территории стали считать частью Кузнецкого уезда. Однако сами Демидовы первое время относили свои строящиеся в Прибыль медеплавильные предприятия к «Томскому краю». Забегая вперед, можно сказать, что, спустя несколько лет после получения Акинфием Никитичем берг-привилегии, его алтайские владения превратились в отдельное «ведомство»⁸.

Рассмотрев заявку уральского заводчика, Берг-коллегия повелела «ему Демидову те медные руды добывать и копать... и удобный к тому медный завод... строить, где он пристойное место сыщет». Отныне Акинфий Никитич имел право возводить медеплавильные предприятия в любом удобном месте в пределах Томского и Кузнецкого уездов.

Во втором прошении Демидов повел речь о разработке, «ежели где приищутся», серебряных и золотых месторожде-

ний. В ответ на это столичное горное начальство позволило ему искать и добывать любые руды, «и шахты строить, и что надлежит к заводскому строению приуготовлять». Однако оговаривалось, что плавка любых других металлов, кроме меди, будет позволена Акинфию Никитичу после изучения в Берг-коллегии рудных образцов.

Давая заводчику большие права, Берг-коллегия в то же время сохраняла контроль над его деятельностью. В резолюции специально оговаривалось, что Демидов должен сообщать в Сибирское горное начальство и в столицу обо всех вновь найденных месторождениях. Он был обязан под угрозой штрафа «для достоверной пробы тсх руд... присылать из каждого места фунтов по пяти».

На просьбу Акинфия Никитича о взятии в долю компаньонов последовал ответ: «В компанию к тем заводам, кого он Демидов пожелает, принимать ему невозбранно». Единственное затруднение возникло с кандидатурой Вильгельма Геннина, ведь он занимал пост главы Сибирского горного начальства, а по распоряжению Петра I таким чиновникам «ни в какие подряды... вступать не велено». И все же, по мнению Берг-коллегии, «ради лучшего размножения» будущих алтайских заводов следовало в порядке исключения временно позволить генерал-майору Геннину «в компании с ним, Демидовым, ... сжели он пожелает, до указа быть». Для окончательного решения этого вопроса столичное горное ведомство в июле 1726 года запросило специальное распоряжение (указ) у правительствующего Сената⁹.

Впрочем, это разрешение не имело никаких последствий: генерал-майор Виль-

гельм Геннин желания вступить в долю с Акинфием не изъявил и его напарником никогда не был. Искал ли уральский заводчик других компаньонов для разработки далеких алтайских месторождений — неизвестно, но к освоению нового рудного района он приступил в одиночку.

Что касается шихтмейстера Порошина, которого просил Демидов, то Берг-коллегия решила по-своему. Андрей Порошин был направлен на Олонские заводы, а на предприятия Акинфия Никитича определили шихтмейстера Афанасия Карташева с годовым жалованьем в 36 рублей за счет заводчика. Из документов неясно, выезжал ли Афанасий Карташев к месту своей новой службы, но в любом случае он стал первым горным офицером, назначенным на алтайские горно-металлургические предприятия¹⁰.

Просьбу Акинфия послать ему из сибирских городов рабочих людей и солдат Берг-коллегия удовлетворила только наполовину. Сибирским властям было предписано отправлять на новые заводы Демидова «салдат по сколько человек пристойно» на его жалованье и провиант. Относительно работников такого распоряжения не последовало. Заводчик рассчитывал, что их по указу Берг-коллегии будет посылать местная администрация, а он станет расплачиваться с такими крестьянами по государственному расценкам. Однако в полученной привилегии вместо этого ему предложили самому нанимать работников «вольной ценою», причем только из тсх, кто будет иметь «пашпорт» — специальное разрешение на выезд с постоянного места жительства.

Еще более жесткие требования предъявлялись к снабжению новых заводов

оружием и порохом. Демидову разрешили провезти боеприпасы беспошлинно, но он должен был «подписать под смертную казнию», что не будет «оного ружья и пороху за границу пропускать и неприятелям

продавать». На следующий день после вынесения этой резолюции, 17 февраля 1726 года, Акинфию пришлось дать клятву, что ни он, ни его приказчики не будут торговать порохом и оружием¹¹.

5.5. ОТКРЫТИЕ ИВАНА ШЛАТТЕРА (февраль 1726 года)

Пробная плавка руд из алтайских месторождений, заявленных Демидовым, была поручена семнадцатилетнему плавильному мастеру Ивану Шлаттеру — впоследствии знаменитому металлургу, ученому и президенту Берг-коллегии; тому самому Ивану Андреевичу Шлаттеру, благодаря поддержке которого спустя срок лет в Барнауле Иван Ползунов смог построить свою «огнедействующую машину»¹².

В январе молодой мастер опробовал демидовские образцы и 1 февраля доложил Берг-коллегии результаты своих опытов.

Как и в 1720 году у Блюэра, пробы Шлаттера подтвердили исключительно высокое содержание меди в алтайских рудах. В представленных образцах оказалось от 8 до 49 и даже 53-х процентов металла! Для сравнения можно сказать, что на Урале считалась выгодной разработка месторождений, из которых при плавке добывалось 5—6 процентов меди¹³.

Удивительное богатство алтайских медных руд, очевидно, не было новостью для Акинфия Демидова. Неожиданным для уральского заводчика стало другое: 21 февраля юный пробирщик сообщил, что в одном из привезенных им образцов содержится серебро!

Драгоценный металл был обнаружен не в медной, а в свинцовой руде, о кото-

рой Демидов, вероятно, «объявил» в столичное горное ведомство немного позже — в феврале 1726 года. По-видимому, сам Акинфий Никитич первоначально не придавал особого значения этому образцу. Во всяком случае, в его январском прошении в Берг-коллегию речь шла о позволении разрабатывать на Алтае только медные месторождения. Со свинцом Демидовы никогда ранее дела не имели. Письменной заявки о добыче этого металла не поступило от уральского заводчика и теперь.

По пробе, проведенной Иваном Шлаттером, оказалось, что из 100 фунтов демидовской руды можно выплавить почти

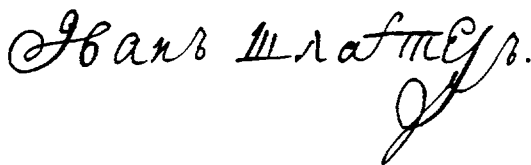

Рис 63 Автограф Ивана Андреевича Шлаттера.

11 фунтов свинца. Но главным результатом этой пробной плавки стало другое: благодаря искусству мастера, помимо свинца из руды удалось получить и небольшое количество серебра. Как подсчитал сам Шлаттер, в 100 фунтах (2,5 пудах) руды содержалось 4 лота (12 золотников) благородного металла¹⁴.

Итак, в феврале Берг-коллегия, а от нее и Акинфий Демидов, узнали про выплавленное Иваном Шлаттером алтайское серебро. Как отреагировали на это столичное горное ведомство и уральский заводчик?

По закону 1719 года первооткрывателю серебряного месторождения полагалась награда лишь в том случае, если при пробной плавке получают «не ниже десяти золотников серебра из пуда». Демидовская руда содержала менее пяти золотников в пуде и была в два раза беднее той предельно низкой концентрации, с которой считалось возможным начать промышленную добычу драгоценного металла. Подобные месторождения с признака-

ми серебра уже встречались ранее как на Урале, так и в Сибири, но их разработка оказывалась невыгодной. Вспомним историю неудачного промысла на реке Коштак, где руда содержала примерно столько же благородного металла, как и демидовские образцы. Поэтому в Берг-коллегии к открытию Ивана Шлаттера, очевидно, отнеслись сдержанно.

Что касается Акинфия Демидова, то он еще раз убедился, что не зря организовал свои «поощрительные поиски» в Верхнем Приобье. Первые граммы алтайского серебра вселяли надежду и позволяли мечтать о собственных сереброплавильных заводах.

5.6. В ПОИСКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЫГОДЫ (январь — февраль 1726 года)

«А казенные заводы строить ли?» — этот вопрос, заданный в начале января 1726 года Гсннином, по-видимому, стоял перед Берг-коллегией при рассмотрении заявок Демидова. Почему же горное начальство все-таки решило не сооружать на Алтае казенные предприятия, а отдать инициативу частному заводчику? Чем определялось такое решение: хитростью и пронырством Акинфия Демидова или полными интересами государства?

В истории России уже бывали случаи, когда горному ведомству приходилось выбирать — оставить предприятия в собственности государства или передать в частные руки. Пример тому — знаменитый Невьянский завод в Верхотурье на Урале. Он был построен казной в 1700—1701 годах, а в следующем, 1702 году, после пуща по указу самого Петра I отдан во владение «тулянину Никите Демидову». Ни-

каких взяток Никита царю, конечно, не давал.

«А те заводы Верхотурские сму Никите для того Мы, Великий Государь, отдать указали, что не раднием и многими сварами и крамолами приставников [управляющих] чинилась тому доброду и полезному делу остановка, — писал Петр I в своем указе. — И дальнего ради расстояния ...опасно тому заводу совершенное разорение» от произвола и бесконтрольности управляющих¹⁵. Царь считал, что частный заводчик сможет организовать производство лучше, чем государственные чиновники. И он не ошибся.

В то время как Акинфий Демидов азартно рвался к алтайской руде, специалисты из Берг-коллегии, по-видимому, лучше понимали все трудности, связанные с разработкой найденных месторождений. На дальнее расстояние и несоби-

тость этих мест указывали в своих письмах в столичное горное ведомство и Демидов, и Геннин. Для первого безлюдие было лишь доводом в пользу того, что «пустые» земли можно без ущерба для государства отдать в частные руки. Геннин же в своем доношении от 2 января 1726 года оценивал ситуацию более трезво: «Близ тех руд жилья не имеется на три дня пути». Следовательно, производство алтайской меди неизбежно было сопряжено с немалыми трудностями. Именно поэтому у Геннина и возникали многочисленные вопросы, сводившиеся по сути дела к одному — будет ли государственная выгода?

Над этим задумывался еще Василий Никитич Татищев. В сентябре 1720 года, вскоре после знакомства со Степаном Костылевым, он писал в Берг-коллегию почти то же самое, что и Вильгельм Геннин. Указывая на удаленность и пустынную мест, где были обнаружены «томские» руды, Татищев высказывал мнение, что горные заводы там «содержать на государственном иждивении не весьма способно».

Интересно, что в своих предложениях В. Н. Татищев пошел дальше Геннина и рекомендовал столичному начальству «заводы отдаленные и вновь обретенные рудные места, где не в близости, отдавать вольным людям в промысел». Особенно, по его мнению, это касалось богатых «томских» (алтайских) руд. «И ежели охотников россиян не явится, возможно иностранных призвать, на что чаем охотников довольно будет.., а государственной прибыток десятиною доволен будет»¹⁶.

По существовавшему тогда законам частные владельцы горных предприятий обязаны были отдавать государству деся-

тую часть своей добычи, так называемую «десятину», о которой упоминает В. Н. Татищев. Ничем не рискуя и не вкладывая никаких средств, государство благодаря такому налогу получало небольшой, но стабильный доход, тогда как при строительстве казенных заводов пришлось бы столкнуться с многочисленными проблемами.

Одной из них была безопасность будущих предприятий. Месторождения, обнаруженные в предгорьях Алтая, располагались на границе российских владений. Еще в начале XVIII века здесь кочевали подданные Джунгарского ханства. Первое русское укрепление в отрогах Алтайских гор было построено в 1709 году. Тогда по указу Петра I на месте слияния рек Бии и Катунь возвели Бикатунскую крепость. На следующий год этот российский форпост был осажден джунгарами и сожжен, а часть гарнизона взята в плен.

Переломным можно считать 1717 год, когда отряд, посланный в верховья Оби для сооружения нового укрепления на слиянии Бии и Катунь, построил вместо этого Белоярскую крепость, располагавшуюся на правом берегу Оби недалеко от нынешнего Барнаула. В следующем, 1718 году, русские возвели Бийскую и Семипалатинскую крепости, а в 1720 году — Усть-Каменогорскую.

Расположенные на большом расстоянии друг от друга, эти форпосты русского государства не могли надежно прикрывать его новые границы. Подданные джунгарского контайши по-прежнему с юга проникали в пустынные пограничные земли, считая их своими. С запада опасными соседями являлись казахи-кочевники, чей племенной союз русские называли «Казачьей Ордой» (рис. 29). Мирные отношения в таких условиях в любой мо-

мент легко могли перерасти в вооруженный конфликт. Несомненно, это тоже учитывалось Берг-коллегией при обсуждении вопроса «казенные заводы строить ли?».

Характерно, что сибирская администрация с опасением и настороженностью восприняла стремление Демидова основать «в диких татарских местах» свои горно-металлургические предприятия. Узнав о получении Акинфием Демидовым берг-привилегии, новый сибирский губернатор князь Михаил Федорович Долгоруков, сменивший в 1724 году А. М. Черкасского, так прокомментировал решение Берг-коллегии: «Ежели в тех диких татарских местах заводы заводить, то не будет ли какого [от] китайского государства, от мунгалов или от контайши сумнительства и не произошло б от того какой ссоры, ...чтоб контайша не поднялся войною». Долгоруков прямо указывал, что «тех новозаведенных заводов гарнизоны солдатами охранять будет некем»¹⁷.

Таким образом, удаленность месторождений, безлюдье и беспокойная внешнеполитическая обстановка, по-видимому, стали главными причинами, склонившими Берг-коллегию к решению позволить Акинфию Демидову начать

разработку медных руд на пустующих землях по рекам Алею и Чарышу. Фактически уральскому заводчику отдавались не только заявленные им месторождения, а весь рудный район. В его обязанность, помимо плавки меди, входил поиск новых рудных мест.

Не была забыта в столице и заявка братьев Останиных и Якова Костылева. Рассмотрев январское доношение Геннина, предлагавшего построить на Алтае государственные металлургические предприятия, руководство Берг-коллегии в мае сообщило ему, что о рудах «из тех же мест Томского и Кузнецкого уездов, и о произведении [добычи] их, и о построении заводов указ и привилегия заводчику Акинфию Демидову февраля 16 дня сего 726 года даны», то есть вопрос решен в пользу частного горнопромышленника¹⁸.

Возможно, в Берг-коллегии посчитали, что объявленные Костылевым и Демидовым руды происходят из одних и тех же мест. Однако скорее всего заявка чаусских рудоискателей не была утверждена именно в связи с тем, что по берг-привилегии весь новый рудный район в Томском и Кузнецком уездах отдавался Акинфию Демидову.

5.7. ВОЗВЕДЕНИЕ В ДВОРЯНСТВО (24 марта 1726 года)

Посадка Акинфия в столицу в начале 1726 года преследовала несколько целей. Помимо борьбы за право разработки алтайских руд, перед уральским заводчиком стояла и другая, более важная задача. Дело в том, что ни Акинфий, ни его братья, несмотря на громкое имя отца и богатое наследство, включавшее даже

крепостных крестьян, не были дворянами, формально оставаясь в России людьми второго сорта.

Путь Демидовых в высшее сословие был долг и непрост. Еще в январе 1701 года Петр I разрешил тульскому оружейнику Никите Демидову «к тому свосму железному заводу... земли или крестьян...

покупать вольно». Отыные «кузнец» мог приобретать крепостных, но только для своего тульского завода. Торговать землей и людьми тогда имели право лишь дворяне. Никита Антуфьев стал редким исключением в российской истории. Он был удостоен царской привилегии за то, что построил свой оружейный завод в Туле без помощи государства, а главное — за качество и дешевизну поставлявшегося им оружия.

На следующий год Никита просил правительство позволить ему покупать крестьян для Невьянского завода, но разрешения не получил. Первых крепостных для уральских предприятий он приобрел лишь в 1720 году, купив у графа Головина село Фокино с деревнями на берегу Волги — всего более 2,5 тысяч душ¹⁹.

В том же 1720 году, 21 сентября, в столице был подготовлен указ о пожаловании Демидову личного дворянства. Однако в силу каких-то случайных обстоятельств этот указ так и остался неподписанным Петром I. Фактически Никита Демидов при жизни дворянского звания не имел. В деловых письмах он называл себя «коммисаром», также именовали его и во всех правительственных документах. Даже в тексте надгробия о дворянстве Никиты не сказано ни слова²⁰.

Основателя династии, по-видимому, не слишком волновало, что по закону он не принадлежал к привилегированному сословию. Наследник к этому относился иначе. Очевидно, основной целью поездки Акинфия Никитича в столицу в январе 1726 года как раз и было получение

дворянского звания. Свой визит к императрице он предпринял не только для получения берг-привилегии, но прежде всего для разрешения этого самого главного для него вопроса.

Открытие новых месторождений меди, вероятно, должно было продемонстрировать преданность государственным интересам и подчеркнуть верность делу отца. Объявляя о своем желании построить новые металлургические заводы на Алтае и на Урале, Акинфий Никитич «всподданнейше просил» императрицу пожаловать ему и его братьям потомственное дворянское достоинство. «Нам восподданнейше донесено, — сообщала вскоре Екатерина I, — что помянутый Акинфий Демидов умершему отцу свосму в сыскании и произведении тех медных и железных заводов прилежное вспоможение учинил. И впредь во умножении... оных к пользе Нашего Государства, по всякой возможности, прилежание и радетьельное старание иметь обещает».

Мы не знаем, существовало ли письменное прошение Акинфия или он обратился к царице лично. Во всяком случае, Екатерина I отнеслась к его просьбе благосклонно и распорядилась своему кабинет-секретарю подготовить «жалованную грамоту». Вскоре проект этого документа поступил в Верховный тайный совет.

Известно, что 18 февраля кабинет-секретарь императрицы Алексей Макаров напомнил членам совета о необходимости рассмотреть и согласовать текст дворянского «диплома» сыновей комиссара Никиты Демидова. «И по рассуждению определили помянутых Демидовых детей написать в той жалованной грамоте во дворяне по Нижнему Новгороду». Причисление уральских заводчи-

Рис 64 Акинфий Демидов (1678—1745).
Гравюра XIX века с портрета Г. Х. Гроота.

ков к поволжским помещикам объясняется тем, что самой крупной вотчиной, оставшейся от их отца, было село Фокино Нижегородского уезда одноименной губернии²¹.

Возведение наследников Никиты Демидова в высшее сословие состоялось 24 марта 1726 года. В этот день Екатерина I подписала грамоту («диплом»), в которой подтвердила законность подготовленного почти шесть лет назад указа о дворянстве Никиты Демидова (к тому времени уже умершего). Далее в «дипломе» речь шла о наследниках знаменитого заводчика. Теперь все они «и потомство мужеского и женского пола, в вечные времена» производились «по Нижнему Новгороду в дворянство»²².

Еще месяц назад в тексте берг-привилегии старший сын тульского оружейника именовался не иначе как «Акинфей Никитин сын Демидов». Теперь, став дворянином, он получил право официально именоваться по имени и отчеству — Акинфием Никитичем Демидовым²³.

Жалованная грамота императрицы причисляла к привилегированному сословию и младших сыновей умершего Никиты Демидова — Григория и Никиту. Заводчиками они стали еще при жизни отца: Григорий владел железодельным предприятием под Тулой, а Никита имел такое же производство на одном из притоков реки Оки в Центральной России.

По указу Петра I «О порядке наследования», написанном царем в 1714 году, все недвижимое имущество дворянам разрешалось завещать лишь одному из своих сыновей. Петр объяснял это тем, что «разделение имений после отцов... великой есть вред в Государстве Нашем,

как интересам Государственным, так и подданным; и самим фамилиям [дворянским родам] падение». Крупное имение после раздела между несколькими наследниками дробилось, хозяева беднели, а с подданных становилось все труднее собирать государственные налоги. Чтобы не допустить этого, царь и утвердил закон о единонаследии.

С весны 1714 года недвижимую собственность дворянских фамилий (землю с крепостными крестьянами и постройки) дробить при наследовании запрещалось. Отец должен был заранее определить, кому из сыновей он завещает недвижимость. «Другие же дети обоего пола да награждены будут движимыми [ценностями]». При отсутствии утвержденного завещания наследником становился старший сын, а движимое имущество (деньги, драгоценности, вещи и пр.) делилось «равной частью» между остальными детьми умершего.

Хотя Никита Демидов при жизни юридически так и не был произведен в дворяне, оформление его завещания велось в соответствии с указом о единонаследии. 23 декабря 1720 года Берг-коллегия утвердила духовную престарелого Никиты, по которой «в том его недвижимом имении помянутого сына его Акинфия наследником учинить велено»²⁴.

Разделить свои заводы поровну между тремя сыновьями Демидов права не имел, да, наверное, и не хотел. В Акинфии, который фактически уже много лет руководил уральскими предприятиями, старик видел наиболее надежного продолжателя начатого дела. О будущем младших сыновей отец также позаботился заранее. Неграмотный Никита проявил житей-

скую мудрость и еще задолго до смерти наделил каждого из них железоделательным предприятием.

Главной обязанностью дворян в России была государственная служба, прежде всего военная. Демидовы оказались исключением из этого правила. Выданная им жалованная грамота гласила: «Их и детей их и потомков, против других дворян, ни в какие службы не выбирать и не употреблять». К государственной службе официально приравнивалось «тщание и попечение» Демидовых, направленное на процветание их собственных заводов, столь нужных российскому государству. Им предписывалось и впредь проявлять усердие «в приискывании медных и серебряных руд, и к тому законных своих наследников и потомков обучать».

Эта фраза из жалованной грамоты прямо указывает, что не последнюю роль в решении вопроса о возведении Демидовых в дворянство сыграли медные руды, поднесенные Акинфием царице, и открытие алтайского серебра, сделанное Иваном Шлаттером.

Рис. 65. Граф Франциск Санти (1683—1758), составитель российских гербов в 1722—1727 годах.

5.8. ЗЕЛЕННЫЕ ЛОЗЫ НА СЕРЕБРЯНОМ ПОЛЕ

Той же грамотой Екатерины от 24 марта 1726 года был утвержден герб рода Демидовых.

Гербы дворянских родов появились в России во время царствования Петра I. Изображения на них, как правило, должны были отражать специфику деятельности владельцев. Составными элементами герба считаются щит, шлем и его ажурное обрамление — намет.

В 1722 году по распоряжению Петра I в России была учреждена Герольдмей-

стерская контора, в обязанность которой в числе прочего входило и составление гербов. С этой целью на русскую службу был принят итальянский дворянин из Пьемонта граф Франциск Санти. Санти прекрасно рисовал и был знатоком западноевропейской геральдики. Поэтому и в русские гербы он вводил готовые европейские формы. Сохранились документальные свидетельства, что рисунок герба Демидовых сочинил именно Франциск Санти²⁵.

Герб рода Демидовых был прост, выразителен и лаконичен. Он, безусловно, удался автору. Основой герба служил щит, пересеченный по горизонтали широким золотым поясом — первостепенной и наиболее значимой геральдической фигурой. Над поясом, в верхней части герба, на серебряном поле были помещены три зеленые рудоискательские лозы; в нижней части — в черном поле серебряный молот. Поверх щита изображался рыцарский шлем стального цвета, указывающий на принадлежность владельца к дворянскому сословию. С верхней части венчающего щит шлема спускалось своеобразное украшение — «намет серебряный с зеленой подложкою»²⁶.

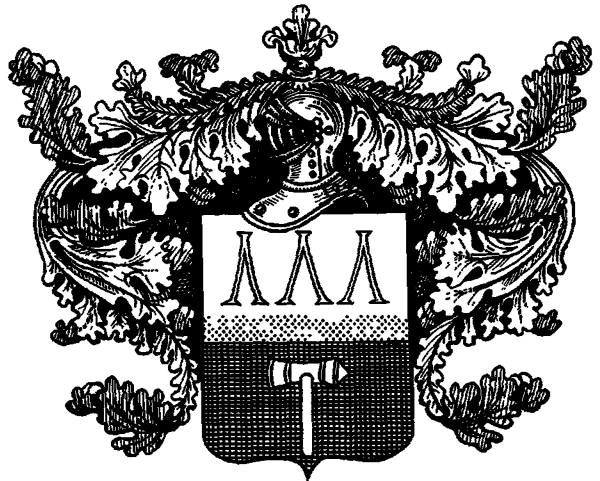
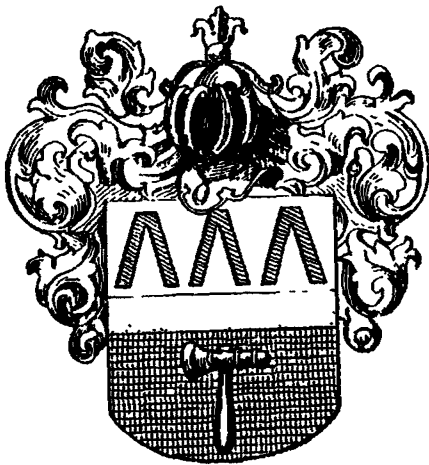

Рис. 66. Вверху фамильный герб дворян Демидовых, сочиненный Ф. Санги (из жалованной грамоты 1726 года)
Внизу: два позднейших варианта фамильного герба Демидовых с щитами «испанской» (слева) и «французской» (справа) формы

В жалованной грамоте 1726 года герб имеет щит с вогнутыми сторонами так называемой германской формы (рис. 66, сверху). Франциск Санти, в свое время учившийся в Париже, сочинял гербы, основу которых составлял французский щит — прямоугольной формы, с заострением внизу. Немецкий щит на гербе Демидовых, возможно, являлся единственным исключением в его творчестве. Такая форма, конечно, была использована не случайно. Вполне вероятно, что ее символика связывалась с поиском и добычей руд — ведь именно германские княжества славились развитием горно-металлургического производства.

Позднее появились еще два варианта демидовского герба. В одном случае его основу составляет так называемый испанский щит — квадратной формы, со слегка закругленной нижней стороной, в другом — щит французской формы (рис. 66)²⁷. Вероятно, описанные варианты фамильного герба Демидовых использовались в разное время. Точного ответа на вопрос, когда и почему видоизменялся демидовский герб, у нас пока нет.

Описание и рисунок герба, сочиненного графом Санти, были включены в жалованную грамоту, выданную Акинфию Никитичу. В тексте «диплома» пояснялась символика некоторых изображений. Указывалось, что три зеленые «лозы рудоискательные» помещены на герб Демидовых «во знак их любопытства в приискании металлов», а серебряный молот на черном фоне — «во знак произведения их трудом и коштом [на собственные средства] медных и железных заводов».

Зеленые «лозы рудоискательные», помещенные сверху, с древнейших времен были основным средством, помогавшим

Рис 67 Лозоходцы.

Гравюра из книги немецкого ученого Георгия Агриколы, изданной в середине XVI века. Буквой «А» обозначены рудоискательские лозы

рудознателям вести поиск скрытых под землей полезных ископаемых (рис. 67). Такая «лоза» представляла собой обыкновенную ветку, разветвленную надвое. Взяв в ладони концы развилки, лозоходец держал ее так, чтобы тростей, утолщенный конец был направлен вверх. «И так рудокоп вдоль и поперек горы идучи с ло-

зою... примечает то место, где лоза в руках подвинется, и верхним концом вниз склонится. В таком месте должно быть рудной жиле»²⁸.

Любопытно, что символика утвержденного в 1726 году герба совершенно не отражала такого основного вида деятельности Демидовых, как оружейное производство. Изображение на щите скорее характеризовало их как людей,

основным видом деятельности которых были поиск и разработка руд. Очевидно, художник, сочинивший герб, лучше знал о заслугах Демидова именно в горном деле. Не связано ли это представление с теми вновь найденными «в Томском и в Кузнецком уездах» рудами, которые Акинфий привез в столицу и 10 января 1726 года поднес императрице?

Акинфий Демидов

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*«Демидову чинить
всевозможное
помоществование»*

(1726—1729 годы)

6.1. ЭКСПЕДИЦИЯ ДМИТРИЯ СЕМЕНОВА (февраль — июнь 1726 года)

Вслед за принятием резолюции, удовлетворявшей прошение Акинфия Демидова, Берг-коллегия 24 февраля 1726 года направила в Сибирь генерал-губернатору, воеводам и «прочим начальствующим» специальный указ. В нем сообщалось для всех, «кому о том ведать надлежит», что Акинфию Никитичу разрешена добыча и плавка медных руд в Томском и Кузнецком уездах¹.

В тот же день на Урале демидовский приказчик Стефан Егоров, еще ничего не знавший о принятых в столице решениях, подал в горное начальство на имя генерала Геннина «доношение», в котором писал:

«Господин мой комиссар Демидов возжелал, дабы повелено ему было указом... послать в низовые [уездные] Томской и Кузнецкой городы... для искания медных руд... одного солдата с двумя учениками горного дела и двумя рабочими.

И ежели ж по воле Всемогущего Бога оныя посланные в означенных краях где медную руду найдут, дабы [чтобы] по указу... повелено [разрешено] им было

без всякого препятствия от тамошних командиров копать [руды] наемными людьми и для пробы плавить. И по пробе ежели явится такая руда, достойная изживления [затрат] к строению завода, то оный мой господин комиссар Демидов желает для обогащения Российского Государства и для всенародной пользы собственным своим капиталом завести в оных краях заводы, дабы Божес благословление втуне [напрасно] под землею не оставлено было.

Того ради помянутый господин... приказал мнс... нижайше просить, дабы определенных от него в означенный путь... соблаговолить наградить милостивым ...указом². Вполне вероятно, что эта рудоискательская экспедиция была задумана Акинфием еще до поездки в столицу.

В Екатеринбурге доношение демидовского приказчика было рассмотрено и удовлетворено. Снабженные указом Геннина и паспортами, пятеро посланцев уральского заводчика вскоре отправились на Алтай. Они выехали из Невьянска еще

Рисунок на шмуцтителе:

*Сторожевая башня Кольвано-Воскресенского завода А. Демидова.
С чертежа первой половины 1730-х годов.*

до того, как на Урале был получен указ Берг-коллегии от 24 февраля 1726 года.

Наиболее достоверные сведения о начале демидовского горного промысла в Верхнем Приобье содержатся в материалах путешествовавших по Сибири академиков И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера. Летом 1734 года они посетили недавно возникшие предприятия Акинфия Никитича, где застали очевидцев и непосредственных участников событий 1726—1730-х годов. Это позволило Гмелину подробно описать историю становления горно-металлургического производства на Алтае³.

По данным, собранным этим историком, в 1726 году «под весну» с Урала в алтайские предгорья выехала экспедиция в составе шести человек: солдата, ученика плавильного дела, писаря и двух рабочих, а также «одного из тех крестьян, которые сообщили о рудах»⁴. Не приходится сомневаться, что речь здесь идет о тех же людях, за которых просил приказчик Стефан Егоров.

Крестьянин повел демидовских посланцев «прямой дорогой к горе, которая теперь называется Колыванской». Там ими была построена небольшая металлургическая печь, предназначенная для пробных плавок. В нее входило около десяти фунтов руды, что позволяло получить за один раз не более одного килограмма меди. Впрочем, о результатах этих опытов Гмелин узнать не смог. По его предположению, ученик плавильного дела так и «не сумел выплавить чистой меди из руды». Тем не менее участники экспедиции убедились в богатстве Колыванского месторождения, после чего отправились в Невьянск для отчета перед Демидовым.

Архивные документы позволяют на-

Рис. 68. Академик Иоганн Георг Гмелин (1709—1755), известный натуралист и путешественник по Сибири.

звать некоторых членов этого отряда поименно. Помог историкам все тот же Степан Григорьевич Костылев. В том же 1734 году, когда академик Гмелин расспрашивал демидовских первопроходцев на Алтае, неграмотный первооткрыватель здешних руд подал очередное доношение в Сибирское горное начальство, где по-прежнему отстаивал свой приоритет. В этом документе Костылев рассказывал, что в 1726 году к нему в Чаусский острог приезжали и расспрашивали об алтайских рудах «дворянина Демидова приказчики Илья Степанов, Дмитрий Семенов, солдат Петр Фадеев, плавильный мастер Степан Изотов»⁵.

В приведенном рассказе Степана Костылева упоминается приказчик Дмитрий Семенов. Безусловно, это тот самый возглавлявший демидовскую экспедицию на Алтай «подьячий Дмитрий Семснгов сын, по прозванию Козыи-Ножки», о котором писал И. Ф. Герман. Подьячие в то время составляли низшую категорию приказчиков. Они были грамотны, поэтому вели делопроизводство и использовались как писари.

6.2. В ПОИСКАХ АЛТАЙСКОГО СЕРЕБРА (июнь — октябрь 1726 года)

Среди посланцев Акинфия Демидова, которые летом 1726 года разыскали в Чаусском остроге Костылева, сам рудознавец прежде всего называет приказчика Илью Степанова. Точных сведений о том, когда и с какой целью прибыл в Приобье этот демидовский управляющий, не имеется. Однако известные сейчас факты позволяют попытаться найти ответ на поставленные вопросы.

По сведениям Гмелина, в 1726 году вслед за первой экспедицией на Алтай Демидов послал вторую, состоящую всего из двух человек — приказчика и солдата. «Их полномочия заключались в том, чтобы вместе с первой группой обследовать находившуюся на реке Убе рудную жилу, считавшуюся серебряной». Новые посланцы Демидова встретили первую экспедицию, когда та уже направлялась в Невьянск. Теперь все они должны были вернуться в Кольванские горы, а оттуда проследовать на приток Иртыша реку Убу⁶.

Очевидно, отправка второго приказчика для обследования убинской серебряной жилы была связана с открытием

Поскольку в состав экспедиции, отправленной из Невьянска «под весну» 1726 года, помимо рабочих входили солдат, плавильщик и писарь, есть все основания считать, что последним как раз и был Дмитрий Семснгов. Надо полагать, этот приказчик возглавлял отряд, а первую пробную плавку на Кольванском месторождении провел Степан Изотов. Произошло это в 1726 году, а не ранее, как ошибочно считал академик И. Ф. Герман.

Шлаттера, который в Петербурге обнаружил благородный металл в образцах с одного из алтайских месторождений. Хотя разрешение на плавку серебра Акинфий Демидов по берг-привилегии не получил, поиск драгоценных руд ему не запрещался.

Что касается производства меди, то в соответствии с берг-привилегией частный заводчик теперь имел право требовать помощи от Сибирского горного начальства. Это государственное ведомство отныне было обязано будущие демидовские предприятия «в доброе и неубыточное состояние произвести»⁷. Указом от 24 февраля 1726 года столичная Берг-коллегия медные месторождения в Томском и Кузнецком уездах отдавала для разработки уральскому заводчику. Вероятно, именно поэтому генерал Геннин написал специальное распоряжение, по которому Степан Костылев и другие чаусские рудознатцы должны были показать известные им рудные места уполномоченному Акинфия Демидова.

Нам представляется, что второй приказчик, отправленный на поиски алтай-

ского серебра, как раз и был таким уполномоченным — тем самым Ильей Степановым, о котором упоминает Костылев. На самом деле его звали «Илья Степанов сын Харитонов». Как и многие другие демидовские управляющие, Илья Степанович Харитонов был старообрядцем, в то время ему шел сорок второй год⁸.

По воспоминаниям Костылева, Илья Степанов и Дмитрий Семенов «в прошлом 1726 году... меня с ...товарищами моими сыскали и объявили нам данный им [от] господина генерала-лейтенанта [Геннина] указ, по которому велено нам сысканные на Алейских горах медные руды показать оным, присланным от Демидова. И мы по тому указу те руды в шести местах показали».

Если наше предположение, что именно Илье Степановичу Харитонову было поручено обследовать месторождение серебра на реке Убе, соответствует действительности, то все изложенные факты в таком случае можно выстроить следующим образом.

Весной 1726 года экспедиция Дмитрия Семенова опробовала колыванские руды и в начале лета отправилась в обратный путь на Урал. По дороге в Невьянск отряд встретился с приказчиком Харитоновым, посланным на Убу. Он передал Семенову распоряжение Акинфия Демидова вернуться на Алтай. Затем объединенная экспедиция заехала в Чаусский острог и «Илья Степанов сын Харитонов» объявил местным рудознатцам указ Геннина, по которому они были обязаны все известные им медные месторождения показать уполномоченным уральского заводчика. В отряд, возвращавшийся на прежнее место к Колыванскому месторождению, по видимому, были включены и чаусские рудоискатели, которые провели демидов-

Alexander Menshikov
1717-1797

Рис 69 Светлейший князь Александр Данилович Меншиков (1673—1729)

В годы правления Екатерины I —
наиболее влиятельный придворный вельможа.
Гравюра Ж. Симона. 1710 г.

ских приказчиков на свои рудные места. После этого уральская экспедиция последовала на Убу.

В своей рукописи И. Г. Гмелин крайне скептически отозвался об убинском месторождении. По его словам, «опытный человек даже без эксперимента должен был бы считать наличие там серебра чистой сказкой». Никакого драгоценного металла демидовским мастерам на Убе выплавить не удалось. Осенью 1726 года Илья

Харитонов и сопровождавший его солдат вернулись на Урал¹⁰. Вероятно, они привезли в Невьянск новые образцы алтайских руд, в том числе и с реки Убы.

Из документов столичной Берг-коллегии известно, что в сентябре 1726 года туда поступили два куска демидовской «серебряной» руды: один — от князя Меншикова, которому тот был «прислан из Сибири» Демидовым; второй с письмом самого Акинфия на имя вице-президента российского горного ведомства. Образцы вновь передали Ивану Шлаттеру, но ни серебра, ни свинца в них по пробам не оказалось.

Весьма вероятно, что Шлаттер исследовал ту самую убинскую руду, о которой столь нелестно отзывался Гмелин. Неудачные результаты пробных плавок заставили чиновников Берг-коллегии обратиться к мастеру с письменным запросом: «Нынешняя присланная от Демидова руда подобна ль той, которую он в февралсе месяце пробовал?» К сожалению, ответ Шлаттера неизвестен¹¹.

6.3. ТРУДНОЕ НАЧАЛО (осень 1726 — осень 1727 года)

Встреча с приказчиком Ильей Харитоновым резко изменила планы экспедиции Дмитрия Семенова. Так и не доехав до родного Урала, отряду пришлось вернуться к месту пробной плавки у подножия Колыванской сопки, а затем проникнуть еще дальше в Алтайские горы, на реку Убу. После отъезда Ильи Харитонова в Невьянск, Дмитрий Семенов и его подчиненные вновь возвратились на уже немного обжитое место «подле горы Колыванки» (современная гора Синюха). Здесь, на берегу речки, которую позже за

Так начинались демидовские поиски алтайского серебра. Обнаружение месторождений драгоценного металла, безусловно, должно было поднять авторитет Акинфия Демидова при дворе. Появлялась возможность вновь доказать царице, что наследник Никиты Демидова является достойным продолжателем дела отца, помнит о заветах Петра I и интересах государства. Ведь за несколько лет до этого российский император одно из своих писем к тульскому оружейнику завершил словами: «Лей больше пушкарских снарядов и отыскивай по обещанию серебряную руду [на Урале]»¹². Как видим, не случайно, окрыленный первой удачей, Акинфий послал новый кусок «серебряной» руды не кому-нибудь, а самому «светлейшему князю», всесильному Александру Даниловичу Меншикову.

Но понадобится еще без малого восснадцать лет поисков и надежд, чтобы алтайский заводчик смог поднести свое первое серебро российской императрице.

многочисленные изгибы русла стали называть Локтевкой, демидовские посланцы «выстроили себе зимнее жилье».

Так возник первый населенный пункт Акинфия Демидова в нашем крае. Ближайшими соседями его обитателей стали жившие выше по Чарышу кочевники, подчиненные джунгарскому хану. Можно предполагать, что отношения с ними складывались не просто. Появление русских построек у горы Колыванки вызвало открытое недовольство местных правителей, которые считали

эти земли своими. Бревенчатые постройки, по-видимому, воспринимались кочевниками как укрепление. Живший тогда в верховьях реки Чарыш зайсан Анбу в связи с этим спрашивал у представителя русских властей:

«Вверх де по реке Чарышу, под Камнем [горой], построена крепость на их калмыцкой земле; по какому указу и какие в ней люди живут?» Анбу предупреждал, что если крепость поставлена по указу российского монарха, то ей ничего не грозит, а если это «мужицье стросние», то с обитателями «будут воевать»¹³.

О последующих событиях Гмелин рассказывает кратко: «Однако жестокая стужа заставила их [оставшихся зимовать] вскоре снести постройки и отправиться туда же, куда ушли первые два их спутника [Илья Харитонов и солдат]. Участники экспедиции Дмитрия Семенова не просто ушли в Невьянск. Предварительно им пришлось сломать свои постройки. Это позволяет предполагать, что не только жестокая стужа вынудила демидовских первопроходцев среди зимы покинуть Алтай. Возможно, решиться на такой шаг их заставили сложные отношения с соседями.

Как бы то ни было, следующие перепоселенцы прежде всего начали возводить на берегу речки Локтевки не производственные постройки, а укрепление.

Весной 1727 года из Невьянска были отправлены на Алтай «новый уполномоченный с помощником» — все тот же приказчик Илья Степанович Харитонов¹⁴. Демидов снабдил его деньгами, чтобы он мог «нанимать людей для копки руд и постройки заводов, а также покупать для этих рабочих продовольствие». Всего бы-

ло нанято тридцать человек, которые «выстроили за лето небольшое бревенчатое укрепление у подножия Кольванской горы, у речки Кольванки», как тогда называли Локтевку.

Никакими документами об этом строительстве, кроме краткого описания Гмелина, мы не располагаем. Неизвестно даже, как называлась эта первая алтайская крепость Акинфия Демидова в переписке, кто выбирал место для будущего завода и чем при этом руководствовались. Скорее всего, алтайский первенец Демидова начали возводить там же, где в 1726 году провели пробную плавку Степан Изотов и Дмитрий Семенов.

В качестве гарнизона в новую крепость было направлено из Кузнецкого уезда двадцать человек «местной конной стражи», как называл немецкий путешественник сибирских казаков. Чтобы предотвратить возможные столкновения с кочевниками, сибирский губернатор князь Долгоруков послал к зайсану Анбу и к самому джунгарскому контайше специальные «листы». В этих письмах подтверждалось, что «в Кузнецком уезде крепость и заводы строятся на пустом месте по указу... Императорского Величества для пользы государственной, и от тех заводов людям их [подданным джунгарского хана] никакого утеснения и обид не будет»¹⁵.

К осени 1727 года на берегу Локтевки стояла небольшая бревенчатая крепость, внутри которой находились четыре избы. Медеплавильных печей еще не было, да и опытного мастера для их возведения, по-видимому, не имелось.

Не случайно Демидов «для приведения в лучшее и прибыточнейшее состояние» своего строящегося на Алтае завода настойчиво требовал от Берг-коллегии

помощи. Он просил, чтобы из Сибирского горного начальства туда были посланы знающие специалисты с казенных уральских предприятий, а из приобских сел Кузнецкого и Томского уездов — крестьяне,

которых бы обязали работать на демидовских новостройках¹⁶. Для пуска первого завода и начала производства алтайской меди возможностей самого Акинфия Демидова не хватало.

6.4. НИКИФОР КЛЕОПИН (март — июль 1727 года)

В Петербурге просьбу заводчика о помощи не оставили без внимания. В марте 1727 года столичная Берг-коллегия предписала Геннину направить в Приобье для возведения первого демидовского завода и для грамотной разработки месторождений двух казенных специалистов — руководителя строительства и мастера горнорудного дела¹⁷.

Очевидно, для того, чтобы выхлопотать такую помощь от государства, Акинфий Никитич не ограничивался официальными обращениями в Берг-коллегию и использовал свои связи при дворе. Геннин весной 1727 года упоминал о письме, пришедшем к нему от «рейхсмаршала генерал-фельдмаршала», то есть А. Д. Меншикова. В этом послании светлейший князь предписывал руководителю Сибирского горного начальства «Демидову чинить всевозможное помоществование»¹⁸.

6 апреля 1727 года генерал-майор Геннин определил: «Дворянин Демидов обыскал в Томском уезде богатые руды, токмо кому оные в действо произвести, такова искусства людей не имеет, и от того оные руды лежат бесплодны... Того ради... послать к нему, Демидову, для строения медных его заводов в Томском уезде бергтешворена Клеопина, да для горного дела бергтаура Келлера на время. Дабы можно через оных о тамошних томских

горах подлинно достоверитца: имеютца ли там медные руды и какого свойства»¹⁹.

Отправлявшимся на Алтай специалистам сохранился прежний оклад: Клеопину — 100, а Келлеру 78 рублей в год. Однако теперь это денежное жалованье им должен был платить хозяин алтайских предприятий Акинфий Демидов. Срок командировки Клеопина определялся просто «как он... заводы ево Демидова построит и приведет в доброе действо». Рудный мастер Келлер мог вернуться лишь после того, как Демидов «выпишет к себе» других специалистов.

Ездил ли на демидовские предприятия Келлер — неясно. По другим источникам известно, что вместе с Клеопиным с 1727 по 1730 год на Алтае работал «штейгер саксонец Георгий»²⁰. Возможно, речь идет об одном и том же человеке — иностранном горном мастере Георгии Келлере, но более вероятно, что в последний момент вместо Келлера был послан другой.

В июле 1727 года Никифор Клеопин с иностранцем на казенных подводах отправился в Невьянск. Напоследок ему выплатили треть годового жалованья и, кроме подвод, выдали лодку. Все расходы уже были записаны в счет Демидова. Молодому горному офицеру в то время не было и тридцати.

Никифор Герасимович Клеопин родился в 1700 году. Свою трудовую деятельность он, по-видимому, начал на государственных Олонецких заводах под руководством Вильгельма Геннина. Во всяком случае, когда в 1722 году Геннин был назначен на смену В. Н. Татищеву начальником сибирских горных заводов, вместе с ним из Москвы на Урал выехали его ученики, молодые артиллеристы Гордеев и Клеопин²¹.

Несмотря на их молодость, Геннин доверял своим ученикам и при отъездах, оставив необходимые инструкции, поручал Константину Гордееву и Никифору Клеопину управление казенными заводами. По-видимому, Клеопин действительно был профессионально грамотным специалистом. В начале 1723 года именно ему было поручено создание общего чертежа (плана) строительства нового завода на реке Исеть, положившего начало городу Екатеринбург — главному горнозаводскому городу Урала²².

Забегая вперед, можно сказать, что в дальнейшем, вернувшись на Урал, Никифор Герасимович Клеопин почти двадцать лет исполнял в Екатеринбурге должность начальника канцелярии Главного управления горных заводов, дослужившись до чина коллежского советника, что соответствовало в армии полковнику. Многолетняя административная деятельность не притупила в нем творческий дар инженера. В 1753 году он разработал проект строительства первой в России золотопромывальной фабрики²³.

Как видим, Геннин послал в 1727 году

на Алтай одного из лучших и наиболее надежных специалистов. Определенный вместе с Никифором Клеопиным на демидовские предприятия бергтаур Келлер, по-видимому, также был искусен в горном ремесле. Через пятнадцать лет он уже имел звание оберштейгера (старшего горного мастера)²⁴. Такой подбор командированных к Демидову государственных специалистов указывает на то, какое большое значение придавал разведке и разработке алтайских месторождений Геннин.

Нередко в литературе можно встретить утверждения историков, что Геннин всячески содействовал Демидову в расчете «иметь для себя наибольшую пользу и удовольствие», то есть не бескорыстно²⁵. Однако действия Геннина определялись не желанием услужить Демидову, а пониманием важности открытия богатых алтайских руд и умением видеть перспективу, которую еще в марте 1722 года так сформулировал В. Н. Татищев: «А когда заводов размножится, возможно будет в Томске или в другом удобном месте особое [горное] начальство определить»²⁶.

Способствуя «размножению» новых алтайских рудников и металлургических предприятий, Геннин, как и Татищев, заботился не о Демидове и собственном «удовольствии», а о государственной пользе и интересах России.

Еще более решительную поддержку уральский промышленник, взявшийся осваивать отдаленный рудный район, получил в столице.

6.5. НОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ (сентябрь 1727 года)

В мае 1727 года умерла императрица Екатерина I, благоволившая Демидовым. На российский престол был возведен одиннадцатилетний внук Петра Великого — Петр II (1727—1730). Управление государством в это время фактически находилось в руках небольшой группы придворных, входивших в Верховный тайный совет. Многие прежние фавориты после смены власти оказались в опале. Был отправлен в сибирскую ссылку Александр Меншиков, в кандалах увезен в далекий Якутск итальянский граф Франциск Санти. С Акинфием Демидовым этого не произошло. Новый император, а точнее правящий от его имени Верховный тайный совет, по-прежнему содействовал заводчику, поощряя его намерение начать разработку алтайских руд.

Государственная помощь не ограничивалась посылкой казенных специалистов для постройки демидовского завода на Алтае. 26 сентября 1727 года в столице было принято куда более важное для Акинфия Никитича решение. В этот день малолетний император Петр II подписал поступивший к нему из Верховного тайного совета указ «О дозволении свободно отыскивать и обрабатывать руду в отдаленных местах Сибири» — документ, который давал Демидову исключительные льготы²⁷.

Именной указ 1727 года являлся дополнением к системе «привилегий», утвержденной Петром I в 1719 году для активизации поиска и разработки руд в России. Теперь речь шла только об отдаленных районах Сибири, расположенных восточнее города Тобольска.

В то время все российское серебро и

золото поступало из Забайкалья, с государственных Нерчинских заводов. С «сибирскими отдаленными местами» были связаны немалые надежды, но охотников искать и разрабатывать здесь руды «за великою дальностию» не находилось. Провозглашенные Петром I льготы не могли компенсировать затраты частных горнопромышленников. Кроме Демидова, никто из них не изъявлял желания строить металлургические заводы в такой глуши. Попыткой привлечь сюда частные капиталы и был указ 1727 года, дававший ряд новых существенных льгот каждому, кто «сыщет... руды золотые, серебряные, медные» и захочет их плавить.

Если раньше, прежде чем начать строительство металлургического завода, нужно было получить разрешение в удаленном за тысячи верст главном горном правлении, то теперь промышленник оказывался «свободен... не объявлясь нигде, оное производить». Запретить плавку руд не имели права ни сибирские чиновники, ни центральные власти!

Единственная обязанность горнозаводчика, рискнувшего начать свое дело восточнее Тобольска, состояла в том, чтобы в течение двух-трех месяцев после начала работ уведомить об этом местного воеводу, представив ему сведения о количестве металла, выплавляемого из 100 фунтов руды, и образцы самих руд. Вся дальнейшая переписка с Берг-коллегией поручалась воеводе. За казенный счет он должен был посылать образцы в Петербург, где их опробовали государственные специалисты.

По результатам пробных плавков определялось богатство новых мес-

Рис 70 Малолетний император
Петр II (1715—1730).

торождений и рассчитывалось, сколько металла можно получить из этих руд. Если оказывалось, что заводчик своим «неискусством» добывает металла меньше, чем позволяет руда, горное ведомство было обязано «посылать к промышленникам искусного мастера». Право не разрешать строительство металлургических заводов в Сибири Берг-коллегия в 1727 году потеряла, а обязанность помогать частным предпринимателям сохранилась.

По петровскому указу 1719 года плавать золото, серебро и медь дозволялось каждому, получившему берг-при-

вилегию. Единственным условием являлось преимущественное право государства покупать эти металлы у заводчиков. Теперь и оно было отменено. «Сделанное золото, серебро, медь, олово, свинец, и прочее», добытые восточнее Тобольска, промышленник мог «продавать свободно, кому похочет, ...дабы такую вольною продажей... скорую в деньгах выручку иметь». Государственным чиновникам запрещалось насильно отбирать металл даже за деньги. И наоборот, когда это оказывалось выгодно заводчику, воевода должен был в обязательном порядке принимать у него все предложенное золото, серебро и медь, «и деньги по настоящим ценам выдавать безволокитно».

Еще одним способом как-то компенсировать предпринимателям их затраты на освоение отдаленных месторождений стало объявление «урочных лет». Если раньше десятую часть прибыли ежегодно забирала казна, то после 1727 года промышленник освобождался от такого налога на десять лет, «считая с начала оного промысла».

Указ 1727 года этим не ограничивался. Желая иметь какую-либо дополнительную «особливую привилегию», гарантировалось, что их просьба будет удовлетворена Берг-колlegией «без всякой волокиты». Таких льгот для горнозаводчиков Россия никогда раньше не знала. И все-таки охотников воспользоваться ими так и не нашлось²⁸.

Единственным промышленником, который смог извлечь выгоду из нового закона, оказался Акинфий Никитич Демидов. Отныне его алтайские предприятия освобождались на 10 лет от налогов, появлялась возможность начинать разработку рудников и строительство метал-

лургических заводов, не дожидаясь разрешений из Петербурга.

Полтора года назад, в феврале 1726 года, Акинфий уже просил Берг-коллегию дозволить ему добывать и плавить руды благородных металлов. Тогда эта просьба была обойдена молчанием, что фактически означало запрет. У Демидова оставалось лишь право искать драгоценные руды. Теперь он получил возможность не только беспрепятственно заниматься выплавкой золота, серебра и меди, но и продавать их кому угодно.

6.6. КОЛЫВАНСКИЙ РУЧНОЙ ЗАВОД (октябрь 1727 — февраль 1728 года)

В октябре Никифор Герасимович Клеопин и штейгер Георгий прибыли в только что построенное укрепление на речке Колыванке. Главной обязанностью иностранца стала организация грамотной разработки известных месторождений и поиск новых. Клеопин руководил созданием медеплавильного производства, а демидовский приказчик занимался хозяйственными вопросами — в его ведении находилась денежная казна, он нанимал рабочих, закупал продовольствие и отчитывался перед хозяином.

Вскоре внутри крепости был построен «медный завод». Это первое на Алтае металлургическое предприятие Акинфия Демидова мало соответствовало тому, что подразумевается под словом «завод» сейчас. Все производство находилось в небольшой избе, где помещалась единственная печь для выплавки меди²⁹.

Имеются сведения, что первую плавильную печь Никифор Клеопин строил вместе с Федором Головиным³⁰. Документальными подтверждениями этого факта

Этими удивительными льготами Акинфий Демидов мог воспользоваться только восточнее Тобольска, где у него в сентябре 1727 года еще не было ни одного металлургического предприятия. Но уже отправились из Невьянска в новую крепость у подножия Колыванской сопки опытный уральский специалист Никифор Клеопин и иностранный мастер Георгий. Вместе с ними ехали на Алтай демидовские мастеровые, которым предстояло возвести здесь первый медеплавильный завод.

мы не располагаем. Известно только, что в 1731 году в демидовских владениях на Алтае действительно работал приказчик Федор Головин. В списке жителей Колывано-Воскресенского завода, составленном в 1735 году, среди прибывших сюда из Невьянска первым значится Федор Архипович Головин. Было ему в ту пору 64 года³¹. Вполне вероятно, что этот приказчик действительно стоял у истоков демидовского медеплавильного производства на Алтае.

Металлургические предприятия того времени имели вододействующие механизмы, поэтому их строительство обычно начиналось с возведения плотины. Алтайский первенец Демидова являлся исключением. В отличие от уральских заводов, в его работе не использовалась сила воды. Кожаные меха, необходимые для раздувания огня в плавильной печи, приводились в движение не от водяного колеса, а вручную. Такая технология позволяла перерабатывать сравнительно немного руды и была малоэффективной.

Первый алтайский завод в конечном итоге, без сомнения, должен был бы копировать уральские, то есть иметь плотину, пруд и водоналивные колеса, приводящие в движение воздуходувные меха. Создать такое предприятие в 1727 году не позволила малочисленность строителей. Возвести металлургический завод с плотиной и гидросиловыми установками тем тридцати рабочим, которых смог нанять Илья Харитонов, конечно, было не под силу. А большего числа вольных работников в малолюдной округе не отыскалось. Подтвердились опасения Геннина, сетовавшего на то, что «близ тех руд жилья не имеется на три дня пути».

К началу зимы «Колыванский ручной завод», как называет его И. Ф. Герман, уже действовал. Здесь началась промышленная плавка алтайских руд, однако объем этого производства был крайне невелик. К тому же удавалось получить не чистый металл, а так называемую «черную» медь, содержащую многочисленные примеси.

С наступлением зимы, рассказывает И. Г. Гмелин, почти все обитатели Колыванского завода «отправились в Томск, частью для закупки жизненных припасов, частью для найма большего числа народу». В Томск они прибыли в январе 1728 года, а к концу зимы уже вернулись на завод «и снова занялись прежними работами по копке и плавке руд»³².

Прошло еще немного времени, и с приближением весны стало ясно, что возводить плотину на речке Колыванке бесполезно: воды для приведения в действие механизмов металлургического завода явно не хватает. Поняв это, Клеопин принял очень ответственное решение — надо строить новый завод на новом месте!

Такое место он нашел на протекавшей

вблизи речке Белой, более полноводной, чем Колыванка. Новая строительная площадка располагалась всего в шести верстах от действующего «ручного завода». Второе металлургическое предприятие, построенное Клеопиным для плавки колыванских руд, было пущено в сентябре 1729 года. Сохранялось ли производство меди на первом заводе до этого времени — мы не знаем. Ясно лишь то, что с осени 1729 года добыча металла там уже не велась.

Итак, первый медеплавильный завод Акинфия Демидова на Алтае действовал не более двух лет. Его производительность была предельно мала: единственная печь с ручными мехами позволяла извлекать из руды только неочищенную «черную» медь, причем в очень небольшом количестве. Никакими, даже приблизительными, сведениями о том, сколько металла было получено на этом предприятии, историки не располагают.

Много воды утекло с тех пор в речке Колыванке. От заводских построек и крепости на ее берегу не осталось и следа, да и сама она стала называться Локтевкой. Там, где когда-то дымила первая демидовская медеплавильная печь, вплоть до середины нашего века стоял памятник в виде пирамиды, сложенной из каменных блоков. На его массивном центральном камне был вырезан текст: «Прежде бывшей Колыванской заводу устроваемой в 1725 году заводчикомъ Госпо [дином] Демидовымъ» (рис. 71, 72)³³.

Когда и кем установлен этот монумент — неизвестно. В литературе высказывалось мнение, что памятник был сооружен еще при Демидове, однако оно ничем не обосновано³⁴. Характер обработки сохранившегося центрального блока позволяет предполагать, что он изготовлен

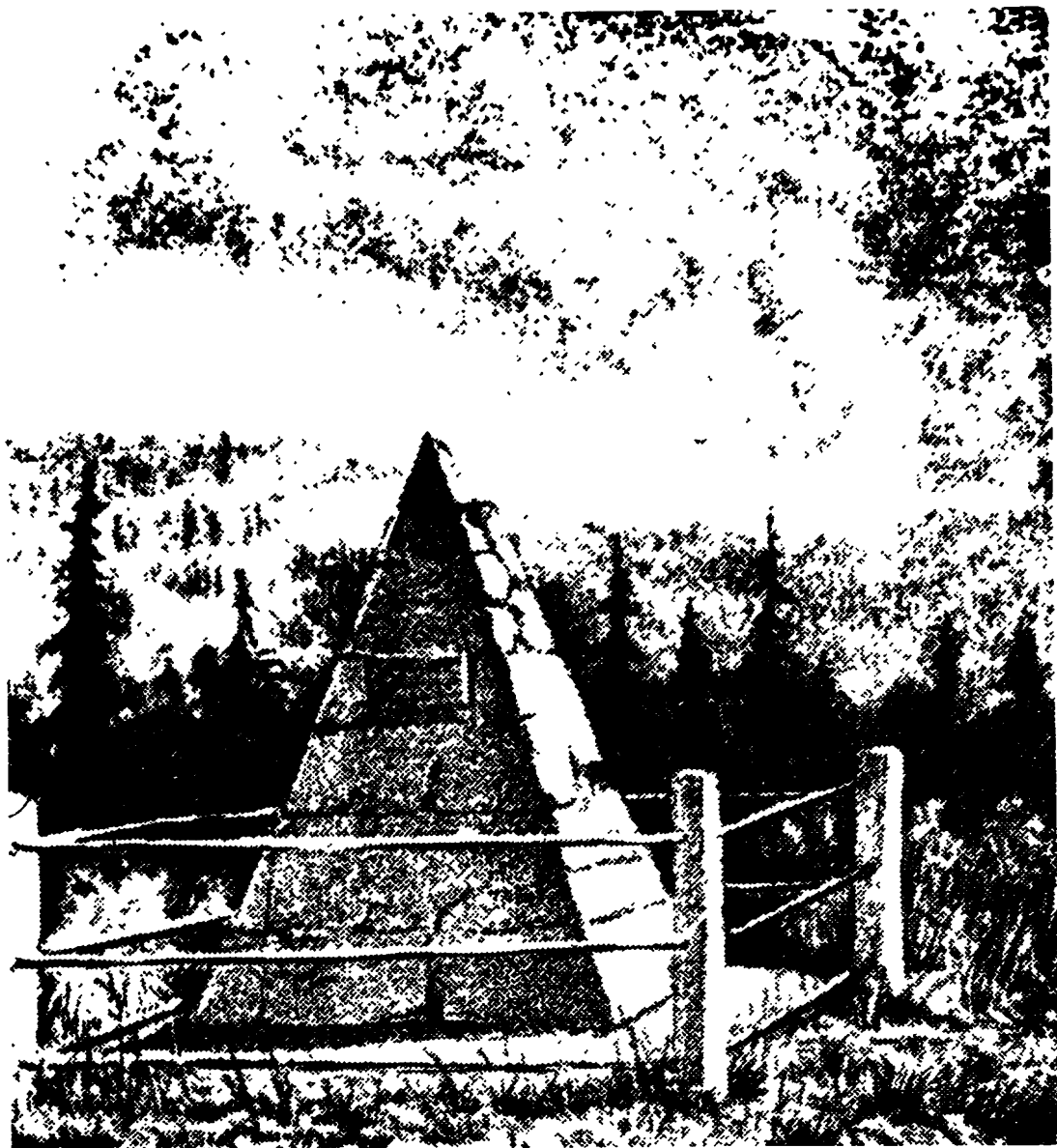

Рис. 71. Памятник на месте первого демидовского завода на Алтае.
Рисунок из книги начала XX века.

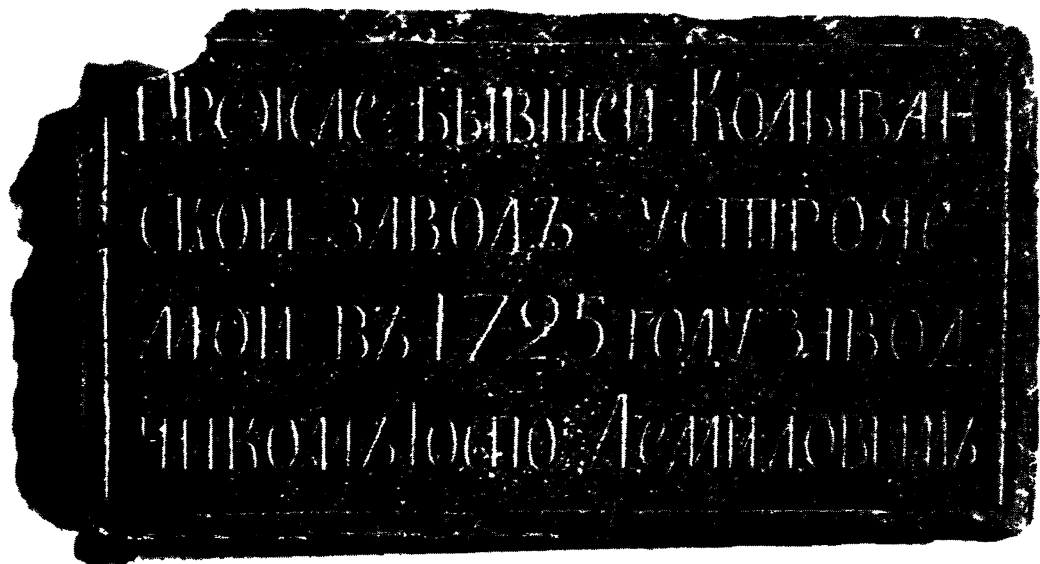

Рис 72. Центральный камень из памятника на месте Колыванского ручного завода.

на камнерезной шлифовальной фабрике. Скорее всего, пирамида была воздвигнута не ранее конца XVIII века.

О том, что монумент сооружен не во времена Демидова, убедительно свидетельствует и сама надпись. Указанная в ней дата явно неверна: первый алтайский завод Акинфия Никитича был «устроен» не в 1725 году, а двумя годами позже.

Этой ошибке историков уже более двух веков. Она возникла в конце XVIII столетия³⁵. Спустя некоторое время 1725-й год стал официально признанной датой основания Колывано-Воскресенских заводов Акинфия Демидова. В честь столетнего юбилея этого события, в июне 1825 года, в Барнауле был заложен обелиск — знаменитый «Демидовский столп», давно превратившийся в один из символов нашего города. Инициатором

празднования стал начальник Колывано-Воскресенских заводов Петр Козьмич Фролов. Еще в 1818 году он не только предложил отметить приближающийся юбилей, но и сам разработал проект обелиска (рис. 73). На выполненном им чертеже кроме гранитного монумента были нарисованы две мемориальные доски, тексты которых объясняли, в честь какого события установлен памятник (рис. 74)³⁶.

С тех пор начало горного производства на Алтае традиционно ведут с 1725 года³⁷. Мы попытались показать, что на деле все было несколько иначе. Первую промышленную медь на Колыванском ручном заводе получили осенью 1727 года. Очевидно, эту дату и следует считать временем возникновения российского горно-металлургического производства в нашем крае.

6.7. СТРОИТЕЛЬСТВО НА РЕЧКЕ БЕЛОЙ (март 1728 — август 1729 года)

Место, выбранное Никифором Клеопиным для нового завода, находилось на левом берегу реки Белой, около крутого склона горы, который должен был обезопасить предприятие от неожиданного нападения с северной стороны. Строительство опять начали не с заводских построек, а с возведения крепости. Как и в 1726 году, это вновь вызвало недовольство кочевников, подчиненных джунгарскому контайше.

«К началу весны явились на заводы живущие у истоков Чарыша калмыки, — писал И. Г. Гмелин по рассказам участников тех событий, — и стали разузнавать, не строятся ли заводы на землях, им принадлежащих», угрожая разрушить начатые постройки. В этой ситуации демидовские приказчики и Клеопин проявили себя неплохими дипломатами. «Ласковыми речами» удалось уговорить калмыков отказаться от угроз и спокойно наблюдать за строительством на реке Белой. «Точно также, — сообщает Гмелин, — и впоследствии не было ничего слышно о какой-либо враждебности со стороны калмыков»³⁸.

Казалось бы, опасность миновала, однако вскоре произошло «такое несчастье, которое за одну ночь расстроило работу» на целый год. Вот как сообщал об этом императору Петру II сибирский губернатор князь Долгоруков: «Сего 728 году июня 22 да 28 чисел, набежав неприятельские воинские люди в Кузнецком уезде на оныя, Дсмидова, Кольванские медные заводы, отогнали триста семьдесят лошадей и двух человек ранили копьями, а у часовых пяти человек пять лошадей отбили с седлами»³⁹.

Эхо от стычки, в которой не оказалось ни одного убитого, прокатилось от Кузнецка до Тобольска, Урала и Санкт-Петербурга. По-видимому, не зная точных обстоятельств происшествия, Демидов был очень обеспокоен и предполагал худшее. От имени Акинфия его приказчик Стефан Егоров писал из Невьянска в Тобольск сибирскому губернатору: «Произносится слух, что в ближних калмыцких улусах в собрании много тысяч войска, а куда хотят идти, того не слышно». Губернатор Сибири князь Михаил Долгоруков отреагировал должным образом — предупредил власти приграничных уездов и велел «иметь крепкую предосторожность».

Наряду с военными приготовлениями активизировалась сибирская дипломатия. К местному зайсану Анбу и к правителю Джунгарии от губернатора были спешно посланы «вторичные листы», в которых вновь повторялось, что «оныя Кольванские заводы строятся на порожнем месте по указу... Императорского Величества».

И сами строители, и власти первоначально были убеждены, что набег совершили подданные джунгарского хана. Лишь спустя несколько лет, когда удалось поймать одного из участников этого нападения, выяснилось, что грабителями являлись вовсе не джунгары, а кочевники-казахи из «Казачьей Орды». «Неприятельских воинских людей», принимавших участие в дерзкой краже, насчитывалось всего семнадцать человек. Пользуясь беспечностью сторожей, им удалось под покровом ночи увести почти всех ло-

КОЛЫВАНОВОСКРЕСЕНСКИХЪ ЗАВОДОВЪ

СОБЕРШИВШЕМУСЯ ВЪЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА І

ЛѢТА 1825

Рис. 74. Текст одной из двух мемориальных досок, предназначавшихся для обелиска в честь столетия Колывано-Воскресенских заводов По проектному чертежу П. К. Фролова.

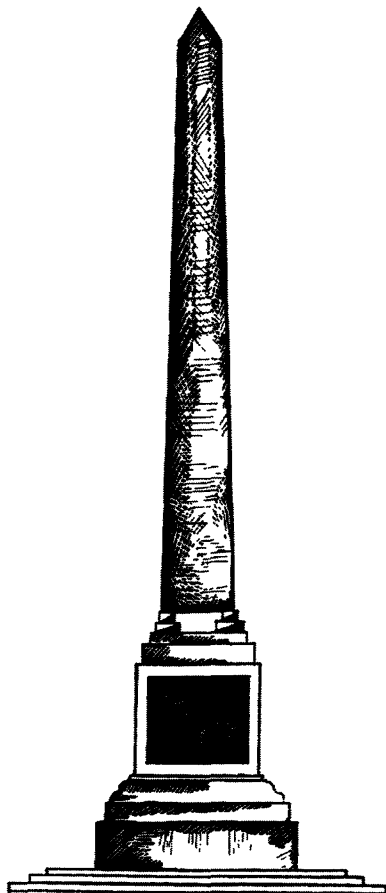

Рис. 73. Памятник в честь столетия Колывано-Воскресенских заводов. Современный рисунок по проектному чертежу П. К. Фролова.

рашадей, принадлежащих демидовским работникам и посланным на строительство крестьянам. «Грабеж прошел удивительно тихо», — рассказывали позже пострадавшие. Коней хватились только утром, но было уже поздно...

Кража привела к осязательным матери-

альным потерям и полностью парализовала строительство. Без лошадей возведение нового завода становилось невозможным. Почти все работники, «сделавшись тут совершенно снужными», отправились в деревню Усть-Чумышскую на правом берегу Оби (рис. 75), где тогда находились «постройки, принадлежащие Демидову». Вместе с ними, оставив новое укрепление «в малой недостройке», уехал на устье Чумыша и Никифор Клеопин, который к тому времени получил очередное звание и в документах 1728 года уже именуется гиттенфрвальтером (заводским управителем). В недавно воздвигнутой крепости, уже окруженной земляным валом и рвом, он оставил для охраны всего пять человек⁴⁰.

Перезимовав в Усть-Чумышской, демидовские работники вернулись на речку Белую весной 1729 года. Оставленная прошлым летом крепость сохранилась целой и невредимой, поэтому основные усилия Клеопин направил на строительство завода. В 1728 году из

всех производственных сооружений была начата только плотина, однако и ее возведение тогда завершить не удалось. Теперь главным образом занялись окон-

чанием плотины. Одновременно с этим за лето были выстроены три металлургические печи, предназначенные для выплавки «черной» меди.

6.8. «ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ» (март 1728 — август 1729 года)

Отправка в 1727 году двух казенных специалистов — заводского управляющего Никифора Клеопина и горного мастера Гсоргия — была лишь небольшой частью той помощи, которую получил Акинфий Демидов, начавший освоение алтайских недр.

Создание его частных предприятий в Верхнем Приобье рассматривалось как дело государственной важности. Это ясно понимала сибирская администрация. В послании джунгарскому хану тобольский губернатор князь Долгоруков прямо писал: «Кольванские заводы строятся... для государственной пользы. К страснию оных заводов о п р е д е л е н дворянин Акинфий Демидов [разрядка авторов]».

Любопытная формулировка! Видимо, она отражала суть дела: руками Демидова российское государство укрепляло свои позиции в приграничных землях, освоение которых было связано с немалым риском. Только потеря табуна лошадей в июне 1728 года принесла убытков не менее чем на тысячу рублей. Сожги кочевники Кольванский завод и опустевшую крепость, расходы бы понес один Демидов. Начни Акинфий Никитич разработку алтайских руд и плавку на своем новом предприятии меди, пользу от этого получила бы Россия.

«Определенный» к страснию алтайских заводов дворянин Акинфий Демидов являлся частным лицом. Это было выгод-

но государству еще и тем, что позволяло избегать излишней напряженности в отношениях с соседней Джунгарией, которая по-прежнему претендовала на земли, отданные в распоряжение уральского заводчика.

В свою очередь, российское правительство оказывало ощутимую поддержку Демидову в период становления его медсплавильного производства на Алтае. Стоило в марте 1729 года старшему сыну Акинфия Никитича, восемнадцатилетнему Прокофию, пожаловаться в Берг-коллегию на сибирских чиновников, которые «прикащиков наших теснят» и мешают розыскам алтайских руд, как в Екатеринбург Геннину из столицы было послано распоряжение всячески способствовать Демидову в беспрепятственных поисках новых месторождений на Алтае⁴¹.

Помимо Берг-коллегии, содействовали уральскому заводчику и другие ведомства, которые помогали ему справиться с двумя основными проблемами: нехваткой рабочих рук и защитой от возможных нападений кочевников.

По берг-привилегии от 16 февраля 1726 года Демидову разрешалось содержать охрану новых заводов на собственные средства. Военный отряд ему должна была предоставить сибирская администрация из числа государственных служилых людей — солдат регулярных войск и казаков. Вскоре последовал указ Сената,

который велел посылать на алтайские предприятия «из городских казаков по-сменно команды». Такие посменные караулы считались для сибирских казаков государственной службой, но плату за нее они теперь получали не из казны, а от Демидова.

В одной из челобитных казаки Белоярской крепости в 1728 году жаловались, что «ныне посылаются из нас на Колыванские медные заводы господина дворянина Демидова для обережи по двадцати семи человек на одну перемену, а нас в Белоярске числом шестьдесят человек, отчего мы пришли во всеконечную скудость»⁴². Как и крестьяне, белоярские казаки занимались хлебопашеством, поэтому долгие и частые отлучки на далекое демидовское предприятие были для них разорительны.

«Для государственной пользы» помогали Акинфию справиться и с нехваткой рабочих рук. Было ясно, что для строительства нового медеплавильного завода переведенных с Урала на Алтай демидовских мастеров явно не хватит, а найти достаточное число вольнонаемных работников тоже не удастся. Понимая это, заводчик обратился в Сенат с просьбой о помощи. Специальным распоряжением правительство предписало отправлять на новые предприятия «очередных из Томского и Кузнецкого уездов крестьян»⁴³.

На основании царских указов, по требованию заводского управителя Никифора Клеопина на строящийся медеплавильный завод из приобских сел «без всякого замедления» посылали «работных людей». Известно, что в 1728 году кузнецкий воевода «на оные заводы отправил в работу крестьян триста человек» и велел им трудиться до начала «деловой крестьянской поры». На следующий год

сибирский губернатор распорядился послать к Клеопину 100 человек: по пятьдесят от Томского и Кузнецкого уездов. Крестьяне работали «за обещанную от Демидова плату», как бы по найму. Но отказаться от такого «подряда» они не имели права. Кроме того, предписывалось отправлять на строящийся демидовский завод всех «нерадивых» государственных крестьян, которые оказались «в казенных всяких долгах». Когда такой должник, не уплативший вовремя налоги, выполнял необходимый объем работ, деньги заводчик отдавал не ему, а в казну⁴⁴.

Крестьянам приходилось проехать не одну сотню верст, чтобы попасть к месту назначения. Вернуться домой они могли лишь получив разрешение управляющего, которого в первую очередь заботили дела строительства, а не нужды земледельцев. В приказе губернского начальства специально оговаривалось, что посылаемые по указу работники должны оставаться на строительстве демидовского завода «кроме деловой крестьянской поры». Однако завод все еще не был достроен, и Клеопин соглашался отпустить людей только после прибытия замены.

В конце лета 1729 года под стенами крепости на речке Белой вспыхнул настоящий бунт⁴⁵. 3 августа государственные крестьяне, присланные на стройку, собрались около своих «рабочих шалашей», образовав толпу «человек с двести». Они заявили: «Мы откажемся ото всех работ и пойдем сами собою в дома свои без отпуску». Вероятно, главной причиной неповиновения была приближающаяся уборочная страда. Пора было возвращаться по домам, а для этого некоторым требовалось до двух недель пути.

Крестьяне были настроены очень решительно. Когда приказчики предупре-

дили их, что в случае самовольного ухода по беглецам будут стрелять, бунтовщики отвечали, что не станут работать даже под страхом смерти, потому что они «не в холопы отданы Демидову». На следующий день один из солдат, охранявших крепость, так описывал эту бунтующую толпу: «...Бердского острогу крестьянин Иван Порсев говорил, что поди-де нас иметь [ловить], я-де и один десятерых уложу... И на прикащика Илью Харитоновых Чаусского острога крестьянин Михайло Бачурин прикладывался из винтовки стрелять и курок поднят был, а он, Харитоновых, усмотря, увернулся. И у всех крестьян, кто был с ружьем — ружье в руках и курки подняты, а у других топоры и вместо дубья рублены тележные оглобли».

Наиболее уступчивых и боязливых все же удалось отговорить от открытого неповиновения. Другая часть начала самовольно покидать завод. По беглецам от-

крыли пальбу, одного человека убили, трех, в том числе и Ивана Порсева, ранили. Таким образом удалось вернуть около тридцати крестьян. Примерно пятьдесят человек все же «с бою ушли». В основном это были жители самых отдаленных селений. Для строителей демидовского завода столкновение с собственной охраной оказалось значительно кровопролитнее, чем любое нападение козвников.

Быстро проведя дознание, Клеопин 8 августа десятерых бунтовщиков отправил для следствия в Томск и Кузнецк. Остальные задержанные «за малолетством при Воскресенских заводах работных людей, при собрании народа наказаны батожем и... посланы в работу».

Спустя полтора месяца, 21 сентября 1729 года, с таким трудом возводившееся медеплавильное предприятие Акинфия Демидова было пущено — началась плавка руд во вновь построенных печах⁴⁶.

6.9. ВОСКРЕСЕНСКИЙ ЗАВОД (сентябрь — октябрь 1729 года)

По традиции того времени металлургическое предприятие часто называли во множественном числе «заводами», так как оно включало в себя несколько различных производств. Нередко под термином «заводы» понимались сразу и плавильное предприятие, и обслуживающие его рудники. Вот почему демидовские первенцы алтайской промышленности (рудники вокруг Колыванской сопки и строящийся завод на речке Белой) в документах сибирской администрации именовались «Колыванскими медными заводами».

Металлургические заводы того времени получали названия по рекам, на которых они располагались: Тульский стоял на реке Тулице, Невьянский — на Нейве, а Выйский — на реке Вые. Казалось бы, новое предприятие на речке Белой должно было именоваться Белорецким. Однако этого не произошло.

В донесении об августовском бунте Никифор Клеопин называл укрепление на речке Белой «Воскресенской крепостью», а строящееся предприятие — «Воскресенскими дворянина господина Демидова заводами». Это же наименование

повторно на географической карте геодезиста Петра Чичагова, выполненной в 1729 году, где впервые оказались обозначены алтайские владения Акинфия Демидова (рис. 75, 76). Даже в заглавии чертежа, написанном по-французски, употреблена фраза «медная фабрика Демидова, называющаяся Воскресенские Заводы»⁴⁷.

Почему «Воскресенские»? Точный ответ на этот вопрос найти уже вряд ли удастся. Как свидетельствует И. Г. Гмелин, беседовавший с первыми работниками, завод получил название по имени Воскресенских гор, расположенных в восьми верстах от него, а горы, в свою очередь, потому, что богатое медное месторождение было найдено на них «в самый день Воскресения Христова». Иного мнения придерживался И. Ф. Герман. Он считал, что название «Воскресенские» связано с обстоятельствами открытия первого на Алтае Колыванского месторождения, которое звероловы обнаружили «в 1723 году в воскресный день». После того, как в середине 1730-х годов на заводе была построена церковь Воскресения Христова, появилось еще одно объяснение: будто бы название этого храма было перенесено на металлургическое предприятие⁴⁸.

Из приведенных версий правдоподобной и заслуживающей внимание кажется только первая. Две другие возникли значительно позднее и имеют явно легендарный характер. Почему новый завод и крепость получили свое наименование не по реке, на берегах которой они стояли, а по располагавшейся в отдалении горе — остается загадкой.

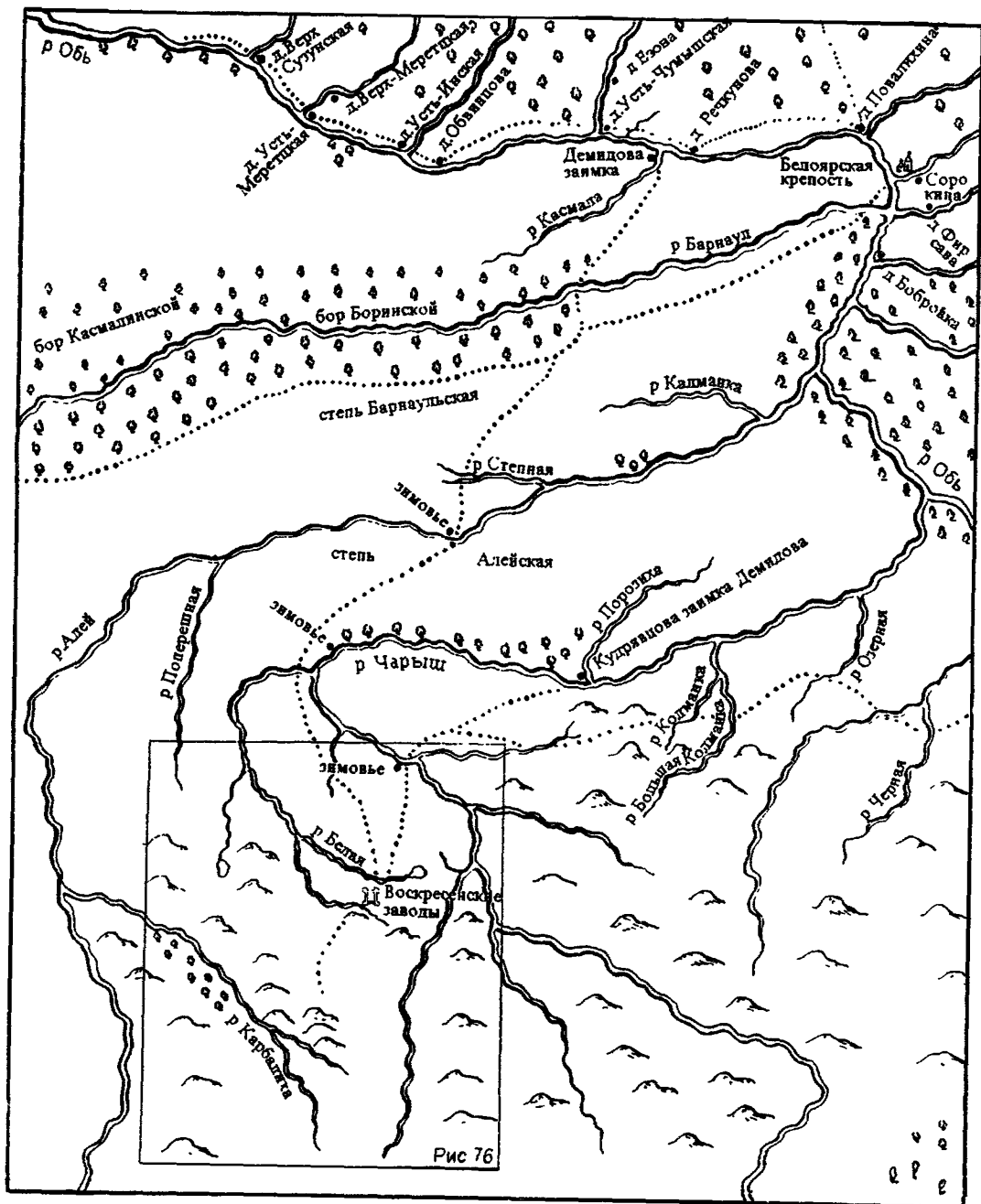
Название «Колыванские заводы» на сотни лет пережило первые демидовские предприятия на Алтае. Привычное для сибирской администрации, это обозначение

продолжало использоваться и после закрытия ручного завода⁴⁹. Довольно быстро оно соединилось с названием Воскресенского завода на реке Белой, который с тех пор долгие годы именовался Колывано-Воскресенским, а порою и просто Колыванским.

После закрытия этого металлургического предприятия Колыванской стала называться камнерезная фабрика, возникшая на его месте в начале XIX века и существующая до сих пор в поселке Колывань Курьинского района Алтайского края.

Новый завод, построенный Никифором Клеопиным, совершенно не походил на своего предшественника на р. Колыванке. Река Белая была перегороджена плотиной высотой до 10 метров и длиной около 80 метров. Основу конструкции этого сооружения составлял ряд связанных друг с другом бревенчатых срубов, заполненных землей⁵⁰. Вода из образовавшегося водохранилища по специальным желобам подводилась к заводским корпусам, где заставляла вращаться колеса, которые через систему передач приводили в движение меха трех металлургических печей⁵¹. Поблизости от предприятия, на левом берегу Белой, располагалась окруженная валом и рвом крепость, в которой жили начальники, охрана, а на первых порах, возможно, и рабочие.

В октябре 1729 года Никифор Клеопин передал управление новым заводом демидовскому уполномоченному и вместе со старшим Георгием отправился на Урал. В Екатеринбург они прибыли только в январе. Вскоре Сибирскому горному начальству был представлен их подробный доклад о начале горно-металлургического

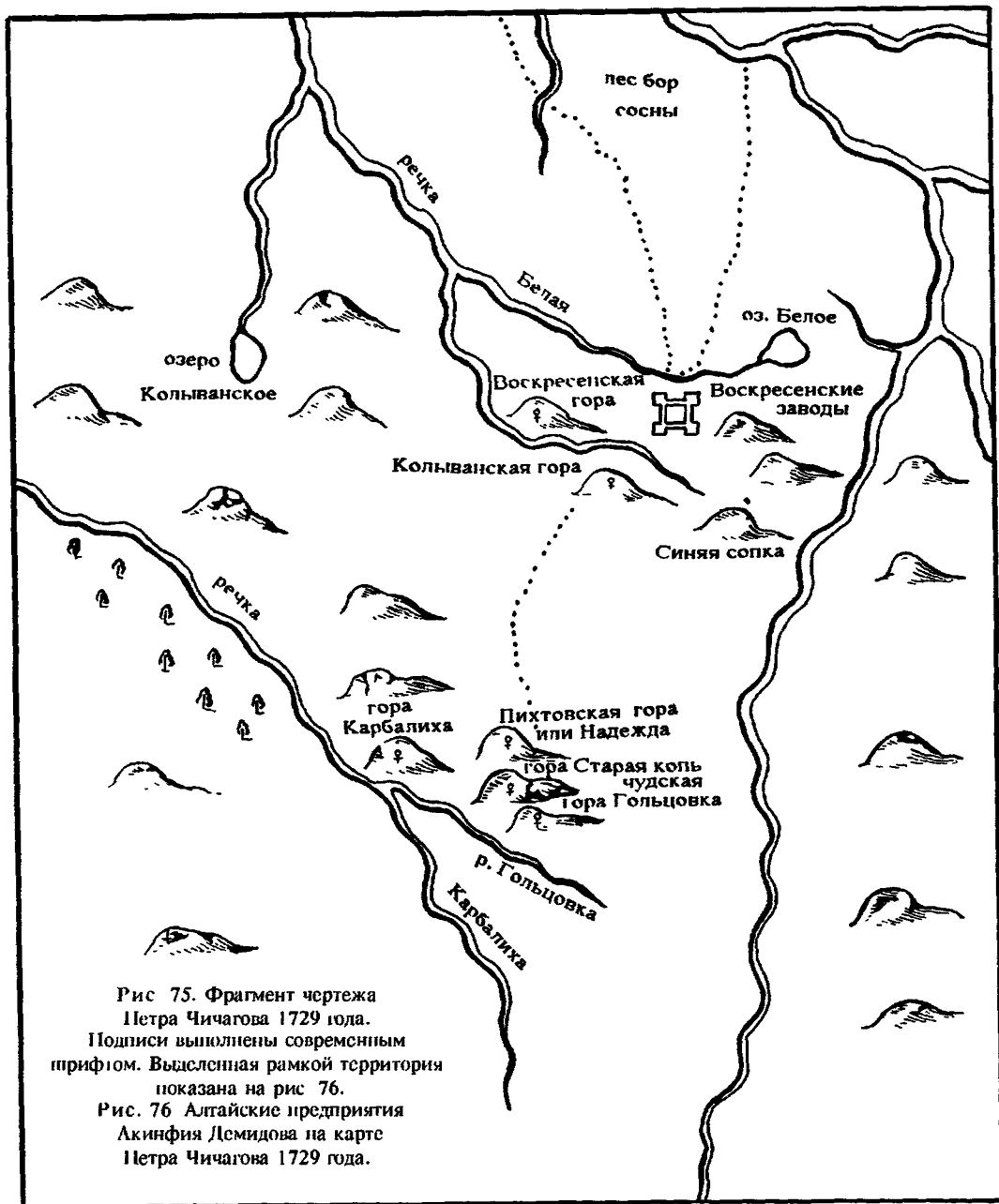

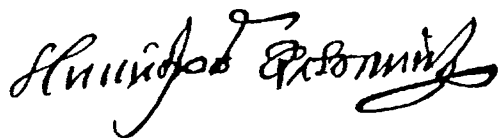
Рис 75. Фрагмент чертежа
Петра Чичагова 1729 года.
Подписи выполнены современным
шрифтом. Выделенная рамкой территория
показана на рис 76.

Рис. 76 Алтайские предприятия
Акинфия Демидова на карте
Петра Чичагова 1729 года.

производства в Приобье. В этом отчете перечислялись 22 месторождения, известные к тому времени на Алтае. Из каждого пункта Гсоргий привез образцы руд. Их пробные плавки проводились казенными мастерами⁵².

Берг-коллегия внимательно следила

за освоением нового рудного района. Имевшиеся в ее распоряжении сведения, пожалуй, были более полными и точными, чем у хозяина Воскресенского завода. Все говорило о том, что разработка медных месторождений Алтая будет приносить немалую прибыль.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*«Заводы Демидова
медные для пользы Нашей
у него взять»*

(1729—1735 годы)

7.1. ДЕМИДОВСКИЕ ПРИКАЗЧИКИ (октябрь 1729 — февраль 1735 года)

Тульские и уральские предприятия Демидова действовали при непосредственном и повседневном руководстве самого владельца. Алтайские заводы являлись наиболее удаленными. Создав эти предприятия, Акинфий Никитич так и не нашел возможности лично побывать на них. Управление Колывано-Воскресенским заводом и рудниками в большей степени находилось в руках приказчиков, посылаемых с Урала. Поэтому хозяин подбирал их из числа тех, кто пользовался его особым доверием.

После первых плавов Никифор Герасимович Клеопин сдал построенный завод «прикащику от Демидова Семенову»¹. В документах встречаются упоминания о трех демидовских приказчиках, называвшихся «Семеновыми». Это уже известные нам подъячий Дмитрий Семенов по прозвищу Козы-Ножки, знаменитый расколуучитель Гаврила Семенов-Украинцев и его брат Никифор Семенов. Кому из них передал Клеопин Воскресенские заводы? Безусловно, одному из братьев.

В пользу такого утверждения можно привести следующие факты. В начале 1729 года Акинфий Демидов жаловался в столичную Берг-коллегию на притеснения, которые чинили сибирские власти уполномоченным, отправленным на «Томские ево заводы». Он просил, чтобы приказчиком Матвсю Дмитриеву, Никифору Семенову и Гавриле Украинцеву «дать каждому по Указу» для беспрепятственного проезда с Урала «в разные места... и чтоб никто помешательства им не дерзал...». В марте такой указ действительно был принят².

Через много лет Демидов писал: «С прошлого 1729 года, марта от 29 числа по данному... из Берг-коллегии на имя ево Украинцева с товарищи указу... медные довольные руды они обыскали, при которых их рудных приисках в действии ныне медные мои Колывановоскресенские заводы состоят»³. Из этого сообщения Акинфия Никитича ясно, что Гаврила Украинцев бывал на Алтае и, по-видимому, именно в 1729—1730 годах. Однако

*Рисунок на шмуцтителе
Рубль Анны Иоанновны. Лицевая сторона монеты с портретом императрицы.*

нет ни одного документа, в котором этот приказчик назывался бы управляющим медеплавильного завода. Обязанности Гаврилы Семенова-Украинцева состояли в организации поиска новых месторождений руд, что подчеркивал и сам Демидов.

Очевидно, первым демидовским управляющим построенного на реке Белой металлургического предприятия стал младший брат Гаврилы — Никифор Семенов. «Брат сего Никифор определен на той завод, большим приказчиком послан», — рассказывается в одной из старообрядческих рукописей. В марте 1729 года по указу Берг-коллегии он также получил разрешение на проезд в Приобье. Есть сведения о пребывании Никифора Семенова на Кольвано-Воскресенском заводе в 1730 году в качестве приказчика⁴.

Руководить демидовским хозяйством на Алтае Никифору пришлось недолго. В 1731 или 1732 годах главный приказчик вдруг потерял доверие хозяина, был «от заводов отрешен и привезен к господину Демидову» в Невьянск. Там выяснилось, что причиной неожиданной опалы стали доносы. Никифор сумел оправдаться перед заводчиком, но в Приобье уже не вернулся: он получил от Демидова «пашпорт» и отправился в родные Олонецкие края.

Туда же, в Выговскую пустынь, поехал зимой 1732 года и Гаврила Украинцев. Из Невьянска он вез своим единоверцам медные колокола, отлитые по приказанию Акинфия Демидова в качестве на-

грады за помощь в освоении алтайских недр.

Старообрядцы не только помогали Демидову найти на Алтае медные месторождения, но и стали первыми жителями, поселившимися в окрестностях Кольвано-Воскресенского завода. «... Его Гавриловы люди и братский [единоверцы] к тем заводам посланы в пособь», — рассказывается в «Истории Выговской пустыни» о событиях конца 1720-х годов⁵. Раскольники ехали с Урала в Верхнее Приобье по своей воле, спасаясь от гонений со стороны властей и официальной церкви.

Никифора Семенова на посту управляющего Кольвано-Воскресенскими предприятиями, вероятно, сменил Федор Головин, в честности которого Акинфий Демидов не сомневался. К началу 1735 года приказчиком и главным доверенным лицом уральского заводчика на Алтае был Степан Тихонович Палец. Как и его предшественники, он не скрывал свою приверженность к старой вере.

Характерно, что все или почти все приказчики Кольвано-Воскресенских заводов в 1727—1735 годах были старообрядцами. Помимо высоких административных должностей некоторые из них имели большой авторитет как духовные наставники староверов. Самый удаленный демидовский завод стал своеобразным прибежищем раскольников. Неудивительно, что вплоть до 1735 года в демидовском ведомстве на Алтае не имелось ни одного священника официальной церкви и не было построено ни одного храма⁶.

7.2. ДЕМИДОВСКИЕ РАБОТНИКИ (1727 — 1734 годы)

Получив в свое распоряжение новый рудный район, Акинфий Никитич с 1727 года начал переселять на Алтай своих мастеровых.

Дворянин Акинфий Демидов был не только уральским заводчиком, но и российским помещиком. Уже его отец владел немалым числом крепостных крестьян, которые по наследству стали собственностью сына. Хотя эти деревни располагались в Центральной России, многие их жители работали на уральских заводах своего хозяина и со временем превратились в квалифицированных мастеровых. Часть таких крепостных специалистов Демидов переселил вместе с семьями на Алтай. Они были родом из сел Фокино, Варганы, Юркино Нижегородского уезда, села Алексеевское Казанского уезда и из других мест⁷.

Число крепостных демидовских перепоселенцев было сравнительно невелико: к 1735 году их насчитывалось 70 человек, включая женщин и детей. Почти все они жили в поселке Колывано-Воскресенского завода. Вместе с крепостными в том же поселке поселились мастеровые, ранее нанятые на Невьянский завод, а затем направленные в Приобье⁸.

На уральских предприятиях и рудниках Демидова наряду с крепостными и работниками «по найму» трудились и приписные крестьяне⁹. Они не являлись собственностью заводчика, он не мог их продать или заставить работать сверх определенной нормы. Такие крестьяне, оставаясь лично свободными, были обязаны зарабатывать деньги для выплаты государственных налогов на предприятия, к которому их «приписало»

правительство. Они работали на заводчика, а владелец предприятия выплачивал за них налоги в казну. Приписные крестьяне использовались на трудоемких неквалифицированных работах: перевозили руду, валили лес и пережигали его на древесный уголь, а также снабжали заводские поселки продовольствием.

Для тех же целей требовались рабочие руки и на Алтае. Поэтому Демидов переселял сюда не только специалистов-мастеровых, но и крестьян-хлебопашцев из числа прикрепленных к его уральским предприятиям. В государственных налоговых списках эти крестьяне по-прежнему формально числились приписными Невьянского завода, но те деньги, которые за них платил в казну Акинфий Никитич, они теперь отработывали заводчику за тысячи верст от Урала, в алтайских предгорьях.

Заставить приписного сменить место жительства Демидов права не имел. Переезд, очевидно, совершался по взаимному согласию хозяина предприятия и крестьянских семей. Поэтому перепоселенцами, обживавшими земли вокруг Синей сопки и нового Колывано-Воскресенского завода, в основном были те, кто по каким-то причинам стремился оказаться подальше от официальных властей. К 1734 году на Чарыше уже имелось четыре «Демидова деревни» (рис. 58): Кудрявцова (совр. Усть-Чарышская), Кабанова, Порозиха и Малая Чарышская¹⁰.

Одновременно с заселением заводской округи стала обживаться дорога, связывающая новые предприятия с приобскими селами Кузнецкого уезда. Этот тракт, на-

чинаясь от Колывано-Воскресенского завода, шел на север. Он пересекал реки Локтевку, Алей, Барнаул и выходил к устью Касмалы, где была оборудована переправа через Обь (рис. 75). На обжитом правобережье дорог имелось больше, и они позволяли без труда попасть в любой крупный населенный пункт Кузнецкого и Томского уездов.

Узловой точкой демидовского тракта являлась переправа через Обь. Для ее обслуживания, по-видимому, еще в 1727—1728 годах в устье речки Касмалы была построена «Демидова займка». Следующей по сложности преградой на пути от Оби к заводам стала река Алей. К 1729 году и здесь уже находилось «зимовье» — небольшое поселение, где постоянно жила крестьянская семья. Летом она должна была обеспечивать переправу через Алей, а зимой предоставлять путникам кров и ночлег. Немного позднее такие деревни в один-два двора появились около бродов через речки Локтевку и Барнаул (рис. 58). Первую из них демидовский тракт пересек в месте ее впадения в Чарыш, вторую — примерно в 80 км от устья.

Чтобы обеспечить бесперебойное функционирование дороги, люди заводчика были поселены и в некоторых государственных деревнях Кузнецкого уезда, вдоль пути от обской переправы на север, в сторону Бердского острога. Известно, что неподалеку от устья Чумыша имелись «постройки, принадлежащие Демидову», а в деревне Язовой (Езовой) жила семья демидовских крепостных¹¹.

Понимая, что при освоении малолюдных окраинных земель Демидов неизбежно столкнется с трудностями, правительство уже в берг-привилегии 1726 года предусмотрело возможность приписки к будущим алтайским заводам го-

Рис. 77. Демидовские рудокопы
Рисунок А. Е. Емельянова по гравюре
из книги Г. И. Спасского, изданной в 1833 г.

сударственных крестьян из близлежащих селений. Для этого Акинфий Никитич был обязан подать в Берг-коллегию прошение с указанием конкретных деревень, выбранных для приписки, и суммы государственного налога, собираемого с жителей этих деревень в казну. Рассмотрев такое прошение, Берг-коллегия должна была «требовать от правительствующего Сната указу». Приписка проводилась сибирской губернской администрацией после получения соответствующего сенатского распоряжения¹².

Первое прошение о приписке Демидов подал в Берг-коллегию в 1727 году. 9 августа столичное горное ведомство определило: приписать деревни Кузнецкого уезда ведомств Белоярской крепости, Малышевской слободы и Бердского острога — всего «до 400 или до 500 дворов». Однако сенатского указа на это, очевидно, не последовало. Судя по всему, приписка не состоялась¹³.

Во второй четверти XVIII века все крестьяне в России ежегодно платили в казну денежный налог, равный семидеся-

ти одной с половиной копейке. Налог взимался с каждого мужчины независимо от возраста — как тогда говорили, с каждой «души», поэтому назывался «подушной податью». Кроме того, за пользование землей хлебопашец должен был платить ее владельцу. Крепостные крестьяне отдавали денежный оброк своим владельцам, а с государственных по сорок копеек в год собирала казна. Поэтому для свободных крестьян общая сумма платежей в государственную казну («подушный оклад») составляла ежегодно 1 рубль 11 с половиной копеек¹⁴.

Среди живших в Сибири крестьян имелось немало самовольных переселенцев, которые временно исчезали из поля зрения властей и таким образом уклонялись от уплаты государственных налогов. Всех их сибирская администрация стремилась учесть, «положить в подушный оклад». В результате и беглый крепостной, называвшийся «не помнящим родства», и вольный переселенец из Европейской России становились государственными крестьянами Сибирской губернии¹⁵.

По берг-привилегии, выданной Демидову, разрешалось «работных людей, кои иметь будут пашпорты, нанимать ему повольною ценою». В малонаселенном Верхнем Приобье найти достаточное число таких работников было невозможно. Поэтому в следующем 1727 году по просьбе Демидова Берг-коллегия разрешила заводчику для работ на его алтайских предприятиях «пришлых, кои живут в лесах и у калмыков, и шатающихся по селам дворцовых, монастырских и помещиковых людей и крестьян, кои в подушный оклад не написаны, призывать и поселять при тех заводах»¹⁶.

Фактически Акинфию Никитичу в ви-

де исключения давалось право использовать на алтайских предприятиях людей без документов, скрывавших свое прошлое. С согласия заводчика они могли поселиться поблизости от его предприятий, но за это, очевидно, были обязаны обслуживать рудники и металлургическое производство. Попав таким образом в ведомство Колывано-Воскресенского завода, «пришлые» все же оставались лично свободными. Их зависимость от демидовских приказчиков поначалу была меньше, чем у переселившихся с Урала приписных крестьян.

Колывано-Воскресенский завод и демидовские деревни возникли на Алтае позже первой общероссийской переписи проводившейся в 1719—1724 годах. Крепостные Акинфия Никитича, мастеровые с его заводов и уральские приписные крестьяне, отправленные Демидовым на Алтай, были записаны в подушный оклад по прежнему месту жительства. Налоги в казну за них исправно платил хозяин, поэтому необходимости проводить дополнительную перепись демидовских новоселов на первых порах не было.

Ситуация изменилась в начале 1730-х годов, когда на отведенных в распоряжение Демидова землях уже проживало довольно значительное количество самовольных переселенцев. В 1734 году Кузнецкая воеводская канцелярия послала туда дворянина Петра Мельникова для проведения дополнительного учета. В результате «пришлые», поселившиеся с согласия заводчика в «демидовских деревнях», были записаны в подушный оклад как государственные крестьяне¹⁷.

Приходили на демидовские предприятия для зарабатывания подушных денег и

государственные крестьяне из приобских деревень. В то время, в соответствии с царским указом, день работы безлошадного крестьянина оценивался зимой в 4 копейки, летом — в 5; крестьянин с лошастью получал соответственно 6 и 10 копеек. На алтайских предприятиях Демидова платили больше. Рудокопы и заводские рабочие получали зимой по 6, летом по 7 копеек в день, а нанимаемые «для разных экстренных работ» безлошадные крестьяне-«поденщики» — по 5 или 7 копеек в зависимости от времени года. За конные работы тем же поденщикам платили от 8 до 12 копеек в день¹⁸.

Такие расценки позволяли привлекать на отдаленные предприятия приобских крестьян. Побывавший в 1734 году на Колывано-Воскресенских заводах И. Г. Гмелин записал в путевом дневнике: «Рабочие на рудниках — большей частью крестьяне из различных мест, которые пришли сюда, чтобы заработать подушную подать, которую они выплачивают казне. Поэтому они большей частью, когда эти деньги зарабатывают, снова на свою родину уходят»¹⁹.

Судя по таким наблюдениям, на алтайских предприятиях в начале 1730-х годов довольно часто использовался наемный труд, что было характерно и для других заводов Демидова. Видимо, не случайно в 1734 году императрица писала Татищеву об уральском производстве Акинфия Никитича: «Слышно, что он вольными работниками и гораздо дешевле [по сравнению с крестьянами, приписанными к казенным предприятиям] все работы исправляет»²⁰.

Казалось бы, если заводчик платил пришедшим на заработки крестьянам

больше, чем по государственным расценкам, должны быть большие и его затраты. И все же царица, наверное, не ошиблась, когда писала Татищеву, что, по сравнению с государственными заводами, расходы Демидова на производство металла оказывались «гораздо дешевле».

Применительно к алтайским предприятиям можно отметить, что одним из важных источников экономии были весьма незначительные расходы на содержание администрации Колывано-Воскресенских заводов. По сведениям И. Г. Гмелина, заработная плата приказчиков и конторских служащих здесь была намного ниже, чем у администрации государственных горно-металлургических предприятий. Добавляя по копейке в поденные расценки вольнонаемных приобских крестьян, Демидов экономил десятки и сотни рублей на содержании своих управляющих.

Всего в штате Колывано-Воскресенских заводов, не считая охраны, числилось около трехсот человек. Из них — 74 рудокopa, 35 углежогов, около 50 возчиков руды и угля, 45 заводских рабочих и 20 поденщиков. Штат управляющих и конторских служащих насчитывал 10 человек. Годовое жалованье каждого из них не превышало 24 рублей. Для сравнения напомним, что служивший в государственном горном ведомстве Никифор Клеопин в 1727 году получал жалованье в 100 рублей. Для горных чиновников более высокого ранга обычны были годовые оклады в несколько сот рублей²¹.

Вместе с тем основным фактором, определившим прибыльность производства алтайской меди, очевидно, стало исключительное богатство здешних руд.

7.3. АЛТАЙСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ (1730 — 1734 годы)

Наиболее подробное описание Колывано-Воскресенского завода и рудников принадлежит перу академика И. Г. Гмелина, посетившего алтайские предприятия в августе 1734 года. В то же самое время на Урале генерал-лейтенант Вильгельм де Геннин закончил работу над своей объемной рукописью, посвященной уральским и сибирским заводам. Отдельная глава его книги рассказывает о демидовском медсплавильном производстве на Алтае. Этот текст автор проиллюстрировал рисунками, чертежом Колывано-Воскресенского предприятия и картой «мест вверх по рекам Оби и Иртышу до границы контайшиной, где дворянина Акинфия Демидова медные заводы построены»²².

Содержащиеся в трудах Гмелина и Геннина сведения позволяют получить довольно полное представление о предприятиях Акинфия Демидова на Алтае в первой половине 1730-х годов.

Завод, построенный Никифором Клеопиним на реке Белой, первоначально имел три металлургические печи для выплавки «черной» меди. В 1730 году к ним прибавилось еще три — две медсплавильные и кузнечный горн для действующего от водяного колеса расковочного молота. Все шесть печей находились под одной крышей в деревянном здании «плавильни» на левом берегу Белой (рис. 79). Тогда же на противоположном берегу реки была построена специальная печь, состоящая из двух гармахерских горнов. В них от «черной» меди окончательно отделяли примеси железа и серы, получая в итоге чистый металл. Поэтому гармахерские

горны по-русски называли «разделительными» или «извлекательными»²³.

Гмелин упоминает, что в 1730 году на Колывано-Воскресенском заводе основали железоделательное предприятие, «потому что все более и более выяснялась необходимость в производстве лесопильных машин». На следующий год здесь «уже отливались болванки». Ни в описании Геннина, ни на его чертеже этот «железоделательный завод» не указан, зато на плане отмечена «пильная мельница», то есть лесопилка, действующая от водяного колеса.

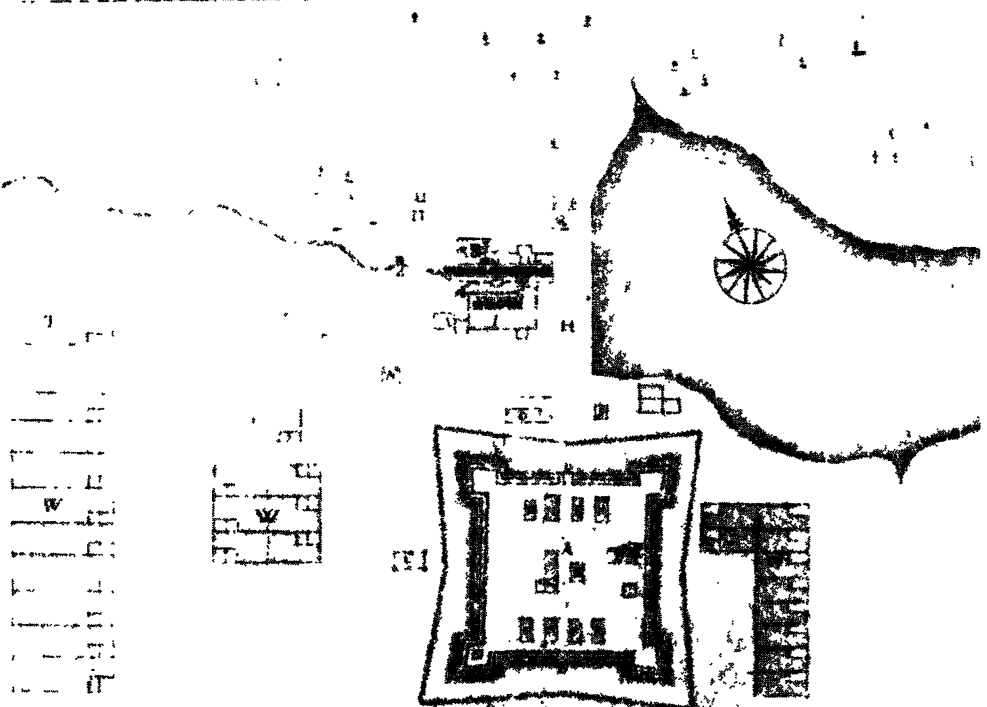
С увеличением числа заводских производств водных запасов реки Белой стало не хватать. Поэтому были предприняты попытки направить в русло реки часть воды из Белого озера, «никакого истока не имеющего». Первоначально для этого прорыли канаву длиной около 80 метров. Глубина ее не достигала и полуметра, поскольку ниже залегали «скалы, которые можно разбить только взрывом». Пользы от такой канавы оказалось немного: воды поступало мало и приток ее нельзя было регулировать.

Весной 1734 года была осуществлена более удачная попытка. С помощью пороховых взрывов удалось пробить канал в узкой скальной перемычке, отделявшей озеро от истоков реки. В образовавшемся проеме установили заграждение (шлюз), с помощью которого теперь могли регулировать поступление воды из озера в

Рис. 78 Титульный лист рукописи книги В. Геннина, преподнесенной им императрице Анне Иоанновне в марте 1735 года

ГЕНЕРАЛО ^{ЕМ} ЛЕЙТНАНТО ^{ЕМ Т Р І С І С І} ОАГІАЕРІ
І КАВАЛЕРО ^{ЕМ} ОРДЕНА СВЯГО АЛЕУАНДРА
ГЕОПІЕМЪ ВІІЄМОМЪ ДЕТЕННІНЫ
^{2Н} СОБРАНІЯ НАТУРАЛІИ І МІНЕРА
ЛІИ КАМЕРЪ ВСИБІРСКІ ГОРНЫ
І ЗАВОЦКНХЪ ДИСТРИКТАХЪ
ТАКЖЕ ЧРЕЗЪ ЄВО ОВНОВЬ СТРОЕНЫ
И СТАРЫ ІСПРАВЛЕННЫ ГОРНЫ І ЗАВОКІ
СТРОЕНІЯ І ПРОЧІ КУРІОННЫХЪ ВЕЩА
АБРИСЫ

1742 ADIWIJAYO SOGA'NCEM KORO
 (script 2 of 2)

- A ...
- B ...
- C ...
- D ...
- E ...
- F ...
- G ...
- H ...
- I ...
- J ...
- K ...
- L ...
- M ...
- N ...
- O ...
- P ...
- Q ...
- R ...
- S ...
- T ...
- U ...
- V ...
- W ...
- X ...
- Y ...
- Z ...

Scale or measurement markings.

заводской пруд. В результате, по словам Гмелина, вода для производственных нужд «всегда была в достаточном количестве и даже в изобилии»²⁴.

К левому концу заводской плотины примыкала квадратная крепость с четырьмя бастионами по углам. Она была окружена валом, рвом и «рогатками» — специальными заграждениями из тонких бревен. Внутри укрепления располагались заводская контора, продовольственный амбар и весовая, где взвешивали привезенную руду и выплавленный металл. Здесь же в два ряда стояли казармы для заводской стражи и охраны. Гарнизон крепости состоял из семи солдат, которыми командовал сержант, и двух пушкарей-артиллеристов. Для охраны завода и рудников Демидов содержал за свой счет сто казаков²⁵.

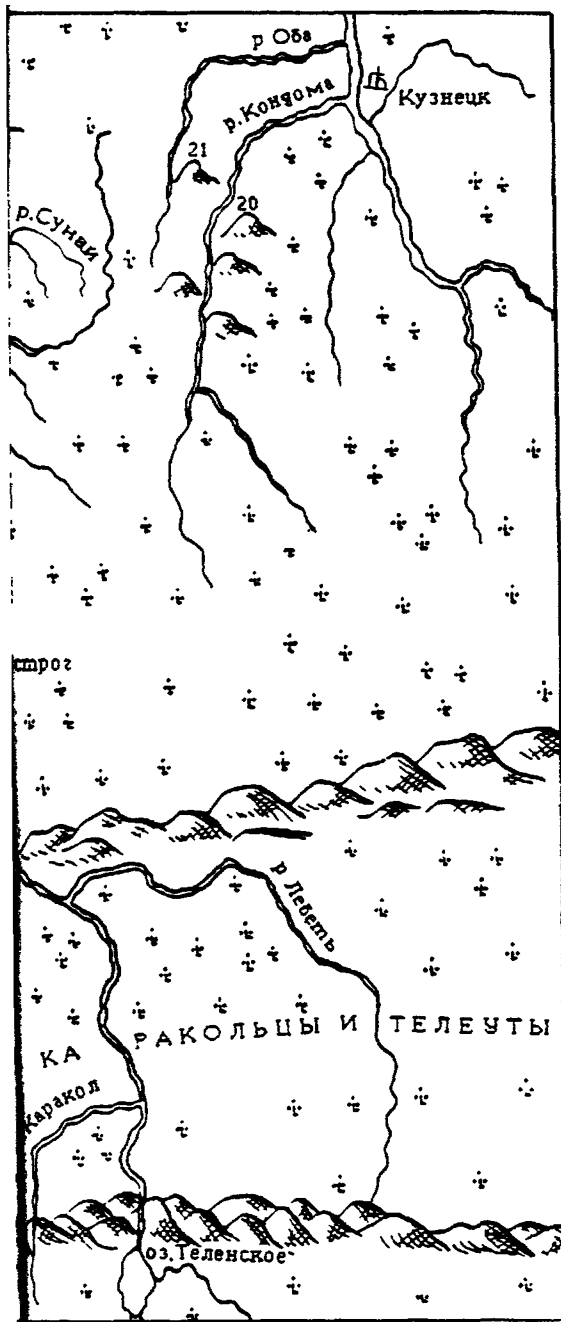
Более двух с половиной веков прошло с тех пор, как на Колывано-Воскресенском заводе побывал академик И. Г. Гмелин. Из описанных им сооружений до наших дней сохранилось немного: стоит плотина, возведенная в 1728—1729 гг., плещется в поселке Колывань пруд, устроенный Никифором Клеопиным на р. Белой (см. фото на обложке), да по-преж-

Рис 79 Чертеж демидовского завода на реке Белой

Рисунок из рукописи Геннина 1735 г

Чертеж озаглавлен автором

«План Колывано-Воскресенского Демидова завода
 А — крепость, В — кантора, С — амбар провиантской, D — ворота, E — веса, F — казармы, G — пороховой амбар, H — плотина, I — главильня, K — гармахерская, L — шильная мельница, M — мусорной амбар, N — амбар где припасы кладут, O — меховая, P — кузница, Q — котельная, R — старая кузница, S — старой припасной амбар, T — конюшной двор, U — обжигальня, U — лесной сарай, W — квартеры мастеров и заводских служителей, X — кирпичной сарай, Y — бутка на горе, Z — караульная башня»

нему, как и в 1730-х годах, шумит падающая вода, которая через шлюз, по узкому каналу вытекает из озера Белого и дает начало одноименной реке.

Одновременно со строительством Воскресенского завода в 1727-1729 гг. велся поиск новых месторождений. В первой заявке Демидова в Берг-коллегию речь шла о рудах из девяти мест, а осенью 1729 года, возвращаясь на Урал, Никифор Клеопин и горный мастер Георгий везли образцы уже из 22 пунктов²⁰. Все обнаруженные рудопроявления «некогда разрабатывались древними» и были найдены по «чудским копиям». К 1734 году количество выявленных в алтайских предгорьях месторождений значительно возросло. Кроме близлежащих — Кольванского, Воскресенского, Богоявленского и Локтевского, руду добывали на удаленных за тридцать верст Пихтовских горах и даже в верховьях Убы, в девяноста верстах от завода (рис. 80).

Руды из вновь открытых месторождений резко различались по своим свой-

Рис. 80 Фрагмент карты из рукописи В. Геннина 1735 года.

Чертеж озаглавлен автором

«Ландкарта о ситуации мест вверх по рекам Оби и Иртышу до границы контайшина [владения], где дворянина Акинфия Демидова медные заводы построены. При том же означены и рудники, на которых горах имеются медные руды: 1 — Богоявленская гора, 2 — Воскресенская гора, 3 — гора Локтевская, 4 — Мурзинская гора, 5 — Кольванская гора, 6 — Пихтовские горы, 7 — Гольцовские, 8—9 — Корболинские горы, 10 — Убинская серебряная руда, 11 — Сурковая [гора], 12 — Медвежья гора, 13 — Латная гора, 14 — Козловая гора, 15 — Лисья гора, 16 — Степная гора, 17 — гора Большая осыпь, 18 — Лосиха гора, 19 — Верхубинская гора, 20—21 — Кузнецкие [руды], Томские руды, 22 — [неразборчиво] руды, 23 — Кыргинские руды томские [на р. Кожух]»

Подписи выполнены современным шрифтом

ствам. Иногда даже трудно было определить, что за металл получается в результате их плавки. Например, из руды с Богоявленской горы, по словам Гмелина, извлекали «какой-то разлетающийся от ударов молота металл цвета висмута, который вместе с медью даст сплав, достаточно пригодный для сельских жителей».

Такие необычные руды привлекали внимание, поскольку из алтайских образцов еще в 1726 году в столице было получено серебро. Надежда найти серебряные месторождения с тех пор не покидала демидовских приказчиков. Если Гмелин сравнивал цвет металла из богоявленской руды с висмутом, то управляющий Кольвано-Воскресенским заводом Никифор Семенов усматривал в образцах с того же месторождения признаки серебра. Осенью 1730 года он уведомлял об этом Акинфия Демидова и просил хозяина для проверки своего предположения разрешить провести плавку. О результатах подобных проб можно судить по приведенному выше описанию Гмелина: получен-

ный металл годился только для бытовых нужд²⁷.

После отъезда Клеопина, Берг-коллегия продолжала оказывать Демидову помощь в освоении нового рудного района. Выражалось это прежде всего в отправке на Кольвано-Воскресенский завод грамотных специалистов. Уже осенью 1730 года сюда вновь вернулся иностранный горный мастер Георгий.

В начале 1733 года на завод был командирован опытный плавильщик, который смог значительно улучшить работу предприятия. По-видимому, этот специалист тоже был иностранцем. Во всяком случае, в 1734 году из трех плавильных мастеров Кольвано-Воскресенского завода двое являлись иностранцами. Жалованье каждого из них в четыре раза превышало зарплату русского плавильщика и в пять раз — приказчиков²⁸.

Благодаря искусству металлурга, появившегося на Кольвано-Воскресенском заводе весной 1733 года, и тем техническим новшествам, которые он здесь внедрил, производство меди с этого года резко возросло.

7.4. ПРИБЫЛЬНАЯ МЕДЬ (сентябрь 1729 года — 1733 год)

В своих записках И. Г. Гмелин приводит подробные сведения о денежных затратах Демидова на содержание алтайских предприятий в 1733 году. По его подсчетам все расходы Акинфия Никитича составили 8 тысяч рублей.

В том же году на Кольвано-Воскресенском заводе было выплавлено 317 пудов чистой меди и 5842 пуда 36 фунтов «черной». Учитывая, что при окончательном отделении примесей последняя теря-

ет пятую часть своего веса, ученый определил объем годового производства чистой меди из алтайских руд в 4990 пудов.

«Отсюда, — подводил итог Гмелин, — при продажной цене меди в 7 рублей за пуд, чистый годовой доход за вычетом всех годовых расходов равнялся в 1733 году 26930 рублям»²⁹.

Получается, что только за один год меди было произведено почти на 35 тысяч рублей (4990 пудов × 7 руб. = 34930 руб.),

а себестоимость одного пуда составила всего 1 рубль 60 копеек!

Такой дешевой меди не выплавляли больше нигде в России. Достаточно сказать, что на уральских заводах Демидова себестоимость этого металла составляла от 4 руб. 60 коп. до 5 руб. 20 коп. за пуд³⁰. Неудивительно, что ревизоры из Берг-коллегии, посетившие алтайские предприятия весной 1732 года, не поверили демидовским приказчикам и отметили в своем докладе:

«Пуд чистой меди обходится, как показано в счетах, в 2 руб. 57 $\frac{3}{4}$ коп., но это едва ли правда, так как счетные книги ведутся неспорядно; по другому счету вышло и того менее: по 1 руб. 58 коп., до 1 руб. 60 коп.»³¹. Как видим, спустя два года немецкий путешественник после кропотливых расчетов получил те же цифры себестоимости алтайской меди, в которые не смогли поверить специалисты Берг-коллегии.

Несмотря на удивительно низкую себестоимость продукции, прибыль от своих алтайских предприятий Акинфий Демидов стал получать не сразу. На первых порах создающееся производство требовало значительных капиталовложений. В 1732 году все заводские строения оценивались в 10.975 рублей 45 $\frac{1}{2}$ копеек, причем счет затратам велся с 1726 года³².

Отдачу от вложенных средств стали получать только после пуска Колывано-Воскресенского завода, особенно с конца 1730 года, когда было увеличено количество плавильных печей и построено два горна для окончательной очистки «черной» меди. Теперь появилась возможность изголавливать на заводе медную посуду, которая на рынке стоила значительно дороже слитков необработанного

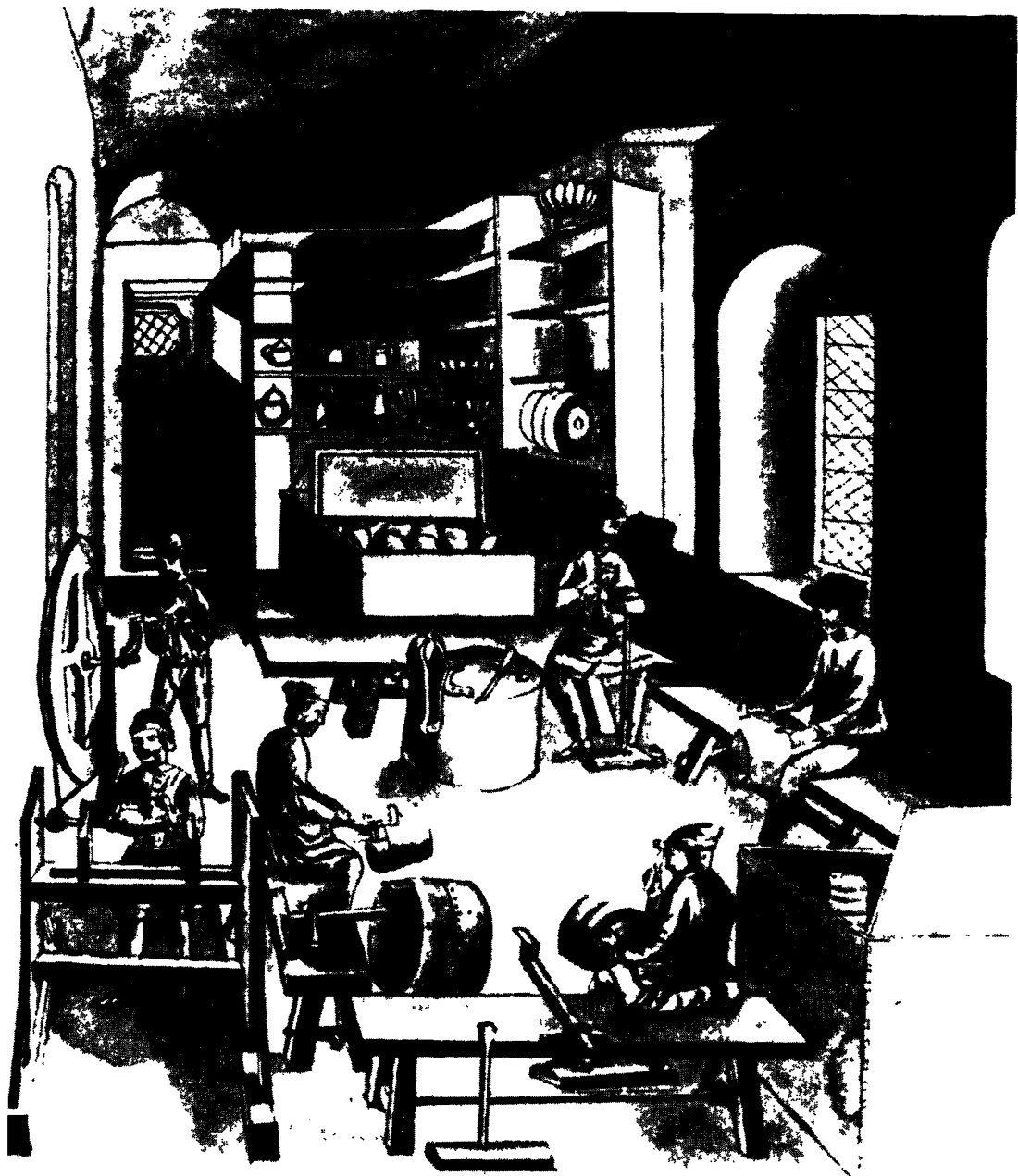
металла. С устройством посудной мастерской («котельной») доходность производства резко возрастала.

Объем добычи меди на алтайских предприятиях Демидова в первые годы был крайне не равномерен. Количество металла, полученного на Колыванском ручном заводе, по-видимому, оказалось настолько незначительным, что в позднейших сводных отчетах не учитывалось. Статистика демидовского медсплавильного производства по ведомостям приказчиков начиналась «с зачатия плавки в 1729 году сентября с 21 дня»³³.

К концу 1731 года на Алтае уже было выплавлено 7868 пудов «чёрной» меди. Из этого количества чуть менее трети отравили для очистки в Невьянск. Оставшиеся пять с лишним тысяч пудов перечистили в гармахерских горнах Колывано-Воскресенского завода, в результате чего удалось получить 2082 с половиной пуда красной (чистой) меди³⁴.

Теми же темпами велось производство и в следующем 1732 году, пока осенью не произошла настоящая катастрофа. В октябре в степи вспыхнул пожар. По высохшей за лето траве огонь быстро распространился на многие версты и достиг окрестных лесов. Раздуваемое ветром пламя охватило огромные территории и «почти сплошь выгло всю местность между Обью и Иртышем»³⁵.

«И ежели бы не случилось в близости реки или пруда, то б имсующиися тамо... рудокопщики, мастеровые люди и жители и дровосеки от великих жаров и дыму могли задохнутца, но они от тех пожаров укрылись в воду, и у кого случились [имелись] скотинные или звериные кожи, то [укрылись] кожами. А иные, сидя в воде, головы свои от жару укрывали в воду нырянием, пока те травы и леса згорели и огонь минулся»³⁶.

Сам Кольвано-Воскресенский завод, поселок при нем и крепость, к счастью, не пострадали. В последний момент ветер переменил направление и огненный вал прошел стороной. Но это стало единственным утешением.

Пожар не пощадил ни одного рудника. Сгорели постройки и на близлежащих копях, и на удаленных почти за сотню верст от завода. «Погибло все, что было из дерева».

Еще более серьезные последствия для производства имело то, что «сгорел почти весь уголь, а также весь срубленный лес, хранившийся на складах». Теперь, прежде чем вновь приступить к плавкам, нужно было заново оборудовать рудники и заготовить древесный уголь. В преддверии зимы справиться с этими задачами было чрезвычайно трудно.

Кроме того, в огне пожара погибла часть продовольственных запасов и заготовленные на зиму дрова. «И от того учинилась в заводах остановка и в провианте скудость, и для того [поэтому] работные люди с тех заводов высухали», — сообщалось в столичную Берг-коллегию³⁷.

После пожара производство меди в 1732 году, видимо, уже не возобновлялось. Всего с 1729 по 1732 год из алтайских руд на Кольвано-Воскресенском заводе и уральских предприятиях Акинфия Демидова было получено около трех тысяч пудов чистой меди. По закону 1727 года Демидов имел право продавать этот металл, выплавленный восточнее Тобольска, «кому похочет» по рыночной цене. В свободной продаже пуд меди тогда

стоил 6—7 рублей, следовательно, общую стоимость добытого металла можно приблизительно оценить в 20 тысяч рублей. Затраты Акинфия Никитича на создание алтайского медеплавильного производства к тому времени, очевидно, еще превышали эту сумму.

Переломным стал 1733 год, когда по распоряжению столичной Берг-коллегии на Кольвано-Воскресенский завод был отправлен опытный плавильный мастер. Ему удалось поднять выплавку «черной» меди до такого уровня, при котором производство чистого металла составило почти пять тысяч пудов в год. Выручка от продажи алтайской меди, наконец, позволила возместить все расходы, которые понес уральский заводчик при освоении нового рудного района.

«Те заводы ценною стали со всем строением и шестилетним содержанием [1729—1734 гг.], например [примерно], в 45000 рублей, — писал в 1734 году Геннин, — а в тех годах чистой меди получено с 8000 пуд»³⁸.

Рыночная цена такого количества металла превышала 50 тысяч рублей. Отныне алтайская медь стала приносить доход.

Новое производство обещало быть чрезвычайно выгодным для Акинфия Демидова благодаря удивительно низкой себестоимости продукции. К тому же прибыль от алтайской меди в течение первых десяти лет не облагалась налогом. Изготовление из этого металла готовых изделий еще более увеличивало доходы заводчика.

Медную посуду для продажи кроме «котельной» на Кольвано-Воскресенском заводе делали и в уральской столице Демидова — Невьянске (рис. 82). Здесь же

Рис 81 «Котельная» —
мастерская по производству медной посуды.
Рисунок из рукописи Геннина 1735 г.

Рис 82 Медная посуда, изготовленная на Урале в XVIII веке

7.5. ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАТИЩЕВА (март — октябрь 1734 года)

Двенадцать лет, с 1722 по 1734 год, генерал-лейтенант от артиллерии Вильгельм де Геннин возглавлял Сибирское горное начальство. За это время он наладил на Урале металлургическое производство и построил девять казенных заводов.

Летом 1733 года больной Геннин начал хлопотать о переводе в столицу. На следующий год его просьба была удовлетворена. Сибирское горное ведомство после двенадцатилетнего перерыва опять возглавил Василий Никитич Татищев, который по-прежнему считал, что заводы частных горнопромышленников должны находиться под строгим контролем государства.

Судьба вновь свела Василия Никитича с Акинфием Демидовым при необычных обстоятельствах: к весне 1734 года оба находились под следствием. Демидов обвинялся в утайке налогов, а Татищев — во взятках при службе на Монетном дворе.

12 марта императрица Анна Иоаннов-

лили «колокола ис той меди, что выплавляетца и привозитца с Томских, Колывано-Воскресенских сво заводов»³⁹

Казалось бы, наступало время, когда заводчик сможет пожинать плоды от реализации своего смелого замысла. Колывано-Воскресенский завод становился одним из наиболее прибыльных его предприятий. Однако «премены жребия земного» не обошли и Акинфия Никитича Демидова: в 1734 году сибирские горные заводы были переданы в ведение новому управляющему. Им оказался не кто иной, как Василий Никитич Татищев.

на подписала два указа — о «всемилостивейшем прощении» Василия Никитича и об отправке его в Сибирь для «размножения заводов»⁴⁰. На следующий день, узнав о царском прощении и неожиданном назначении на Урал, где ему вновь предстояло иметь дело с хозяйством Демидовых, Татищев направил на имя императрицы свои предложения такого содержания:

«Ваше Императорское Величество всемилостивейше соизволили мне повелеть ехать в Сибирь для размножения заводов... Понеже [поскольку] видимо, што наибольшее сокровище искать надобно в Томском и Кузнецком [уездах], где Вашего Императорского Величества заводов еще нет, а построил токмо Демидов своим иждивением. ...И понеже лучшие места он ...взял..., заводов строить весьма не безтрудно. Того ради не соизволитель... его Демидова заводы взять, а ему от казны надлежащее заплатить...»⁴¹.

По петровскому указу 1719 года частным горнопромышленникам гарантировалось, «что у них... заводы отняты не будут». Этот закон продолжал действовать, и Татищев, конечно, его хорошо знал. Поэтому Василий Никитич не предлагал императрице отбирать алтайские предприятия Демидова, а посоветовал выкупить их по «надлежащей» цене, которая могла бы устроить заводчика.

Богатство алтайских медных руд к тому времени уже стало общеизвестным. В 1729 году в России были учреждены новые полковые знамена. По предложению Военной коллегии на каждом из них изображался герб того города, где размещался полк. Многие города своих эмблем тогда еще не имели. В связи с этим столичным герольдмейстерам пришлось сочинять для них гербы, которые должны были отражать характерные особенности населенного пункта или уезда. Для Томска таким символом стал изображенный на золотом фоне человек в серой одежде, добывающий руду в горной выработке. Так с 1730 года демидовский рудокоп попал на знамя Томского полка.

В архивах сохранился еще один вариант томского герба, сочиненный в 1726—1729 годах. Не исключено, что его автором был граф Франциск Санти, создатель родового герба Демидовых. На этом рисунке в щите на золотом поле изображены положенные крест-на-крест серебряная кирка и черный молот с красными рукоятками (рис. 83). Подпись под эмблемой объясняла, что символика герба соответствует особенностям Томского уезда, поскольку «та земля богата металлами»⁴².

Справедливости ради отметим, что ни одного разрабатываемого рудника в Томском уезде тогда не имелось. Все они рас-

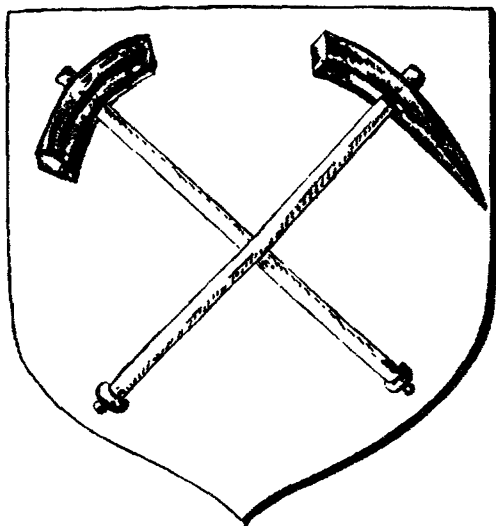

Рис. 83. Герб Томска. Проект 1726—1729 гг.

полагались южнее, в верховьях Оби и Иртыша. Однако по традиции, берущей свое начало с берг-привилегии Акинфия Демидова, его алтайские предприятия нередко относили и к Томскому ведомству. Не случайно Татищев, предлагая царице взять эти заводы Демидова в собственность государства, писал, что они расположены в Томском и Кузнецком уездах.

23 марта 1734 года действительному статскому советнику Татищеву от имени императрицы была дана подробная инструкция, имевшая силу царского указа. Новый начальник Сибирского горного правления наделялся большими полномочиями. «Над всеми партикулярными [частными] горными заводами баронов Строгановых и дворян Демидовых и прочих, иметь вам смотрение» — гласил один из пунктов инструкции. В другом разделе Василию Никитичу предписывалось: «...Самому тебе с одним ассессором и по-

требными служителями и мастерами схать в Томский и Кузнецкий уезды и стараться, чтоб тамо сильные заводы построить, и доходы казны Нашей умножать... Ежели же усмотрите, что заводы Демидова медные для пользы Нашей надобно взять на Нас, то оныс у него взять..., сочиня правильный счет по настоящей цене, и оный прислать к Нам»⁴³.

Таким образом, если над уральскими заводами Акинфия Демидова Татищев должен был осуществлять лишь контроль и «смотрение», то алтайские предприятия последственного заводчика разрешалось забрать в государственную казну с условием последующей компенсации.

Весной 1734 года Татищев водным путем прибыл в Екатеринбург. Передача дел по руководству горнозаводским хозяйством заняла около полугода. Вильгельм де Геннин покинул Урал лишь осенью. С октября управление Сибирским горным начальством окончательно перешло к В. Н Татищеву⁴⁴.

Рис. 84. Василий Шикитич Татищев (1686—1750)

7.6. СУДЬБА СТЕПАНА КОСТЫЛЕВА (октябрь 1734 — февраль 1735 года)

В Екатеринбурге Василия Никитича ждала неожиданная встреча со старым знакомым, неутомимым челобитчиком Степаном Костылевым, все еще надеявшимся получить вознаграждение за открытие в 1719 году алтайских медных руд.

После того, как в 1726 году по приказу Геннина Костылев был вынужден рассказать демидовским приказчикам о месторождениях, обнаруженных им на реке Алей, он на следующий год специально

ездил в деревню Усть-Чумышскую для встречи с Никифором Клеопиным, направлявшимся в алтайские предгорья⁴⁵. Следующую попытку добиться справедливости Степан Григорьевич предпринял в начале 1733 года.

Прислав в Екатеринбург «с товарищем своим Макаром Останиным», они предъявили Геннину «вновь сысканные в Томском же уезде медные руды, [добытые] в Кыргышской степи по Кожуху реке». По словам Костылева, поездка на Урал пред-

принималась не только для оформления новой заявки, «а наипаче [в основном] для осведомления подлинно ль оному Демидову на тех наших обысканных местах промышлять позволено». Рудознатцы никак не могли поверить в законность демидовского «промысла» и решили опять напомнить генералу о своем первенстве в открытии алтайских месторождений, «что ныне именуются Кольвановоскресенские».

Вместо награды Степан Костылев и Макар Останин получили «великое утешение и обиду». Назойливых просителей в марте того же года отправили на тяжелые заводские работы, били плетью и более полугода держали закованными в кандалы⁴⁶.

Едва дождавшись отъезда Геннина, Степан Костылев 14 октября 1734 года подал В. Н. Татищеву жалобу на прежнего начальника. В ней он подробно изложил обстоятельства открытия алтайских руд и пятнадцатилетнюю историю своей борьбы за право считаться их первооткрывателем. Василий Никитич распорядился организовать тайное следствие, которое должны были провести его первые заместители, члены горного совета — Андрей Хрущев, майор Леонтий Угримов и капитан Калачев. Костылева вновь допросили, и вскоре Татищев известил императрицу Анну Иоанновну, что «томские» медные месторождения впервые обнаружили крестьянин Костылев с товарищами, а Демидов не может считаться их первооткрывателем⁴⁷.

В том же письме Василий Никитич докладывал царице: «Он же, Костылев, подал другое доношение о золотых и серебряных рудах, объявляя, [что] якобы о том наперед сего [раньше] подавал доно-

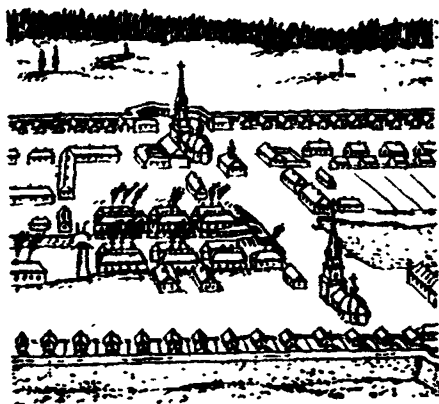

Рис. 85. Екатеринбург начала 1730-х годов
Современный рисунок по иллюстрации
из рукописи Геннина 1735 г

шение к генерал-поручику [Геннину]⁴⁸. Здесь слова Татищева немного расходятся со свидетельством рудознатца. Как указывал Степан Григорьевич, летом 1733 года он сообщил Геннину только о руде, похожей на золотую.

Сам Костылев на этом месторождении никогда не был. Он давно знал о нем от своего старого товарища Михаила Волкова и других «многих людей, которые бывали бугровать вверх по Иртышу реке». Они рассказывали Степану, «что от устья убинского езды дней с пять видели чудские старые копи, а в копиях обретается руда признаком золотая; и во оных копиях и поднесь [по сей день] имеется сок [шлак]⁴⁹».

Сообщавшиеся Костылевым сведения очень неопределенны. Он даже не указывал, в каком направлении следует ехать пять дней от устья реки Убы, чтобы достичь цели. Упоминание о металлургическом шлаке делает рассказ бугровщиков

еще менее убедительным: при добычке легкоплавкого золота в древности шлаков не образовывалось. Скорее всего, бугровщики видели в «чуждских копях» медную неокисленную руду, имевшую золотистый блеск.

Наверное, при других обстоятельствах Костылев не стал бы докладывать в Сибирское горное начальство о руде, известной ему лишь понаслышке. Однако летом 1733 года для «окованного» рудоискателя это, возможно, был единственный шанс вырваться из заводской неволи. И Степан им воспользовался.

Геннин не придавал сообщению Костылева никакого значения. «Доношение» чаусского рудознатца даже не было зарегистрировано в канцелярии Сибирского горного начальства. Татищев, предпринявший в ноябре 1734 года поиски этого документа, обнаружил его среди деловых бумаг из личного архива Геннина. Оказалось, что на письменное сообщение Костылева о золотой руде «более года никакого определения не učinено»⁵⁰. Впоследствии историками это обстоятельство неоднократно ставилось в вину бывшему главе Сибирских заводов.

Трудно судить, насколько нарушил порядок делопроизводства Геннин, оставив без внимания записку Степана Костылева. Закованный в кандалы рудоискатель подал свое очередное «доношение» не официально в канцелярию, а, по-видимому, лично генерал-лейтенанту во время случайной встречи «при работе, где делался здесь канал в городе [Екатеринбурге]». Его сообщение не являлось рудоискательской заявкой и, возможно, действительно не требовало регистрации.

После смены екатеринбургского на-

чальства Степан Григорьевич повторил свое «доношение» о золотой убинской руде, теперь уже на имя Татищева. Костылев вновь просил отпустить его в Приобье, где он надеялся найти Михаила Волкова, собрать «вольных людей» и вместе с ними отправиться на поиски. Кроме того, рудознавец продолжал упорно доказывать свое право на награду за обнаружение медных руд в «Алейских горах».

Татищев отнесся к просьбам Костылева благосклонно и с участием. Они были знакомы с 1720 года. Приоритет чаусских жителей в открытии алтайских месторождений у Василия Никитича не вызывал никаких сомнений. Не последнюю роль, очевидно, сыграло и то обстоятельство, что требования Костылева совпадали с давно вынашиваемым планом самого Татищева: выкупить алтайские предприятия Демидова в государственную собственность. Теперь появлялся еще один аргумент в его пользу.

6 ноября 1734 года Василий Никитич сообщил императрице о «томском жителе рудоискателе Костылеве», сведениями которого, по его мнению, воспользовался Демидов. В конце своего донесения Татищев писал: «...К тому же вижу, что оныя заводы у него Демидова и без того по инструкции взять надлежит. Того ради посторонним доношением утруждать оставляю. Здесь же в канцелярии принадлежащие до оного известия для предка [потомков] велел собрать и сделать запись»⁵¹.

Этим распоряжением равнодушный к истории Отечества Василий Никитич Татищев сохранил для нас многие подробности тех далеких событий и увековечил имя одного из первооткрывателей алтайских руд — Степана Григорьевича Костылева.

Многолетняя тяжба чаусского рудознатца завершилась в начале 1735 года, когда Кольвано-Воскресенский завод и рудники Акинфия Демидова были взяты в государственное содержание и стали именоваться «Томскими заводами». В феврале первооткрыватель алтайских руд получил — таки 50 рублей казенных денег из средств, предназначенных для этих предприятий. Запись в расходной книге сообщает, что они были выданы «рудискателю Томского уезду, Чаусского острогу жителю, Степану Костылеву на пропитание, чтоб ему в прииске руд обещание свое исполнить»⁵².

В то время на колыванских предприятиях рудокопы за год зарабатывали в среднем 12 рублей 70 копеек (по 6—7 копеек в день)⁵³. Поэтому по крестьянским меркам Степана Григорьевича, полученная им сумма, очевидно, была весьма крупной.

Насколько можно судить по записи в бухгалтерской книге, выданные Костылеву деньги не считались наградой за открытие алтайских месторождений. Фор-

мально выплата связывалась с новыми находками рудоискателя, однако и в случае неудачи будущего горного промысла он не был обязан возвращать 50 рублей, полученные «на пропитание». Обращает на себя внимание, что эта сумма примерно соответствовала той награде, на которую рудоискатель рассчитывал еще в 1720 году. Очевидно, таким путем Сибирское горное начальство расплатилось со Степаном Костылевым за его открытия пятнадцатилетней давности.

С весны 1735 года следы настойчивого рудознатца в архивных документах теряются. В Екатеринбурге Костылев называл себя крестьянином «Табольского уезду Томского города Чеужского острогу деревни Аристовы». В списках переписи, проведенной в Приобье в середине 1740-х годов, среди обитателей этой деревни Степан Григорьевич Костылев не значится. Возможно, к тому времени его уже не было в живых. Дети и внуки рудоискателя по-прежнему проживали в деревне Аристовой ведомства Чаусского острога⁵⁴.

7.7. МИССИЯ ЛЕОНТИЯ УГРИМОВА (ноябрь 1734 — март 1735 года)

Указ императрицы Анны Иоанновны предписывал В. Н. Татищеву самому ехать в Томский и Кузнецкий уезды. Ему поручалось начать там строительство государственных металлургических заводов, а также определить, насколько выгодным окажется взятие в казну алтайских предприятий Демидова.

Необходимость принятия «Томских заводов» Демидова в государственную собственность была для Василия Никити-

ча очевидна. Такое решение определялось отнюдь не личной неприязнью Татищева к уральскому заводчику. Ранее противоборство с Никитой Демидовым закончилось в 1720-х годах в пользу бывшего управляющего Сибирским горным начальством. Тогда Петр I оправдал Татищева, а в начале 1724 года состоялся «вышний суд», который постановил: за то, что Никита Демидов «дерзнул Его Величество в неправом деле словесным про-

шением утрудять, вместо наказания взять штраф 30.000 рублей...». Немного позже император смилостивился и этот огромный штраф в государственную казну заводчик так и не заплатил. Однако теперь ему пришлось искать примирения с Василием Никитичем. В одном из писем Меншикову весной 1724 года Никита Демидов сообщал, что «с господином... Татищевым в происшедшем между нами деле состоялся мир». Ко времени возвращения В. Н. Татищева на Урал его отношения с наследником знаменитого заводчика были любезными и почти дружескими. Например, известно, что в ноябре 1734 года Демидов, удерживаемый в Москве из-за продолжавшегося следствия, прислал Василию Никитичу в Екатеринбург часы и «микроскопиуль»⁵⁵.

Стремление Татищева выкупить алтайские предприятия в казну всецело основывалось на его понимании государственных интересов России. При этом, очевидно, предполагалось, что достойная денежная компенсация избавит Демидова от убытков при потере заводов.

Занятый уральскими делами, Василий Никитич сразу выехать в Приобье не смог. Начать выполнение своего плана Татищев поручил майору Угримову.

Леонтий Угримов знал о прииртышских степях не понаслышке. В 1731—1733 годах он возглавлял крупнейшее российское посольство к новому правителю Джунгарии хану Галдан-Цэрену (1727—1745), сменившему на престоле умершего Цэван-Рабдана. Дипломатическая миссия была отправлена из Петербурга. Перед этим Леонтий Угримов получил в столице полномочия, которые позволяли ему не только вести обсуждение спорных вопросов, но и подписывать от

имени России государственные соглашения.

Галдан-Цэрен тепло принял посла, много раз встречался с ним и вел деловые беседы. Наиболее сложными и острыми были русско-джунгарские противоречия по территориальным вопросам. Джунгарский правитель не хотел примириться с потерей иртышского правобережья. Он по-прежнему считал, что граница его земель с Российской империей должна проходить по линии реки Омь, с чем Угримов согласиться никак не мог.

Трудно шли переговоры и по остальным вопросам. Единственным достижением петербургского посланника стала договоренность о возвращении на родину почти четырехсот русских, плененных еще в 1716 году под Ямышевской крепостью. Благодаря Леонтию Угримову через семнадцать лет, проведенных в неволе, они все-таки смогли вернуться в Россию.

Весной 1733 года Угримов в последний раз встретился с Галдан-Цэреном и вместе с освобожденными пленниками отбыл в родные предссы. Отчет о трехлетнем посольстве в Джунгарию он представил в Петербург⁵⁶.

Когда Леонтий Угримов был отправлен на Урал — не ясно. Скорее всего он появился там еще до прибытия в Екатеринбург В. Н. Татищева. Новый начальник сибирского горного ведомства сделал майора Угримова одним из своих заместителей. Именно этому умудренному опытом офицеру доверил Василий Никитич начать выполнение своего плана, одобренного императрицей: взять Колывано-Воскресенские заводы Демидова в собственность государства, «а ему [заводчику] от казны надлежащее заплатить».

18 ноября 1734 года Сибирское горное начальство во главе с Татищевым приняло решение направить Леонтия Угримова в Приобье. В соответствии с предписаниями, которые получил Татищев по царскому указу от 23 марта 1734 года, Угримову поручалось «иметь смотрение» над алтайскими предприятиями Акинфия Демидова. Майор должен был следить, «чтоб... те заводы по надлежащему строили и размножали, медь... делали как наилучше возможно, ...нечистой меди в продажу... не употребляли, и без клейма заводского ничего не продавали». Полагалось «смотреть накрепко», чтобы демидовские приказчики «без указа пушек, ... шпаг, копей и никаких военных орудий не дслали, и никому за границы, тайно и явно, под страхом смертной казни, не продавали»⁵⁷.

Сибирское горное начальство посылало Леонтия Угримова на демидовские предприятия в качестве главного управляющего, полномочий забрать их в казну майор не получил. Кольвано-Воскресенский завод и алтайские рудники по-прежнему считались собственностью Акинфия Никитича, однако командовать ими теперь предстояло не приказчикам уральского заводчика, а посланцу В. Н. Татищева.

Леонтий Угримов должен был начать подготовку передачи Кольвано-Воскресенского завода и рудников в казну. Ему предписывалось взять у приказчиков подробные ведомости о производственных постройках и их стоимости, о добытой руде и выплавленной меди, а также о жителях заводского поселка и демидовских деревень. После получения необходимых сведений майору поручалось «оные заводы... и рудники освидетельствовать само-

му». На основе проверенных Леонтием Угримовым ведомостей предполагалось составить тот «правильный счет по настоящей цене», по которому предстояло расплатиться с бывшим хозяином Кольвано-Воскресенских заводов.

Поскольку царский указ предписывал Татищеву «стараться» основать в Верхнем Приобье новые горно-металлургические предприятия, Угримов получил задание «смотреть, чтоб где можно было вновь заводы построить, тем местам и лесам... учинить чертежи». Для этого майору был специально предоставлен геодезист. Помимо картографа в комиссию Угримова входили несколько специалистов горного дела, плавильный мастер, ученик лекаря, канцелярист, чтыре солдата — всего около пятнадцати человек⁵⁸.

В начале декабря отряд на двенадцати подводках отправился в Тобольск, а оттуда через Томск на Алтай. 19 февраля 1735 года майор Леонтий Угримов прибыл на Кольвано-Воскресенский завод⁵⁹. Отныне руководство алтайскими рудниками и металлургическим предприятием Акинфия Демидова оказалось в руках государственного уполномоченного. Добыча руд и плавка меди по-прежнему велась за счет демидовских денег, присланных из Невьянского завода. Однако распоряжался этими средствами теперь Леонтий Угримов, а полученный металл фактически предназначенался для государственной казны⁶⁰.

План Татищева начал осуществляться. Оставалось только оценить взятые демидовские предприятия и дожидаться царского указа о денежной компенсации прежнему владельцу. Сам Василий Никитич собирался побывать на «Томских заводах» летом 1735 года. Для этой поездки по его собственному чертежу на

демидовском Нижнетагильском заводе в марте 1735 года начали строить «коломенку» — весельный корабль длиной около 30 метров, с каютами и парусом⁶¹.

Между тем пока на Кольванском заводе начинал командовать Леонтий Угри-

мов, а на Нижнетагильском строили судно для предстоящего путешествия Татищева, владелец этих предприятий Акинфий Никитич Демидов оставался в столице, пытаясь повлиять на ход следствия. Хитросплетения дворцовых интриг уже готовили иной поворот событий.

A handwritten signature in cursive script, reading "Леонтий Угрюмов". The signature is written in black ink on a white background.

ПРИМЕЧАНИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

- АРАН, 3** — Архив Российской Академии наук (АРАН), разряд I, оп. 77, д. 3
- АРАН, 39/65** — Архив РАН, ф. 21, оп. 5, д. 39/65.
- АРАН, 73** — Архив РАН, ф. 21, оп. 5, д. 73.
- АРАН, 207** — Архив РАН, разряд II, оп. 1, д. 207.
- БАН, 112** — Библиотека Академии наук (БАН), рукописный отдел, собрание карт, № 112. Копия ландкарты П. Чичагова, выполненная Е. Чекиным.
- БАН, 336** — БАН, рукописный отдел, собрание карт, № 336 «Южная часть Сибири, расположенная между реками Обью и Иртышом» — карта, выполненная для Г. Ф. Миллера, посетившего этот район в 1734 году.
- БАН, 473** — БАН, рукописный отдел, собрание карт, № 473. «Территория Кузнецкого уезда и медная фабрика Демидова, называющаяся Воскресенские заводы, в Сибирской губернии» — ландкарта, выполненная П. Чичаговым.

- ГААК, 24** — Государственный архив Алтайского края (ГААК), фд. 1, оп. 1, д. 24
- ГААК, 25** — ГААК, фд. 1, оп. 1, д. 25.
- ГААК, 28** — ГААК, фд. 1, оп. 1, д. 28.
- ГААК, 47** — ГААК, фд. 163, оп. 1, д. 47.
- ГААК, 63** — ГААК, фд. 163, оп. 1, д. 63
- ГААК, 65** — ГААК, фд. 163, оп. 1, д. 65. «Историко-статистическое описание Кольвано-Воскресенских золото- и сереброплавильных заводов, ... составленное по повелению Императрицы Екатерины II генерал-поручиком Иваном Веймарном».
- ГААК, 82** — ГААК, фд. 163, оп. 1, д. 82.
- ГААК, 106** — ГААК, фд. 163, оп. 1, д. 106.
- ГАНУ, История** — Государственный архив Новосибирской области (ГАНУ), 9 (с 18) И 90.
№ 772 «История принадлежащих Акинфию Пикитичу Демидову Кольвано-Воскресенских заводов и относящихся к ним рудников» — русский перевод латинской рукописи И. Г. Гмелина.

*Рисунок на шмуцтитуле:
Гномы — хранители подземных сокровищ.
Заставка из «Горного журнала» XIX века.*

Литература

- ГАСО, 22** — Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 24, оп. 1, д. 22.
- ГАСО, 124** — ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 124
- ГАСО, 486** — ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 486.
- ГАСО, 687** — ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 687.
- ГАСО, 772** — ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 772
- ГАСО, 903** — ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 903
- ГАСО, 916** — ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 916.
- ГАСО, 1127** — ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1127.
- ГАСО, 1772** — ГАСО, ф. 59, оп. 3, д. 1772
- РГБ, 6693** — Российская государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей, ф. муз., № 6693. «Сборник указов, относящихся до железных заводов г. Демидова с 1701 по 1737 г.».
- РГБ, Сорокин** — Сорокин М. Е. Горнозаводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747—1779 годах. — Томск, 1965. — Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Дк. 65—7 491.
- РНБ, Геннин** — Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ), отдел рукописей, F-X—11. Рукопись книги В. Геннина «Описание горных Уральских заводов».
- РГАДА, 2** — Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 126, оп. 1, 1658 год, д. 2.
- РГАДА, 12** — РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 12.
- РГАДА, 22** — РГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 430, № 22.
- РГАДА, 131** — РГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 131.
- РГАДА, 137** — РГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 137.
- РГАДА, 393** — РГАДА, ф. 199, оп. 2, л. 393, ч. 3.
- РГИА, 12** — Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 468, оп. 18, д. 12.
- СОБ, История** — Свердловская областная библиотека им. В. Г. Беллинского (СОБ), 338:6 п1 (с 17) И 907, № Б2162189. «История горной промышленности» (машинопись архивной рукописи неизвестного автора конца XIX века)

Агрикола, 1962 Агрикола Георгий. О горном деле и металлургии. — М.

Актовые источники, 1993. Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Опись копийных книг в двух томах. — Т. 1. — Новосибирск.

Анисимов, 1994. Анисимов Е. В., Каменский А. Б. Россия в XVIII — первой половине XIX века. — М.

Баранов, 1875. Баранов П. Опись именным высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. — Т. 2. — С.-Пб.

Беликов, 1898. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта // Научные очерки Томского края. — Томск.

Белковец, 1975. Белковец Л. П. Сведения И. Г. Гмелина о развитии в Сибири горнозаводского дела, о сибирских промыслах и торгах // Из истории Сибири. — Вып. 17. — Томск

Бородавкин, 1995. Бородавкин А. П. Алтай в XVIII — первой половине XIX века // Энциклопедия Алтайского края. — Т. 1. — Барнаул.

Бородаев, 1995. Бородаев В. Б., Контев А. В. Законодательные акты 1719 и 1727 годов о частной золотопромышленности в Сибири // Золото Алтая: история и современность. — Барнаул.

Бульгин, 1974. Бульгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. — Барнаул.

Бульгин, 1989. Бульгин Ю. С. Крестьяне-рудознатцы на Алтае XVIII в. // Полуэновские чтения 1989 года. — Барнаул.

Бульгин, 1995. Бульгин Ю. С. 150 лет со дня утверждения герба Кольвани // Страницы истории Алтая. 1996 г. — Барнаул.

Быконя, 1981. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск.

Васин, 1912. Васин Н. Демидовы: История возникновения горного дела в России. — М.

Виргинский, 1955. Виргинский В. С., Савельев Н. Я. Строительство вододействующих устройств на Алтае в XVIII веке. — М.

Виргинский, 1968. Виргинский В. С. Петр Козмич Фролов (1775—1839). — М.

Геология, 1967. Геология СССР. — Т. XIV. — Ч. 1. Геологическое описание — М.

Геннин, 1937. Вильгельм де-Геннин. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. — М.

Герман, 1797. Историческое известие о Кольвано-Воскресенских заводах // Сочинения о Сибирских рудниках и заводах, собранные Иваном Германом — Ч. 1. — С.-Пб.

Глаголева, 1950. Глаголева А. П. Олопецкие металлургические заводы при Петре I // Исторические записки. — АН СССР. — № 35.

Гнучева, 1946. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. — Труды Архива Академии наук. — Вып. 6. — М.-Л.

Гольденберг, 1965. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. — М.

Данилевский, 1959. Данилевский В. В. Русское золото: История открытия и добычи до середины XIX в. — М.

250 лет, 1977. 250 лет горного производства на Алтае. — Барнаул.

Демидовы, 1992. Демидовы: Родословная роспись. — Составитель Краснова Е. И. — Екатеринбург.

Демин, 1989. Демин М. А. Первооткрыватели древностей. — Барнаул.

Дергачева-Скоп, 1973. Дергачева-Скоп Е. И. «Сердца болезнь сестры убодающе остен...» — рукописный плач середины XVIII в. // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. — Вып. 14. — Новосибирск.

Драчук, 1977. Драчук В. С. Рассказывает геральдика. — М.

Дружинин, 1946. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. — Т. 1. — М.-Л.

Завитухина, 1977. Завитухина М. П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство Петровского времени. — Л.

Завитухина, 1977а. Завитухина М. П. Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Вып. 18. — Л.

Златкин, 1983. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). — М.

История, 1968. История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Т. 1. — Л.

История, 1968а. История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Т. 2. — Л.

История, 1983. История Алтая. — Учебное пособие. — Ч. 1. — Барнаул.

История, 1987. История Сибири. — Учебное пособие. — Томск

История, 1989. История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.

История, 1991. История Алтая в документах и материалах: Конец XVII — начало XX века. — Барнаул.

История, 1995. История Алтая. — Ч. 1. — Барнаул.

Каменцева, 1974. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. — М.

Карпенко, 1963. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. — Новосибирск.

Кафенгауз, 1949. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. — Т. 1. — М.-Л.

Козлов, 1981. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале: XVII — начало XX века. — Свердловск.

Контев, 1995. Контев А. В. 340 лет со дня рождения Никиты Демидова (1656—1725) // Страницы истории Алтая. 1996 г. — Барнаул.

Кужельный, 1963. Кужельный Н. М. О геологической границе между Горным и Рудным Алтаем в северо-западной части Алтая // Бюллетень научно-технической информации. — № 3 (47).

Кузин, 1961. Кузин А. А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX века. — М.

Кычанов, 1980. Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошукту-хане. — Новосибирск.

Лазарев, 1994. Лазарев Е. Алхимия в старообрядческом скиту // Наука и религия. — № 6

Летописи, 1991. Летописи Сибирские — Новосибирск.

Максимов, 1974. Максимов М. М. Очерк о серебре. — М.

- Максимов, 1977. Максимов М. М. Очерк о золоте. — М.
- Малеев, 1909. Малеев Л. Алтайский горный округ. — С.-Пб.
- Мальцев, 1982. Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. — Новосибирск.
- Миллер, 1760. [Миллер Г. Ф.] Известие о пешном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. — Январь, февраль. — С.-Пб.
- Открытие, 1952. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. — М.-Л.
- Павленко, 1951. Павленко Н. И. «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // Исторический архив. — Т. VI. — М.-Л.
- Паллас, 1786. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. — Ч. 2. — Кн. 2. — С.-Пб.
- Пензин, 1983. Пензин О. А., Черноухов А. В. Из истории классовой борьбы в первой половине XVIII в. // Рукописная традиция XVI—XIX веков на Востоке России. — Новосибирск.
- Петров, 1991. Петров П. Н. История родов русского дворянства. — Кн. 2. — М.
- Покровский, 1974. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. — Новосибирск.
- Покровский, 1983. Покровский Н. Н. Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI—XIX веков на Востоке России. — Новосибирск.
- Покровский, 1988. Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. — М.
- Полетика, 1862. Полетика И., Блинов М. История основания русских горных заводов // Памятная книжка для русских горных людей. — С.-Пб.
- Прибыткова, 1963. Прибыткова А. М. Первые металлургические заводы на Алтае (Материалы по истории промышленного строительства) // Архитектурное наследство — Вып. 15. — М.
- ПСЗ, т. III. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ). — Т. III (1689—1699 гг.) — С.-Пб., 1830.
- ПСЗ, т. V. — Т. V (1713—1719 гг.). — С.-Пб., 1830.
- ПСЗ, т. VI. — Т. VI (1720—1722 гг.). — С.-Пб., 1830.
- ПСЗ, т. VII. — Т. VII (1723—1727 гг.) — С.-Пб., 1830.
- ПСЗ, т. IX. — Т. IX (1733—1736 гг.). — С.-Пб., 1830.
- ПСЗ, т. X. — Т. X (1737—1739 гг.). — С.-Пб., 1830.
- Рожков, 1884. Рожков В. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. — Ч. 3.
- Рожков, 1891. Рожков В. Акинфий Никитич Демидов на своих Кольвановоскресенских заводах. Исторический очерк 1744-1747 годов // Горный журнал. — Кн. 8.
- Розен, 1980. Розен М. Ф. Алтай на чертежах и картах XVI—XIX вв. // Историческая картография и топонимия Алтая. — Томск.
- Розен, 1983. Розен М. Ф. Кольвань и гора Змеиная. — Барнаул.
- Савельев, 1988. Савельев Н. Я. Сыны Алтая и Отечества: Часть II. Механикус Иван Ползунов. — Барнаул.
- Скрынников, 1992. Скрынников Р. Г. Ермак. — М.
- Соболева, 1981. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв. — М.
- Соболева, 1993. Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. — М.
- Соловьев, 1992. Соловьев С. М. Об истории древней России. — М.
- Сорокин, 1992. Сорокин М. Е. Земля кузнецкая (XVII век). — Кемерово.
- Спасский, 1877. Спасский Г. И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов. — С.-Пб.
- Спасский, 1970. Спасский И. Г. Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. — Л.
- Татищев, 1979. Татищев В. Н. Избранные произведения. — Л.
- Уманский, 1968. Уманский А. П. Посольство те-

леутских князей в Москву (1658—1659 гг.) // Алтай. — № 2. — Барнаул.

Уманский, 1969. Уманский А. П. «Телеутская земля» в XVII столетии // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. — Вып. 8. — Барнаул.

Уманский, 1980. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. — Новосибирск.

Уманский, 1991. Уманский А. П. О первом походе П. Сабанского на Телецкое озеро // Географические проблемы Алтайского края. — Ч. 1. — Барнаул.

Уманский, 1993. Уманский А. П. 285 лет Бикагунской крепости // Страницы истории Алтая. 1994 г. — Барнаул

Уманский, 1994. Уманский А. П. 360 лет со времени смерти телеутского князя Абака и вокняжения Коки Абакова // Страницы истории Алтая. 1995 г. — Барнаул.

Уманский, 1995. Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. — Ч. 2. — Барнаул.

Федоров, 1961. Федоров В. Г. Тайны Невьянской башни — Свердловск.

Черноухов, 1988. Черноухов А. В. История медноламельной промышленности России XVII—XIX вв. — Свердловск.

Чупин, 1882. Чупин Н. К. Василий Никитич Татищев и первое его управление Уральскими заводами // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842—1881 гг. — Вып. 1. — Пермь.

Шакинко, 1987. Шакинко И. М. В. Н. Татищев. — М.

Шакинко, 1989. Шакинко И. М. Невьянская башня: Предания, история, гипотезы, размышления. — Свердловск.

Шишонко, 1889. Шишонко В. Н. Пермская летопись 1263—1881 гг. — 5 период. — Ч. 3 (1702—1715 гг.). — Пермь.

Шлаттер, 1760. Шлаттер И. А. Обстоятельное наставление рудному делу. — С.-Пб

Щеглов, 1993. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. — Сургут.

Щуровский, 1846. Щуровский Г. Е. Геологическое путешествие по Алтаю с историческими и статистическими сведениями о Кольвано-Воскресенских заводах. — М.

Gmetlin, 1751. Gmetin J. G. Reis durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743 — Erster Theil — Göttingen.

ПРИМЕЧАНИЯ

От авторов

1. Текст эпитафии на шмуцтителе цитируется по кн.: Гольденберг, 1965, с. 232.
2. Геология, 1967, с. 28—32, 539; Кужельный, 1963, с. 7—8.

Вместо предисловия

- 1 Спасский, 1970, с. 37, 40—44.
- 2 Спасский, 1970, с. 47—69.
- 3 Максимов, 1974, с. 60; Спасский, 1970, с. 78—80.
- 4 Спасский, 1970, с. 96—97, 107—112.
5. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными — Т. 1. — С.-Пб., 1851. — С. 165 и др., цит. по: Данилевский, 1959, с. 15; СОБ, История, с. 12—13.
6. Соловьев, 1992, с. 214; Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. — Т. 1 — С.-Пб., 1851. — С. 19, цит. по: Данилевский, 1959, с. 16; Малеев, 1909, с. 1; Кузин, 1961, с. 52.
7. Малеев, 1909, с. 1; Кузин, 1961, с. 52.
8. СОБ, История, с. 13; Кузин, 1961, с. 52—53.
9. Малеев, 1909, с. 1; Кузин, 1961, с. 52, 71.
10. Кузин, 1961, с. 53, 71; История, 1989, с. 15. Известия о разработке месторождения на р. Цильме противоречивы: по мнению Н. М. Карамзина руду «с того времени начали сами добывать и плавить и чеканить монету из русского серебра и даже золота» (СОБ, История, с. 13), однако современным историкам «такие предположения представляются сомнительными» (Данилевский, 1959, с. 16).
11. Хабаков А. В. Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России. — М., 1950. — С. 46, цит. по: Кузин, 1961, с. 71.
12. История, 1987, с. 96—97. Г. Ф. Миллер от-

носит принятие в царский титул слов «всёя Сибири» к 1563 году (Щеглов, 1993, с. 28).

- 13 Щеглов, 1993, с. 28—29
14. История, 1968, с. 372; История, 1987, с. 97—98.
15. Летописи, 1991, с. 117.
16. Щеглов, 1993, с. 30; Летописи, 1991, с. 118—119; Малеев, 1909, с. 5.
17. Соболева, 1981, с. 17—18, рис. 3, 4.
18. Скрынников, 1992, с. 53, 137; Щеглов, 1993, с. 43.
- 19 Щеглов, 1993, с. 45, 50—51
20. Уманский, 1991, с. 11—12 Документ о первом походе кузнецких казаков к Телецкому озеру хранится в РГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 10, л. 1; см. также: Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). — Т. 1. — М., 1895. Тот же архивный источник позволяет считать, что кузнецкие казаки впервые собрали дань с телесов еще в начале 1620-х годов.
21. История, 1991, с. 11—13; Уманский, 1980, с. 48—54; Уманский, 1995, с. 33—36.
22. РГАДА, ф. 214, ст. 881, ч. 1, лл. 98—100, цит. по: Кузин, 1961, с. 107.
23. Малеев, 1909, с. 8.

Глава I

1. Геннин, 1937, с. 599—600.
2. Кузин, 1961, с. 109—110.
3. АРАН, 73, лл. 235—236.
4. АРАН, 73, л. 235 об.; Геннин, 1937, с. 601, Кузин, 1961, с. 111, 113, 251.
5. АРАН, 3, л. 1.
6. АРАН, 73, лл. 250 об. — 251 об.; АРАН, 3, л. 4 об.; РГАДА, 393, л. 7 об.
- 7 Уманский, 1968, с. 123; РГАДА, 2, л. 35.
8. АРАН, 73, лл. 213—213 об.; АРАН, 3, лл. 4 об. — 5, 10 об.

9. АРАН, 73, лл. 213—213 об.; АРАН, 3, лл. 4 об. — 6, 10 об., 11 об. Этот ответ Витзена стал единственным аргументом В. Рожкова в пользу его утверждения о том, что «сведения о серебряной руде в Томской провинции, близ верховья реки Иртыша и по притокам рек Чарыша, Оби и Алея, доходили до правительства еще в последних годах XVII столетия» (Рожков, 1891, с. 340). Совершенно ясно, что автор ошибся: Витзен писал о коштакской руде, а не об алтайской. Пересказывая этот документ, В. Рожков дополнил его своим комментарием — «близ верховья реки Иртыша и по притокам рек Чарыша, Оби и Алея». К сожалению, такое голословное утверждение используется и в современных исторических исследованиях (Розен, 1983, с. 6—8; История, 1983, с. 74; История, 1995, с. 113).

10. Геннин, 1937, с. 601.
11. ПСЗ, т. III, № 1561, с. 268—270.
12. АРАН, 73, л. 249.
13. АРАН, 3, лл. 15 об. — 16.
14. АРАН, 73, лл. 244, 245 об.
15. ПСЗ, т. III, № 1561, с. 268.
16. РГАДА, 393, л. 37 об.
17. ГААК, 106, л. 4; РГАДА, 393, л. 37 об.; АРАН, 3, л. 6.
18. РГАДА, 393, лл. 37—39 об.; АРАН, 3, лл. 19 об. — 23 об.; ГААК, 106, лл. 1—5; Сорокин, 1992, с. 44—45.
19. РГАДА, 393, лл. 52—52 об.
20. АРАН, 3, лл. 24 об. — 25, 34—34 об.
21. АРАН, 73, лл. 246—250.
22. РГАДА, 393, лл. 41—47; АРАН, 3, л. 30.
23. АРАН, 3, лл. 42 об. — 51; АРАН, 73, л. 222.
24. АРАН, 73, лл. 219 об. — 221; РГАДА, 393, лл. 53, 64 об., 74 об.; ГААК, 106, лл. 3—4; Щуровский, 1846, с. 393—397.
25. АРАН, 73, лл. 223 об. — 224.
26. АРАН, 3, лл. 51 об. — 53.
27. АРАН, 3, л. 1 об.; РГАДА, 393, л. 7 об.
28. АРАН, 73, лл. 216, 221; АРАН, 3, лл. 51—51 об.; Кузин, 1961, с. 106.
29. АРАН, 3, л. 51 об.
30. Геннин, 1937, с. 601; ГААК, 82, лл. 1, 6.
31. Геннин, 1937, с. 601; Кузин, 1961, с. 120.
32. Максимов, 1977, с. 65.
33. Геннин, 1937, с. 601, 606; Максимов, 1977, с. 65; ГААК, 82, л. 3.
34. Геннин, 1937, с. 607; Кузин, 1961, с. 120, 251.
35. Максимов, 1974, с. 111; Максимов, 1977, с. 57—65

1. Кычанов, 1980, с. 12—13.

2. Златкин, 1983, с. 74—98; Кычанов, 1980, с. 16—17. Границы Джунгарского ханства к началу XVIII века (рис. 29) даны по кн.: Всемирная история. — Т. V. — М., 1958. — С. 257, 300—301.

3. Шакинко, 1989, с. 209.

4. Все сведения, приведенные в разделах 2 1 «Золотой мираж» и 2. 2 «Построить город у Ямыша озера», взяты из статьи Г. Ф. Миллера (Миллер, 1760. — Январь, с. 3—55; февраль, с. 103—142).

5. Завитухина, 1977, с. 67. В конце XVIII века сложилась легенда о том, что первым золотым изделием из сибирских курганов поднес царю не Гагарин, а Демидов. Это предание вошло в историческую литературу из книги И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (Ч. 9 — М., 1789. — С. 443), которая была издана... при материальном содействии Демидовых! (Иконников. Русская историография — Киев, 1908. — Т. 1. — С. 127, цит. по: Кафенгауз, 1949, с. 15). В качестве «достоверного источника» ссдений о подарке Демидова автор указывал на устные рассказы «почтеннейших старцев времен Петровых». Никакими архивными и музейными материалами эта легенда не подтверждается (Кафенгауз, 1949, с. 15, 161; Завитухина, 1977, с. 64).

6. Миллер, 1760, с. 42—47.

7. Миллер, 1760, с. 50—52.

8. Завитухина, 1977а, с. 41—51. Какое-то количество «могильного» золота поступало к М. П. Гагарину и из Приенисейского края (Быконя, 1981, с. 57).

9. Данилевский, 1959, с. 32.

10. Миллер, 1760, с. 46.

11. Миллер, 1760, с. 108—110.

12. Миллер, 1760, с. 128; ПСЗ, т. V, № 3284, с. 616, № 3292, с. 622.

13. Розен, 1983, с. 10.

14. М. Ф. Розен, переиздав послание Петра I контайше 1716 года, высказал предположение, что слова царя «в прошлом 1715 году повелели мы... Гагарину... в вершинах Иртышских ссыкывати ... руды» свидетельствуют о существовании особой, до сих пор не найденной грамоты Петра I «относительно поисков руд на Алтае» (Розен, 1983, с. 6—9). По нашему мнению, такой особой грамоты не было. Об алтайских рудах царь в то время мог только догадываться. В послании Петра речь идет о его указе от 22 мая 1714 года, на основании которого в 1715 году была начата военная экспедиция вверх по Иртышу (об этом же см.: История, 1995, с. 114).

15. Миллер, 1760, с. 107—110, 117.
16. Уманский, 1969, с. 41—62; Уманский, 1994, с. 81—86.
17. Миллер, 1760, с. 117—119.
18. Миллер, 1760, с. 111; Златкин, 1983, с. 228.
19. Миллер, 1760, с. 120; Уманский, 1980, с. 183—184.
20. Уманский, 1980, с. 185, 289; Уманский, 1995, с. 190—194; Булыгин, 1974, с. 15; Веселовский Н. И. Посольство зюнгорскому хун-гайджи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. // Записки Русского Географического общества по отделению этнографии. — Т. X. — Вып. 2. — С.-Пб., 1887. — С. 123, 136, цит. по: Уманский, 1995, с. 192—193.
21. Миллер, 1760, с. 127—141
22. ПСЗ, т. V, № 3284, с. 616.
23. Завитухина, 1977, с. 68.
24. Миллер, 1760, с. 9—11; Шакинко, 1989, с. 62—67, 210.

Глава 3

1. Уманский, 1993, с. 63—72.
2. Уманский, 1980, с. 184—185.
3. Булыгин, 1995, с. 39.
4. Демин, 1989, с. 9—10; Шакинко, 1989, с. 189.
5. РГАДА, 12, л. 136; Булыгин, 1989, с. 18.
6. Малеев, 1909, с. 10.
7. ГАСО, 22, л. 5.
8. Малеев, 1909, с. 10.
9. Малеев, 1909, с. 10.
10. В рукописи генерала Веймарна (1766 г.) поездка Степана Костылева на Алей, которую он совершил с Михаилом Волковым, и обнаружение ими алтайских медных руд, отнесены к 1720 году (ГААК, 65, л. 2); Шакинко, 1989, с. 216. Очевидно, это заблуждение исходит от самого Степана Костылева, который в своем доюшении 1734 г. по ошибке указал: «В прошлом 1720-м году в Томском уезде обыскал я, нижайший, с товарищи моими выше Томска по Обе и по Алею рскам в Алейских горах в шести местах медные руды» (РГАДА, 12, л. 137). Другие подробности этого рассказа не оставляют сомнений в том, что экспедиция состоялась до 1720 года.
11. РГАДА, 12, л. 137; см. также: ГАСО, 22, л. 5; Малеев, 1909, с. 12.
12. Рожков, 1884, с. 281; Открытие, 1952, с. 85—108 (По данным авторов М. Волков был крепостным крестьянином. Об этом же см.: Зворыкин А. А. Первооткрыватели каменноугольных бас-

- сейнов СССР. — М., 1950); История, 1991, с. 24—25; РГАДА, 12, л. 136.
13. Малеев, 1909, с. 10; РГАДА, 12, л. 137
14. ПСЗ, т. V, № 3464, с. 760.
15. ПСЗ, т. V, № 3378, № 3380, с. 708—709.
16. Соболева, 1981, с. 41.
17. Малеев, 1909, с. 11.
18. Малеев, 1909, с. 10.
19. Чупин, 1882, с. 49—50. Биографию И. Ф. Блюэра см.: Горный журнал. — 1828. — Кн. 6. — С. 97—128.
20. Малеев, 1909, с. 10; Полетика, 1862, с. 205—208; Рожков, 1884, с. 97.
21. Малеев, 1909, с. 22.
22. ГАСО, 22, л. 6 об
23. Малеев, 1909, с. 10—11.
24. ГАСО, 22, л. 6 об.; Чупин, 1882, с. 50.
25. Рожков, 1884, с. 98—100; История, 1989, с. 296.
26. Рожков, 1884, с. 281, Рожков, 1891, с. 341; Кузин, 1961, с. 173, 183.
27. Рожков, 1884, с. 281.
28. Малеев, 1909, с. 13; Рожков, 1884, с. 281.
29. Рожков, 1884, с. 281—282.
30. Рожков, 1891, с. 341, 351—352. Загадочное исчезновение Инютина и раньше пытались связать с началом разведки демидовскими рудознателями алтайских месторождений меди. За сто с лишним лет до Рожкова генерал Веймарн в рукописи 1766 г. уже утверждал, что впервые о найденных Костылевым медных рудах Акинфий Демидов узнал от безжавшего плавильного мастера Инютина, которому заводчик гарантировал «защитение и укрывательство в своих деревнях» (ГААК, 65, лл. 3—3 об.). Про серебряные самородки чаусских жителей генерал Веймарн, в отличие от Рожкова, ничего не придумывал.
31. Шакинко, 1989, с. 216.
32. РГАДА, 12, л. 137.
33. РГАДА, 12, л. 137 об.; ГААК, 65, л. 2 об
34. РГАДА, 12, л. 137.
35. ГАСО, 22, л. 7 об
36. ГАСО, 22, л. 6 об
37. Чупин, 1882, с. 64.
38. ГАСО, 22, лл. 6 об — 7.
39. СОБ, История, с. 29.
40. Чупин, 1882, с. 50.
41. РГАДА, 12, л. 137 об.; ГАСО, 22, лл. 6 об. — 7; Чупин, 1882, с. 64.
42. ГАСО, 22, лл. 5—5об., 7 об.
43. РГАДА, 12, л. 137 об.; Малеев, 1909, с. 11—12.
44. ГАСО, 22, л. 8.
45. Пауль Прифцен увидел «славный Алтай Ка-

мень» только два года спустя, когда в составе русского посольства был отправлен в Джунгарию (СОБ, История, с. 44. Автор ссылается на Горный журнал. — 1884. — № 7; см. также: Открытие, 1952, с. 100—101).

46. ГАСО, 22, л. 7; РГАДА, 12, л. 137 об.
47. Кафенгауз, 1949, с. 86.
48. Кафенгауз, 1949, с. 163; Спасский, 1877, с. 53; Васин, 1912, с. 19; Шакинко, 1989, с. 34, 214.
49. Кафенгауз, 1949, с. 156, Спасский, 1877, с. 24, 68—78. Судя по тексту надгробия, сочиненному Акинфием Демидовым, его отец был «пожалован Имьиным указом в Коммисары» 1 января 1708 года (там же, с. 57).
50. Геннин, 1937, с. 39.
51. РГАДА, 12, л. 137 об.; Открытие, 1952, с. 96. В 1724 году Берг-коллегия разбирала жалобу, поданную на рудоискателя Михаила Волкова (Открытие, 1952, с. 87, 107).
52. РГАДА, 12, л. 138; Шакинко, 1989, с. 217, 246—247.
53. Полетика, 1862, с. 209; Малеев, 1909, с. 12; Геннин, 1937, с. 14.
54. Анисимов, 1994, с. 8
55. Геннин, 1937, с. 14-16; Полетика, 1862, с. 210—212.
56. Геннин, 1937, с. 39—40; Кафенгауз, 1949, с. 165.
57. РГАДА, 12, л. 138; ГАСО, 22, лл. 5—6, 9—10; Малеев, 1909, с. 12.
58. РГАДА, 12, л. 138; Малеев, 1909, с. 14; ГААК, 65, л. 4. По сведениям Веймарна, артель насчитывала 18 человек.
59. Малеев, 1909, с. 12—13.
60. РГАДА, 12, л. 138 об., Малеев, 1909, с. 14.
61. РГАДА, 12, л. 138 об., ГААК, 65, л. 4. По сведениям Л. Малеева, пробную плавку провел в 1726 году в Петербурге Иван Шлаттер (Малеев, 1909, с. 14, 16, 18).
62. Малеев, 1909, с. 10, 14—15.
63. РГАДА, 12, л. 138 об.
64. ПСЗ, т. V, № 3464, с. 760.
65. Малеев, 1909, с. 14, 18.

Глава 4

1. Петров, 1991, с. 246; Демидовы, 1992, с. 7.
2. Кафенгауз, 1949, с. 90, 100, 103.
3. Шишонко, 1889, с. 424.
4. Кафенгауз, 1949, с. 100.
5. Спасский, 1877, с. 64, 67; Федоров, 1961, с. 8, 29; Шакинко, 1989, с. 25, 43.
6. ПСЗ, т. V, № 3464, с. 760—762.

7. РГАДА, 131, л. 1
8. ПСЗ, т. V, № 2746, с. 73.
9. Спасский, 1877, с. 65—66.
10. История, 1989, с. 188—189; Кузин, 1961, с. 58—59.
11. СОБ, История, с. 30—31.
12. Кафенгауз, 1949, с. 156—157.
13. Геннин, 1937, с. 36; Рожков, 1891, с. 349
14. Геннин, 1937, с. 618—619; Рожков, 1891, с. 349.
15. Герман, 1797, с. 233—234.
16. Щеглов, 1993, с. 120.
17. РГАДА, ф. Демидовых, д. 104, лл. 86—88, цит по: Кафенгауз, 1949, с. 168; РГАДА, 131, лл. 1—4.
18. РГИА, 12, л. 1; Спасский, 1877, с. 30, Розен, 1983, с. 12—13; Рожков, 1891, с. 348—349.
19. Шакинко, 1989, с. 224; Покровский, 1974, с. 12.
20. Лазарев, 1994, с. 16—17. Подробнее об этом см.: Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. — С.-Пб., 1862.
21. Шакинко, 1989, с. 233—234; Глаголева, 1950, с. 174, 189.
22. Покровский, 1974, с. 41; Шишонко, 1889, с. 52—53.
23. Дергачева-Скоп, 1973, с. 45—46, 51; Шакинко, 1989, с. 242—243
24. Покровский, 1983, с. 64.
25. Мальцев, 1982, с. 230—231, 234, 240; Покровский, 1988, с. 149; Покровский, 1983, с. 69.
26. Мальцев, 1982, с. 238; Покровский, 1974, с. 54; Покровский, 1983, с. 69. Цифра погибших, безусловно, многократно преувеличена, поскольку известно, что в 1719 г. деревня Елунина состояла всего из трех дворов (История, 1991, с. 27. Сведения относятся к дер. Елунина на р. Улыбердь). В Верхнем Приобье существовало несколько деревень под названием Елунина. Две ближайшие к деревне Язвой на Чумыше располагались: одна на реке Улыбердь (приток р. Тальменки), вторая — напротив устья р. Чумыш на левом берегу Оби, но существование последней в 1723 году документально не подтверждено.
27. Шакинко, 1989, с. 246—247.
28. Дергачева-Скоп, 1973, с. 48—49; ГААК, 25, лл. 45, 46. В современной исторической литературе фамилии XVIII века, оканчивающиеся на «-цов» пишутся через «с». Следуя этой традиции, мы называем Украинцова Украинцевым, Кудрявцова Кудрявцевым и т. д.
29. Покровский, 1983, с. 70.
30. Дергачева-Скоп, 1973, с. 48—49.
31. Беликов, 1898, с. 32; Булыгин, 1889, с. 19.

32. Великов, 1898, с 33; ГААК, 63, л. 18 об. Это сочинение легло в основу «Исторического известия о Кольвано-Воскресенских заводах», изданного И. Ф. Германом (1797, с. 230—255).

33. Дергачева-Скоп, 1973, с. 48—49; Покровский, 1983, с. 64, 70.

34. Шакинко, 1989, с. 247—248. Следует, однако, учитывать, что автор цитирует не подлинное доношение, а пересказ его содержания в документе более позднего времени.

35. ГААК, 25, л. 47.

36. РГАДА, 12, л. 139.

37. ГАСО, 772, л. 36 об.; ГААК, 24, л. 36 об. По сведениям Ю. С. Булыгина, во время первой переписи 1719 года в деревне Сорокиной вedomства Бердского острога проживал двадцативосьмилетний «казачий сын Матвей Устюженин» (РГАДА, ф. 214, кн. 1611, л. 181). В списках жителей Верхнего Приобья, составлявшихся в 1735—1737 гг., ни Матвей Устюженин, ни Матвей Кудрявцев не значатся, несмотря на то, что факт проживания Кудрявцева в чарышских «Демидова деревнях» в первой половине 1730-х годов не подлежит сомнению. Вместе с тем Ю. С. Булыгиным найден документ о Матвее Дмитриевиче Кудрявцеве, семидесятилетнем жителе деревни Телеутской на Оби, который в 1745 году попал в дополнительный список раскольников (ГААК, фд. 1, оп. 1, д. 66, л. 26 об.). В конце 1750-х гг. в той же деревне были учтены Василий Матвеевич Кудрявцев и его брат Петр (ГААК, фд. 169, оп. 1, д. 221, л. 283; фд. 1, оп. 1, д. 273, л. 208 об.). Ю. С. Булыгину по архивным материалам удалось проследить, что братья Кудрявцевы прибыли в Телеутскую из вedomства Бердского острога, куда переселились из «Ишимского дистрикта Коркиной слободы».

38. Розен, 1983, с. 90; Пензин, 1983, с. 186, 188, БАН, 112.

39. Gmelin, 1751, S. 249—261, цит. по: Кафенгауз, 1949, с. 241.

40. БАН, 336; АРАН, 39/65; Гнучева, 1946, с. 286

41. РГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 68, лл. 1—2 об., цит. по: Покровский, 1974, с. 156—157. Возможно, речь идет о «гари» в дер. Тугозюновой (ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 152, лл. 15—16, цит. по: Булыгин, 1974, с. 61).

42. Gmelin, 1751, S. 256—258.

43. В рукописи генерала Веймарна (1766 г.) указывается, что Степан Костылев и Михаил Волков в 1720 году нашли медные руды «в местах, лежащих над рекою Алеюю и между оной и реки ж Чарыша» (ГААК, 65, л. 2). Возможно, приведенная фраза является произвольным и неточным пересказом доношения Степана Костылева, в котором о Чарыше нет ни слова (РГАДА, 12, лл. 137—139 об.).

44. Булыгин, 1974, с. 29.

45. ГААК, 65, л. 3 об.

46. ГАСО, 772, л. 154, ГААК, 24, лл. 135, 142.

Для полной уверенности в правильности отождествления рудоискателя Леонтия Останина с жителем деревни Кабановой пока все же нет оснований. Нельзя исключать случайное совпадение имен и фамилий разных людей.

47. Герман, 1797, с. 234; ГААК, 63, л. 18 об. Автором этого труда по истории Кольвано-Воскресенских заводов, вероятно, был горный офицер Семен Поспелов.

48. Конев, 1995, с. 30

49. Шиншонко, 1889, с. 97; Кафенгауз, 1949, с. 231

Глава 5

1. РГАДА, 131, л. 1 об.

2. Кафенгауз, 1949, с. 166—167.

3. РГАДА, 131, лл. 1—3 об.

4. РГАДА, 131, лл. 8—9 об., Кафенгауз, 1949, с. 168—169.

5. РГАДА, 131, лл. 10—13.

6. Граница между Томским и Кузнецким уездами была установлена в 1717 году распоряжением сибирского губернатора М. П. Гагарина «от устья реки Берди да на вершину реки Торсмы, и тое рекой Торсмою вниз до реки Уеня, и через реку Уень на реку Точь, на устье реки Унгги». Документ об этом обнаружен Ю. С. Булыгиным в фондах РГАДА (ф. 1134, оп. 1, д. 8, 1717 год, л. 8); ПСЗ, т. VII, № 4916, с. 670—671.

7. ГАСО, 124, л. 1; Герман, 1797, с. 236; Генин, 1937, с. 623.

8. История, 1991, с. 33—34; Шакинко, 1989, с. 248; Малеев, 1909, с. 18. На карте земель «Тобольской провинции города Кузнецка», составленной в 1729 г., бассейн Алея и Чарыша уже назван «дистриктом к новозаведенному... [Демидова] заводу» (Розен, 1980, с. 42), то есть административно эта территория приравнивалась к Томскому и Кузнецкому дистриктам.

9. РГАДА, 131, лл. 18, 22—22 об.

10. РГБ, 6693, лл. 83, 94—94 об.

11. РГАДА, 131, лл. 12 об. — 14 об.; РГБ, 6693, л. 83.

12. Савельев, 1988, с. 132—133.

13. РГАДА, 131, л. 4. В этом списке Шлаттером перечислены результаты девяти пробных плавок «медных сибирских руд, которые Демидов привез» (Помимо проб с уже упоминавшихся восьми мест (РГАДА, 131, лл. 2—3 об.), в него включена и проба

руды, найденной «1724-го года сентября 15 дня». Вероятно, этот образец был взят с одного из тех же восьми месторождений; РГБ, 6693, лл 81 об, 104.

14. ГААК, 65, л. 6 об.; РГАДА, 131, л. 3 об. Сообщение Шлаттера о результатах плавки датировано 21 февраля, однако проба могла быть выполнена и ранее.

15. Спасский, 1877, с. 76.

16. Чупин, 1882, с. 51.

17. РГАДА, 131, лл. 24—24 об.

18. Малеев, 1909, с. 18.

19. Кафенгауз, 1949, с. 89, 90, 95—96.

20. Кафенгауз, 1949, с. 163—164; Спасский, 1877, с. 24, 55, 85, Шакинко, 1989, с. 23.

21. Кафенгауз, 1949, с. 169, 497.

22. Спасский, 1877, с. 84—88; Шипонко, 1889, с. 53, 111.

23. Шипонко, 1887, с. 53; Демидовы, 1992, с. 7. Документы свидетельствуют, что фамилию «Демидов» Акинфий носил и до возведения в дворянство (РГАДА, 131, лл. 6, 17 и др.).

24. ПСЗ, т. V, № 2789, с. 91—94, Кафенгауз, 1949, с. 166—167.

25. РГАДА, ф. 286, оп. 2, кн 39, л. 87, цит. по: Соболева, 1981, с. 22; Соболева, 1993, с. 48—49; Драчук, 1977, с. 41.

26. Петров, 1991, с. 249.

27. Каменцева, 1974, с. 52; Петров, 1991, рис на с. 248; Соболева, 1993, с. 48—49.

28. Агрикола, 1962, с. 53—55; Шлаттер, 1760, с. 26—27.

Глава 6

1. РГБ, 6693, лл. 81-83 об.; Актовые источники, 1993, с. 204, № 97. Вероятно, сам Акинфий Демидов получил текст своей берг-привилегии именно в виде этого указа от 24 февраля 1726 года.

2. Малеев, 1909, с. 16—17.

3. ГАНО, История, с. 1—28; РГАДА, 22. В рукописи на латинском языке, переведенной А. Суховым в 1931 г., автор не указан. Этот подлинник хранится в «портфелях Миллера», но, по авторитетному мнению Л. П. Белковец, принадлежит перу И. Г. Гмелина (Белковец, 1975, с. 25—26).

4. ГАНО, История, с. 2. Слово «miles» («воинский»), переведенное А. Суховым как «горный офицер», по нашему мнению означает «солдат».

5. В известном нам доношении Костылева месяц приезда к нему демидовских приказчиков не указан (РГАДА, 12, л. 138 об.). Однако генерал Веймарн, использовавший другие документы, писал, что это произошло «1726 году в июне месяце (как то рудо-

искатель Костылев показал)» — см. ГААК, 65, л. 5 об.; Шакинко, 1989, с. 271—272.

6. ГАНО, История, с. 2.

7. ПСЗ, т. V, № 3464, с. 761.

8. ГААК, 24, л. 131 об.; ГАСО, 772, л. 150 об.

9. РГАДА, 12, л. 138 об.

10. ГАНО, История, с. 2—3.

11. ГААК, 65, лл. 6—6 об. Проба названа февральской по дате на «ведомости» Шлаттера.

12. Кафенгауз, 1949, с. 163

13. ГАНО, История, с. 3; История, 1991, с. 33

14. ГАНО, История, с. 3, ГАСО, 772, лл. 36 об., 150 об.

15. ГАНО, История, с. 3; История, 1991, с. 33.

16. Герман, 1797, с. 235; ГААК, 65, л. 8.

17. ГААК, 65, л. 7.

18. ГАСО, 124, л. 1.

19. ГАСО, 124 «Дело о посылке Клеопина для постройки в Томском уезде медных заводов Демидова. 6 апреля — 25 мая 1727 г.», л. 1. Л. Малеев датирует этот документ 1726 годом (Малеев, 1909, с. 17—18), что явно ошибочно.

20. Геннин, 1937, с. 79; ГААК, 65, л. 7, ГААК, 24, л. 36 об. Рожков того же специалиста ошибочно называет «саксонский плавильщик Георги» (Рожков, 1891, с. 342)

21. Козлов, 1981, с. 53; Чупин, 1882, с. 73—74. Геннин, 1937, с. 80.

22. Полетика, 1862, с. 228; Козлов, 1981, с. 53

23. Козлов, 1981, с. 53, Герман, 1797, с. 235.

24. ГАСО, 916, л. 9.

25. Малеев, 1909, с. 15; История, 1983, с. 75—76.

26. Чупин, 1882, с. 72.

27. ПСЗ, т. VII, № 5163, с. 863—865; Боролаев, 1995, с. 29—32.

28. Описанный указ касался не только Акинфия Демидова. В 1727 году разрешение на разработку медных месторождений в Красноярском уезде получил енисейский посадский Андрей Соколовский. Однако этот предприниматель из-за недостатка средств так и не смог начать полномасштабное медеплавильное производство (Быконя, 1981, с. 76; Черноухов, 1988, с. 49—50).

29. ГАНО, История, с. 3; История, 1991, с. 31, ГААК, 65, л. 7. По сведениям И. Ф. Германа, на заводе имелось две плавильные печи (Герман, 1797, с. 234).

30. Виргинский, 1968, с. 26; Виргинский, 1955, с. 19, 35

31. ГАСО, 772, лл. 36 об., 147; ГААК, 24, лл. 32, 128, 160. О крестьянине-рудознатце Федоре Головине, открывшем месторождение меди поблизости

от Певьянского завода А. Демидова, упоминает Геннин (1937, с. 614).

32. ГАНУ, История, с. 4. С этого же времени в официальной переписке появляется название «Кольванские медные заводы» (История, 1991, с. 34—35). Документы 1726—1727 гг., в которых алтайские предприятия Демидова назывались бы Кольванскими, нам пока не известны.

33. Алтайский краевой краеведческий музей, основной фонд, № 239.

34. Розен, 1983, с. 20.

35. ГААК, 47, лл. 4—4 об.; ГААК, 63, л. 21. С Паллас, побывавший на Кольвано-Воскресенском заводе в 1771 году, и, возможно, еще заставший кого-то из демидовских первопроходцев, в своих путевых записках указывал правильную дату начала российского горно-металлургического производства на Алтае. «Первое заведение положено в 1727 году у подошвы Синей сопки, на взгорье оной, Кочыван называемом» (Паллас, 1786, с. 312).

36. Виргинский, 1968, с. 155.

37. 250 лет, 1977, с. 2.

38. ГАНУ, История, с. 5.

39. История, 1991, с. 34.

40. ГАНУ, История, с. 6; История, 1991, с. 34.

41. Малеев, 1909, с. 18—19.

42. РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 15, л. 376. Этот документ см.: История, 1991, с. 35.

43. Герман, 1797, с. 235.

44. История, 1991, с. 34—35; ГАСО, 903, л. 504; Герман, 1797, с. 235.

45. Пензин, 1983, с. 179—188; История, 1991, с. 36—38.

46. ГАСО, 903, лл. 374—375; РГАДА, 137, л. 170, История, 1991, с. 32. По И. Г. Гмелину шлавка началась 20 сентября (ГАНУ, История, с. 7), И Ф. Герман приводит иную дату пуска завода — 9 сентября (Герман, 1797, с. 235).

47. История, 1991, с. 36—38; БАН, 473. Заглавие обозначено на обороте чертежа: «Territoire de la ville de Kouznets et fabrique de cuivre de Demidow, appellee Woskrescenskie Zavody, dans le gouvernement de Siberie». Карта датируется 1729 годом. М. Ф. Розен приводит ее русское название: «Ландкарта Сибирской губернии от Тобольской провинции города Кузнецка з дистриктом к новозаведенному Воскресенскому заводу» (Гнучева, 1946, с. 16; Розен, 1980, с. 42). Известна черно-белая копия этой цветной карты П. Чичагова, выполненная его современником Втором Чекиным (БАН, 112). Ее фрагмент публикуется в книге.

48. ГАНУ, История, с. 6—7; Герман, 1797, с. 234; История, 1991, с. 32.

49. Малеев, 1909, с. 19.

50. РГАДА, 137, л. 215 об.; ГАСО, 1127, лл. 374—375.

51. ГАНУ, История, с. 6. 7. По сведениям Германа, Клеопин построил новый завод «с четырьмя плавленными печами» (Герман, 1797, с. 235).

52. ГАНУ, История, с. 7; ГААК, 65, л. 7.

Глава 7

1. ГААК, 47, л. 5.

2. Шакинко, 1989, с. 248—249.

3. ГААК, 25, л. 47.

4. Шакинко, 1989, с. 251, 254.

5. Дергачева-Скоп, 1973, с. 48.

6. ГАСО, 772, л. 150 об., ГААК, 24, л. 131 об.; Gmelin, 1751, S. 256.

7. Кафенгауз, 1949, с. 95—96, 339, 497—498; РГАДА, 137, лл. 141 об. — 142.

8. История, 1991, с. 49.

9. Кафенгауз, 1949, с. 122—124, 354.

10. Булыгин, 1974, с. 41—42; История, 1991, с. 49; ГАСО, 772, лл. 144—154 об.; БАН, 336.

11. Паллас, 1786, с. 312, ГАНУ, История, с. 6; История, 1991, с. 49; ГААК, 24, лл. 138—138 об.

12. РГАДА, 131, лл. 11, 17 об.—18; ГААК, 65, л. 5.

13. ГААК, 65, лл. 8—8 об.

14. ПСЗ, т. VII, № 4533, с. 311; ПСЗ, т. X, № 7548, с. 451; Дружинин, 1946, с. 48—50.

15. Булыгин, 1974, с. 27.

16. ГААК, 65, л. 8 об.

17. ГААК, 28, л. 420 об., Булыгин, 1974, с. 43.

18. ПСЗ, т. VII, № 4533, с. 313, ГАНУ, История, с. 24—25.

19. Gmelin, 1751, цит. по. История, 1983, с. 77.

20. ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 293.

21. ГАНУ, История, с. 23—25; ГАСО, 486, лл. 6 об., 11.

22. ГАНУ, История, с. 7—28. Во время путешествия по Сибири Гмелин встречался не только с алтайскими первопроходцами А. Демидова, но и с Н. Г. Клеопиным (Черноухов, 1988, с. 49); РНБ, Геннин, лл. 325—340; Геннин, 1937, с. 623—629.

23. Приводимый на рисунке 79 план Кольвано-Воскресенского завода из рукописной книги Геннина (РНБ, Геннин, л. 331) является копией опубликованного А. М. Прибытковой архивного чертежа, косвенно датированного 1732 годом (Прибыткова, 1963, с. 125—127, рис. 2). Известен еще один план Кольвано-Воскресенского завода, составленный в 1732 году Гордеевым (ГАСО, 1722). «План Кольвано-Воскресенского Демидова завода», хранящийся в РГАДА, датирован 1733 годом (РГАДА, фонд Берг-

коллегии, оп. 6, папка 2025, л. 59, цит. по : Карпенко, 1963, с. 56). К какому году относится чертеж, опубликованный в «Истории Сибири» (История, 1968а, с. 229), точных сведений нет. Предположительно его можно датировать временем не позднее 1734 года.

24 ГАНУ, История, с 21—22; Паллас, 1786, с 313.

25. ГАНУ, История, с. 7, 24.

26. ГААК, 65, л. 7.

27. ГАНУ, История, с 14, Шакинко, 1989, с 254.

28. ГАСО, 772, л. 36 об.; ГААК, 24, л. 36 об., ГАНУ, История, с 8, 9, 23. К сожалению, имени металлурга, посланного в 1733 г. Сибирским горным начальством на Алтай, И. Г. Гмелин не называет.

29 ГАНУ, История, с. 21—28 По другим источникам продажная цена меди государству в тот период составляла 6 рублей 50 коп. за пуд (РГАДА, ф. 271, д. 854, л. 89, цит. по: РГБ, Сорокин, с. 58) или 6 рублей за пуд (ГААК, 65, л. 14 об.; Павленко, 1951, с 205) Распространенный в краеведческой литературе тезис об убыточности алтайской меди для Демидова (Бородавкин, 1995, с. 115) документально не подтверждается.

30. ГАСО, 687, л. 4 об.

31. Рожков, 1891, с. 343.

32. Рожков, 1891, с. 343.

33. РГАДА, 137, л. 170 об.

34. Рожков, 1891, с. 343. На каком из уральских предприятий А. Демидова очищали алтайскую «черную» медь в 1730—1734 гг. из документов пока не ясно. Выплавка меди велась на трех его заводах — Нижнетагильском, Выйском и Суксунском, из которых два первых были железоделательными. На Певьянском заводе также в основном производилось железо, хотя там имелась и «медеплавильная аппаратура» (Кафенгауз, 1949, с. 192—193)

35. ГАНУ, История, с. 9.

36. Геннин, 1937, с. 625—626.

37. Кафенгауз, 1949, с. 199.

38. Геннин, 1937, с. 625. В. Н. Татищев указывал значительно меньшую сумму расходов Демидова: с 1726 по 1735 гг. — 42. 428 рубля 33 $\frac{1}{4}$ копейки

(Малеев, 1909, с. 23). В итоговую цифру алтайской чистой меди (8. 000 пудов) Геннин, вероятно, не включил металл, выплавленный на Кольвано-Воскресенском заводе в 1734 году, так как он еще не был доставлен на Урал.

39. Геннин, 1937, с. 614.

40 Баранов, 1875, с. 335, № 4860, № 4863; Татищев, 1979, с 18.

41. Малеев, 1909, с 20. В очерке Л. Малеева этот документ датирован 13 февраля 1734 года. Это явно ошибочно, поскольку в своем письме В. Н. Татищев ссылается на указ императрицы от 12 марта Очевидно, письмо писалось 13 марта 1734 года

42. Соболева, 1981, с. 55-60, 207; АРАН, 207, лл. 121 об. — 122, 126. Описание и рисунок герба Томского полка, утвержденного 8 марта 1730 года, см. в книге: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. — Ч 2 — С.-Пб., 1899. — С. 115, рис. 258.

43. ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 290—296, История, 1991, с 38

44. История, 1989, с 297

45 ГААК, 65, лл 7—7 об.

46. РГАДА, 12, лл 139-139 об.

47. Малеев, 1909, с 20—21, ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 290; РГАДА, 12, лл. 137—139 об.; Шакинко, 1989, с. 272—274.

48. Малеев, 1909, с 20—21 По мнению Веймарна, Татищев в то время «о содержании в тамошних рудах серебра и золота» подлинных известий еще не имел (ГААК, 65, л. 10 об.).

49. РГАДА, 12, лл 136, 139 об.

50. Шакинко, 1989, с 274.

51. Малеев, 1909, с 20—21.

52. ГАСО, 772, лл. 222, 402 об.; ГААК, 24, л 150 об.

53. ГАНУ, История, с. 25—26

54. РГАДА, 12, л. 136; Бульгин, 1989, с. 19.

55. Шакинко, 1987, с. 39; Шакинко, 1989, с 259; Рожков, 1884, с. 273.

56. Златкин, 1983, с. 238—239, 244, 249—252.

57. ГАСО, 486, лл. 1—3, ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 294.

58. ГАСО, 486, лл. 6—46.

59. ГААК, 24, л 149 об.; ГАСО, 772, лл 401—401 об.; Шакинко, 1989, с 274 Демидовское предприятие стало считаться «в казенном содержании» с 1 января 1735 года На этом основании возникло ошибочное предположение о том, что Угримов прибыл на Алтай в конце 1734 года (Государственный исторический музей, Отдел письменных источников, ф. 395, д. 71, л. 66, цит. по: РГБ, Сорокин, с 56, 60). На самом деле, как выяснилось в одном из документов, все бухгалтерские ведомости были «сочинены с начала 735-го года января с 1-го числа, и которые в январе и феврале от Демидовых прикащиков до команды были расходы, оные приняты на счет казенной» (ГААК, 24, л. 158), поскольку это упрощало учет денег и припасов.

60. ГААК, 24, лл. 30 об., 152 об.

61. ГАСО, 486, лл. 3, 56—59.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рисунки в тексте

- Рис 1 Горная страна Алтай — 4
- Рис 2 Карта хребтов Горного и Рудного Алтая — 5
- Рис 3 Алтайский горный округ в начале XX века — 7
- Рис 4. Алтайский край в 1996 году — 8
- Рис 5. Златник киевского князя Владимира Святославича. Чеканка конца X века — 13
- Рис 6. Сребреник Ярослава Мудрого. Чеканка начала XI века — 13
- Рис 7. Серебряная денга московского князя Дмитрия Ивановича Донского. Чеканка 1370-х — 1380-х годов — 14
- Рис 8. Серебряная денга московского князя Ивана III. Чеканка второй половины XV века — 14
- Рис 9. Великий князь Иван III (1440—1505), государь всея Руси — 15
- Рис 10. Чеканка новых серебряных монет в Москве в середине 1530-х годов — 16
- Рис 11. Подвластные народы приносят дань правителю Сибирского ханства. Миниатюра из русской летописи — 17
- Рис 12. Царь Иван IV Грозный (1530—1584). Портрет XVI века — 18
- Рис 13. Государственная печать Ивана Грозного (с документа 1583 г) — 19
- Рис 14. Ермак, изображенный художником начала XIX века — 20
- Рис 15. Казачий атаман Ермак Тимофеевич. Рисунок конца XVII века — 20
- Рис 16. Герб Сибирского царства (вторая четверть XVIII века) — 22
- Рис 17. Герб Сибирский (вторая половина XVII века) — 22
- Рис 18. Печать царства Сибирского (XVII века) — 22
- Рис 19. Царь Алексей Михайлович (1629—1676) — 23
- Рис 20. Фрагмент карты конца XVII века «Чертеж грани Кузнецкого города с уездами» — 24
- Рис 21. Герб города Нерчинска — 29
- Рис 22. Фрагмент карты Томского уезда, на которой отмечено Коштакское месторождение серебра (1701 г.) — 30
- Рис 23. Николаас Витзен (1641—1717), известный голландский географ — 31
- Рис 24. Царь Петр I в возрасте двадцати пяти лет — 33
- Рис 25. «Город Томской». Рисунок с карты начала XVIII века — 37
- Рис 26. Эскиз знамени. Карандашный рисунок Петра I из его записной книжки (1701 г.) — 39
- Рис 27. Нерчинский завод около реки Аргунь в Забайкалье — 41
- Рис 28. Серебряная медаль в честь Нинитадтского мира, положившего конец Северной войне со Швецией (1721 г.) — 43
- Рис 29. Джунгарское ханство в начале XVIII века — 47
- Рис 30. Калмык. Гравюра из книги Н Витзена конца XVII века — 48
- Рис 31. Калмык на верблюде направляется в Тобольск. Миниатюра из русской летописи — 49
- Рис 32. Начало проекта одного из указов, собственноручно написанных Петром I — 50
- Рис 33. Золотая поясная пластина из древнего захоронения. находка сибирских бугровцев — 51

Рис. 34 Русская Ямышевская крепость на правом берегу р Иртыш — 52

Рис. 35 Золотые поясные бляхи-застежки из кургана второй половины I тыс до н э., раскопанные сибирскими бугровщиками — 53

Рис. 36. Петр Великий (1672—1725). С портрета К. Моора 1717 года — 54

Рис. 37. «Камень Великий Алтай» и текущие с него реки. По русской карте первой четверти XVIII века — 55

Рис. 38 «Телеутская земля» на рубеже XVII—XVIII веков — 57

Рис. 39 Падение китайского отряда на монгольский лагерь — 59

Рис. 40. Древние орудия горного дела из «чуждских копей» Алтая — 65

Рис. 41. Сибирские бугровщики, раскапывающие древний курган — 66

Рис. 42. Печать Сибирской губернии. 1710 год — 70

Рис. 43. Автограф Иоганна Фридриха Блюэра — 71

Рис. 44. Князь Алексей Михайлович Черкасский (1680—1742) — 72

Рис. 45. Автограф Василия Никитича Татищева — 76

Рис. 46. Никита Демидович Антуфьев (Демидов) — основатель знаменитого рода горнопромышленников (1656—1725) — 78

Рис. 47 Герб Тулы — 79

Рис. 48. Генерал-лейтенант Георг Вильгельм де Геннин (1676—1750) — 82

Рис. 49. Герб Екатеринбурга — 84

Рис. 50. Золотая чапа, принадлежащая Демидовым — 89

Рис. 51. Клеймо демидовского железа — «Старый соболю» — 89

Рис. 52. Пупки и ядра, изготовленные на Невьянском заводе — 90

Рис. 53. Академик Петербургской Академии наук Бенедикт Франц Иоганн Герман (1755—1815) — 93

Рис. 54. Выговское общежительство в конце XVIII века — 97

Рис. 55. Клеймо с чугунной пушки, изготовленной в 1711 г. на государственных Олонецких заводах — 98

Рис. 56. Старообрядец — 102

Рис. 57. Лстовка — 102

Рис. 58. Фрагмент карты Верхнего Приобья, изготовленной для Г. Ф. Миллера. Публикуется впервые — 104

Рис. 59 Карта-схема предполагаемых районов поиска чаусских рудознатцев и демидовских «олонецких стариков» в 1723—1725 годах — 108

Рис. 60 Оружейный железоделательный завод на Урале — 112

Рис. 61. Императрица Екатерина I (1684—1727) — 117

Рис. 62. Первый президент Берг-коллегии Яков Виллимович Брюс (1670—1735) — 118

Рис. 63. Автограф Ивана Андреевича Шлаттера — 122

Рис. 64. Акинфий Демидов (1678—1745) — 126

Рис. 65. Граф Франциск Санти (1683—1758) — 129

Рис. 66. Семейный герб дворян Демидовых: пожалованный в 1726 году и два его позднейших варианта — 130

Рис. 67. Лозоходцы — 131

Рис. 68. Академик Иоганн Георг Гмелин (1709—1755) — 135

Рис. 69. Александр Данилович Меншиков (1673—1729) — 137

Рис. 70. Малолетний император Петр II (1715—1730) — 143

Рис. 71. Памятник на месте первого демидовского завода на Алтае — 146

Рис. 72. Центральный камень из памятника на месте Кольванского ручного завода. Публикуется впервые — 147

Рис. 73. Проект памятника в честь столетия Кольвано-Воскресенских заводов — 149

Рис. 74. Текст одной из двух мемориальных досок, предназначавшихся для обелиска в честь столетия Кольвано-Воскресенских заводов — 149

Рис. 75. Фрагмент чертежа Петра Чичагова 1729 года. Публикуется впервые — 154

Рис. 76. Алтайские предприятия Акинфия Демидова на карте Петра Чичагова 1729 года. Публикуется впервые — 155

Рис. 77. Демидовские рудокопы — 161

Рис. 78. Титульный лист рукописи книги В. Геннина — 165

Рис. 79. Чертеж демидовского завода на реке Белой. Публикуется впервые — 166

Рис. 80 Фрагмент карты из рукописи В. Геннина 1735 года. Публикуется впервые — 168

Рис. 81. «Котельная» — мастерская по производству медной посуды. Публикуется впервые — 172

Рис. 82 Медная посуда, изготовленная на Урале в XVIII веке — 174

Рис. 83. Герб Томска. Проект 1726—1729 гг. Публикуется впервые — 175

Рис. 84 Василий Никитич Татищев (1686—1750) — 176

Рис. 85 Екатеринбург начала 1730-х годов — 177

Рисунки на шмуцтитулах и концовки разделов

От авторов

Фрагмент карты начала XVIII века из «Служебной чертежной книги», составленной С. У. Ремезовым и его сыновьями. Над крупнейшей горной вершиной, изображенной на чертеже, помещена надпись:

«Камень

Великий Алтай
мнят главу его
быти до н[е]б[е]си» — 3

Вместо предисловия

Эмблема царства Сибирского на печати Ивана Грозного (с документа 1583 года) — 11

Концовка. Автограф царя Алексея Михайловича — 26

Глава 1

Герб Сибири из царской грамоты 1690 года — 27

Концовка. Автограф Петра I — 44

Глава 2

Золотая поясная бляха из кургана, разрытого сибирскими бугровщиками — 45

Концовка: Автограф Ивана Михайловича Лихарева. Публикуется впервые — 62

Глава 3

Сибирский бугровщик С рисунка из рукописной книги 1735 г. Публикуется впервые — 63

Концовка: Автограф генерал-лейтенанта Вильгельма Геннина Публикуется впервые — 86

Глава 4

Всезель Акинфия Демидова. Вторая четверть XVIII века — 87

Концовка: Автограф Гавриила Семеновича Украинцева. Публикуется впервые — 114

Глава 5

Герб рода Демидовых, сочиненный Ф. Санти в 1726 году — 115

Концовка. Автограф Акинфия Никитича Демидова — 132

Глава 6

Сторожевая башня Колывано-Воскресенского завода А Демидова С чертежа первой половины 1730-х годов. Публикуется впервые — 133

Концовка: Автограф Никифора Герасимовича Клеопина. Публикуется впервые — 156

Глава 7

Рубль Анны Иоанновны Лицевая сторона монеты с портретом императрицы — 157

Концовка. Автограф Леонтия Угримова. Публикуется впервые — 182

Примечания и приложения

Гномы — хранители подземных сокровищ Заставка из «Горного журнала» XIX века — 183

Концовка: Конечная заставка из книги Г И Спасского «Акинфий Никитич Демидов» (1833 г.) — 220

Приложение 1

Карта России в начале XVIII века — 200

Фото на обложке

Современный вид на пруд и плотину бывшего Колывано-Воскресенского завода А Демидова

КАРТА РОССИИ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

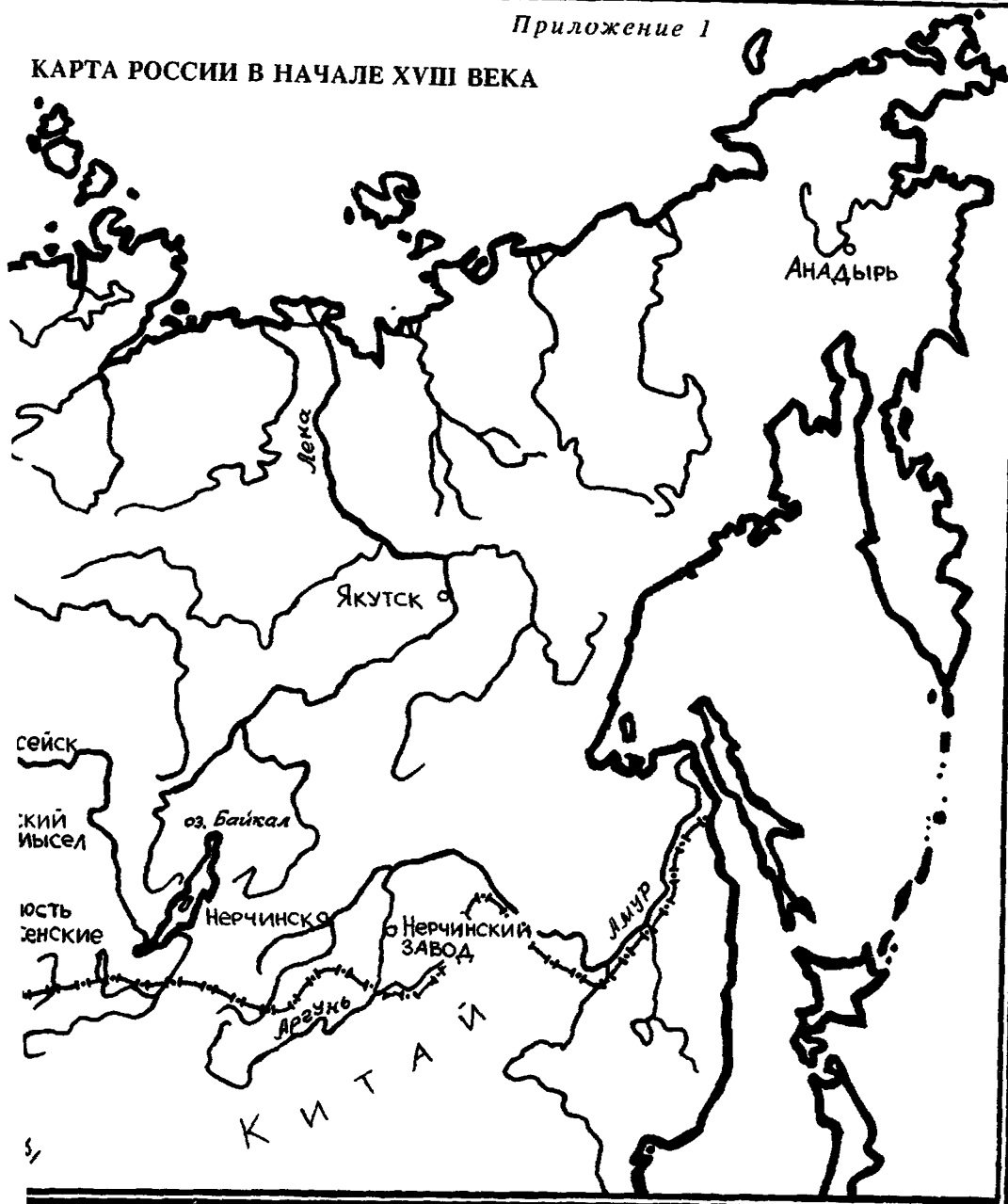

ТАБЛИЦА ПЕРЕСЧЕТА ДАТ

С 1 января 1700 года до 31 января 1918 года в России использовался юлианский календарь («старый стиль»). С февраля 1918 года наша страна перешла на григорианский календарь («новый стиль»).

Расхождения между датами старого и нового стиля различны для разных веков. Чтобы пересчитать старую дату по новому стилю к ней следует прибавить:

- с 15 октября 1582 г. по 11 марта 1700 г. — 10 дней;
- с 12 марта 1700 г. по 12 марта 1800 г. — 11 дней;
- с 13 марта 1800 г. по 13 марта 1900 г. — 12 дней;
- с 14 марта 1900 г. по 14 марта 2100 г. — 13 дней.

Например, А. Демидов получил разрешение на добычу и плавку алтайских руд 16 февраля 1726 года. Для перевода этой даты в новое летосчисление, к ней необходимо прибавить 11 дней: $16 + 11 = 27$ февраля 1726 года по новому стилю.

В XVI-XVII веках (вплоть до 1 января 1700 г.) на Руси счет лет велся от дней божественного «сотворения мира» и создания первого человека Адама, причем год начинался с 1 сентября, а заканчивался 31 августа. Переход на юлианский календарь, в котором летосчисление велось «от рождества Христова», а год начинался 1 января, был произведен по распоряжению Петра I. Царский указ от 19 декабря 7208 года предписывал день после 31 декабря 7208 г. «от сотворения мира» считать не 1 января 7208 г., а первым днем нового 1700 года «от рождества Христова», как и в большинстве стран Европы (ПСЗ, т. III, № 1735, с. 681).

Для перевода дат «от сотворения мира» на современное летосчисление нужно вычесть из них

5508 лет, если событие произошло в январе-августе, или 5509 лет, если речь идет о событиях сентября-декабря.

Например, указ о посылке Александра Левадиана на р. Коштак (см. главу 1. 3.) датирован 18 декабря 7205 года (ПСЗ, т. III, № 1561, с. 268).

7205 — 5509 = 1696. Таким образом, Петр I подписал этот указ 18 декабря 1696 года (по юлианскому календарю) или 28 декабря 1696 года (по принятому сейчас григорианскому календарю).

Среди старообрядцев порядок счета лет «от сотворения мира» сохранялся и в XVIII веке. В повествовании о самосожжении староверов-раскольников в деревне Елуниной (см. главу 4.6) сами старообрядцы относили это событие к «лету текущу от Адама 7231-му, марта в 24 день» (Мальцев, 1982, с. 238).

7231 — 5508 = 1723. Следовательно, «Елунинская гарь» произошла 24 марта 1723 года или 4 апреля 1723 года по новому стилю.

При составлении таблицы использовано учебное пособие И. П. Ермолаева «Историческая хронология». — Казань, 1980.

ЧИСЛОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ БУКВ

Единицы	Десятки	Сотни	Тысячи	Десятки в соединении с единицами	
А 1	Т 10	Ф 100	*А 1000	АТ 11	КА 21
В 2	К 20	С 200	*В 2000	ВТ 12	КВ 22
Г 3	Л 30	Т 300	*Г 3000	ГТ 13	КГ 23
Д 4	М 40	Ш 400	*Д 5000	ДТ 14	ЛВ 32
Е 5	Н 50	Ф 500	*З 7000	ЕТ 15	МГ 43
С 6	Ж 60	Х 600	Ⓟ 20000	СТ 16	НЕ 55
З 7	О 70	Ц 700	Ⓠ 70000	ЗТ 17	ОЕ 75
И 8	П 80	Щ 800	Ⓡ 300000	ИТ 18	РА 101
Ф, 9	Ч 90	Ц, 900	Ⓢ 500000	ФТ 19	РКВ 122

Обычно над каждой буквой или над всем числом, выраженным буквами, ставился особый знак — тигло (в таблице он дан в первом ряду и у чисел 101 и 122)

Буквы в каждом числе проставлялись в том порядке, в каком выговаривались числа. От 11 до 19 они произносились как «один на десять», «два на десять» (позже «двенадцать», отсюда — двенадцать) и т. д. Поэтому при написании чисел с 11 по 19 на первое место ставили единицы, а на второе — десятки

По этому же принципу отсутствующие в числе количества единиц, десятков, сотен и т. д. никак не обозначались.

Например, число 101 записывалось, как и выговаривалось, не тремя, а двумя буквенными знаками — «сто» и «один».

При написании дат в XVII — первой половине XVIII вв. часто опускалось начало числа (тысячи, сотни), подобно тому, как и мы часто говорим «в 917 году», «в 41 году».

При составлении таблицы использовано учебное пособие И. А. Климишина «Календарь и хронология» — М., 1990.

МЕРЫ ДЛИНЫ И ВЕСА В РОССИИ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Верста <i>путевая</i>	= 500 саженьей = 1,080 км
Сажень	= 3 аршинам = 216 см (кроме того известны: маховая сажень = 176 см, косая сажень = 248 см)
Аршин	= 16 вершкам = 72 см
Вершок	= 4,5 см
Пуд	= 40 фунтам = 16,3805 кг
Фунт	= 96 золотникам = 32 лотам = 409,5124 г
Лот	= 3 золотникам = 12,8 г
Золотник	= 96 долям = 4,266 г
Доля	= 0,04443 г
Центнер	= 100 фунтам = 2,5 пудам (мера веса, применявшаяся только в горном деле: см. ПСЗ, т. VII, № 5163, с. 864)

При составлении таблицы использовано учебное пособие Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова «Русская метрология». — М.: Высшая школа, 1975.

ГОРНЫЕ ЧИНЫ В РОССИИ В 1722—1734 ГОДАХ

(По «Табели о рангах» Петра I)

СТАТСКИЕ ГОРНЫЕ ЧИНЫ		ВОИНСКИЕ СУХОПУТНЫЕ РАНГИ	Классы по «Табели о рангах»
Советник в Коллегии		Полковник	6
—	—	Подполковник	7
Ассесор в Коллегии		Майор	8
Обер-Берг-Мейстер	(Старший горный начальник)		
—	—	Капитан	9
Секретарь в Коллегии		Капитан-Лейтенант	10
Берг-Мейстер	(Горный начальник)		
Обер-Цегенгнер	(Старший казначей)		
Обер-Берг-Пробирер	(Старший пробирный мастер)		
Гитенфервалтер	(Заводской управитель)	Лейтенант	12
Маркшейдер	(Горный межевщик)		
Форшт-Мейстер	(Лесной управитель)		
Берг-Гисворен	(Горный надзиратель)	в «Табели о рангах» чин не записан	
Механикус	(Механик)	Унтер-Лейтенант	13
Коммисар при Коллегии		Фендрик	14
Шихт-Мейстер	(Начальник смены)	в «Табели о рангах» чин не записан	

Таблица составлена авторами по «Табели о рангах всех чинов», подписанной Петром I 24 января 1722 года (ПСЗ, т. VI, № 3890, с. 486—493). Сохранена орфография документа.

В марте 1734 года императрица Анна Иоанновна своим указом утвердила новые штаты казенных сибирских горных заводов, предложенные Вильгельмом Генцином (ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 293—294), а в октябре 1734 года узаконила изменения, внесенные Василием Татищевым (ПСЗ, т. XLIX, часть 2. — Книга штатов. — Отделение четвертое. Штаты по гражданской части. — С.-Пб., 1830. — С. 34—35).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Ассессор (*латин.* — заседатель) — должность, введенная Петром I в правительственных учреждениях. Чин ассессора в коллегии с 1722 года приравнивался к рангу майора и соответствовал 8 классу «Табели о рангах» (см. приложение 5)

Бастион (*франц.* — укрепление) — выступ крепостной стены, обычно по углам, из которого обороняющиеся могли вести обстрел вдоль линии стен.

Батоги (батожье) — длинные палки.

Беломестные казаки — казаки, несшие службу по охране населенных пунктов и окрестностей без жалованья, за землю, освобожденную от податей.

Белые калмыки — русское название телеутов и других тюркоязычных народов Джунгарского ханства. В указе томского воеводы (см. главу I 4.) речь идет о телеутах, состоявших на русской военной службе (т. н. «выезжих» белых калмыках).

Берггаур (берггауэр) (*нем.* — рудокоп, забойщик) — в 1720—1730-х гг. так называли немецких рудных мастеров. С 1740-х гг. этим словом стали именовать горнорабочих, занимавшихся добычей руды или разработкой рудника.

Берггенворсен (*нем.* — горный присяжный) — горный чиновник, наблюдавший за работой на рудниках. Чин бергтшворена в 1720-х — первой половине 1730-х гг. фактически соответствовал 13 классу «Табели о рангах» (см. приложение 5).

Берг-коллегия — главное горное ведомство России, учрежденное вместо Рудного приказа в декабре 1719 г.

Берг-привилегия — горная привилегия, узаконенная указом 1719 года, по которой каждому желающему предоставлялось право искать руду на любых землях;

— разрешение на разработку и плавку руд заявленного месторождения, выдававшееся столичной Берг-коллегией частному лицу.

Боярский сын — в Московской Руси XVI—XVII вв. низший служебный чин, дававшийся представи-

телям сословия наследственных землевладельцев. Правительство наделяло их поместьями и платило небольшое денежное жалованье, а за это требовало, чтобы они несли обязательную военную службу.

Бугрование — сибирский промысел, состоявший в раскапывании древних захоронений в курганах («буграх») с целью добычи вещей из драгоценных металлов.

Бугровщики — жители Сибири, занимавшиеся бугрованием.

Ведомство — учреждение, обслуживающее какую-нибудь отрасль государственного управления (например, горное ведомство).

Ведомство слободы (крепости, острога) — учреждение, осуществляющее государственное управление на территории, подчиненной какой-либо слободе (крепости, острогу).

Винтовка («винтовальное» ружье) — в XVIII веке — ружье с винтовыми нарезами в канале ствола, благодаря чему оно стреляло точнее и дальше. В отличие от современных винтовок заряжалось с дула; из-за нарезки на это уходило в пять раз больше времени, чем для заряжания гладкоствольных ружей. Немецкое название такого ружья — пггунцер.

Воевода — первоначально — предводитель войска, военачальник. В конце XVII — начале XVIII вв. градоначальник, возглавлявший уезд или какой-либо другой административный район. С 1722 года чин воеводы приравнивался к рангу майора и соответствовал 8 классу «Табели о рангах».

Волость — административно-территориальная единица, объединявшая в XVII — первой половине XVIII вв. территориальные группы аборигенов Сибири, признававших власть русского царя. Волость являлась составной частью уезда.

Гармахерский [горн] (*от нем.* — «делать готовый») — металлургическая печь, в которой от «черной» меди отделялось железо и окончательно выжи-

гались серные примеси. В результате плавки в гармахерском горне получали чистую медь.

Гвардии майор — воинский чин, приравнивался к рангу армейского полковника и соответствовал 6 классу «Табели о рангах».

Генерал-майор — воинский чин, соответствовавший 4 классу «Табели о рангах».

Гиттенфервальтер (*нем.* — руководитель металлургического предприятия) — горный чиновник, обычно управляющий металлургическим заводом. Чин гиттенфервальтера в 1720-х — первой половине 1730-х гг. приравнивался к рангу лейтенанта и соответствовал 12 классу «Табели о рангах» (см. приложение 5).

Горн — печь с принудительным дутьем для переплавки металлов или кузнечный очаг, в котором нагревали металл для его последующей расковки.

Городовые казаки — служилые люди, использовались для защиты городов на окраинах России. За это правительство выделяло им землю в пожизненное пользование и платило жалованье. Обычно получали наименование от города, в котором несли службу.

Государственные крестьяне — особое сословие феодальной России, оформленное в 1724 году указом Петра I. Состояло из незакрепощенных земледельцев. Государственные крестьяне являлись лично свободными и жили на казенных землях, за что ежегодно платили государству денежный оброк. Правительство рассматривало государственных крестьян как казенное имущество и использовало их для разных целей.

Двойной раскольниковый оклад — ежегодный государственный налог со старообрядцев. По указу Петра I его размер вдвое превышал государственную подать, собирающуюся с крестьян (см. *Подушный оклад*).

Джунгары — коренное монголоязычное население Джунгарского ханства.

Дистрикт (*латин.* — округ) — административно-территориальная единица, введенная в России по реформе 1719—1720 годов вместо уезда. В

1726—1727 годах вновь восстановлено деление на уезды.

Дошаник — тип речного судна большой грузоподъемности.

Драгуны — кавалеристы, которые могли вести бой как в пешем, так и в конном строю.

Заводы — плавильное предприятие и обслуживающие его рудники. Нередко «заводами» называли и одно металлургическое предприятие, поскольку в его состав входило несколько различных производств.

Зайсан — наследный правитель рода у тюркских и монгольских народов.

Именной указ — указ, получавший силу государственного закона после того, как его подписал (поставил свое имя) монарх.

Казак (*тюркское* — удалец, вольный человек) — в XV—XVII веках так называли вольных людей, живших на окраинах Русского государства. В конце XVII — первой половине XVIII века казаки — часть вооруженных сил России, главным образом кавалерии.

Казачья Орда — русское название племennого союза казахов-кочевников, живших вблизи российской границы.

Казенный — принадлежащий казне, т. е. государству.

Казна — государственное имущество и все доходы, получаемые государством.

Калмыки — собирательное русское название монголоязычных племен, живших к западу от Алтайских гор. Этим термином обозначали и другие народы, населявшие Джунгарское ханство.

Киргизская земля — в документах XVII — начала XVIII вв. — русское название территории расселения киргизов, живших в бассейне Верхнего Енисея, и подвластных им народов Южной Сибири.

Киргизы — название тюркоязычного народа, жившего в XVII веке в бассейне Верхнего Енисея (предки современных хакасов) и в Средней Азии.

Князец (князек) — русское название главы рода у коренных народов Сибири.

Комиссар (*франц.* — уполномоченный) — го-

сударственная должность, введенная Петром I. С 1722 года чин комиссара приравнялся к низшему офицерскому рангу и соответствовал 14 классу «Табели о рангах» (см приложение 5). На предприятиях комиссар ведал распределением заводских работ, судом и расправой, управлением канцелярских, приходом и расходом денег.

Контайша (от монгольского титула «хунтайджи») — русское название титула правителя Джунгарского ханства

Копейка — единица русского денежного счета, возникшая в середине XVI века. В рубле содержалось сто копеек, в копейке — две денги или четыре полушки. Счет велся до $\frac{1}{4}$ копейки (полушки).

Котельная [фабрика] — мастерская, где делались котлы и другая металлическая посуда.

Конг — расходы на содержание.

Крепостные крестьяне — особое сословие феодальной России. В конце XVII—XVIII вв. к этой категории относилось все лично несвободное земледельческое население, закрепленное за помещальцами

Ландкарта (нем. — чертеж земли) — географическая карта, на которой изображена значительная территория страны.

Меховая [фабрика] — мастерская, где изготавливались и ремонтировались воздуходувные меха для плавильных печей металлургического завода.

Мунгалы — собирательное русское название монголоязычных племен, живших к востоку от Алтайских гор.

Мура — титул представителя знати у тюркоязычных народов Сибири.

Мусор (мусер) — измельченный древесный уголь, чистый или с примесью других добавок (глины, песка, щебня)

Мусорный амбар — хозяйственная постройка (амбар), где хранился «мусор».

Мушкет — короткое боевое ружье.

Намет — составная часть дворянского герба — декоративное обрамление щита в виде стилизованных листьев и завитков.

Недособоль — соболь, мех которого не достиг

необходимого качества, или шкурка этого животного.

Острог — небольшая крепость, стены которой образовывал частокол из свай, заостренных сверху. Название «острог» распространялось и на поселок, выросший при укреплении.

Пашпорт (паспорт) (франц. — разрешение на проезд) — в России первой половины XVIII века — разрешение на отлучку с местожительства. Эти документы стали обязательными в годы царствования Петра I. Введением паспортов государство пыталось ограничить и проконтролировать движение населения, предотвращая тем самым возможные отклонения от рекрутской повинности и от уплаты подушной подати.

Пищаль — тяжелое гладкоствольное ружье или небольшая пушка, заряжавшиеся со ствола. Находилась на вооружении русских войск в XV—XVII веках.

Подушный оклад — сумма основных платежей в казну с государственных крестьян. Подушный оклад взимался только с мужчин, независимо от их возраста. Ежегодные платежи состояли из подушной подати — государственного налога на содержание армии (в 1724 году — 74 копейки; с 1725 до 1794 года — $71\frac{1}{2}$ копейки) и государственной подати — денежного оброка, который государственные крестьяне платили в казну (в 1724—1744 гг. — 40 копеек; в 1745—1759 гг. к «четырегривенному окладу» было прибавлено 15 копеек). Общая сумма подушного оклада, таким образом, составляла для государственных крестьян в 1725—1744 годах 1 рубль $11\frac{1}{2}$ копеек (Дружинин, 1946, с. 48, 50).

Подьячий — писец; помощник дьяка, ведавшего канцелярскими делами в государственных учреждениях. Низший чин приказной администрации в России XVII — начала XVIII веков.

Приказы — органы центрального управления в России XVI — начала XVIII вв. Их наименование произошло от слова «приказ» (поручение). Приказы были постоянно действующими учреждениями.

имели свой штат и ведали определенным кругом вопросов

Приписные крестьяне — государственные крестьяне, которых по указу прикрепляли (приписывали) к частным или казенным заводам и обязывали трудиться на этих предприятиях в счет отработки подушного оклада.

Пробирный мастер — специалист, который производил пробы рудных образцов и определял количественное содержание металлов в рудах и состав полученных сплавов.

Промысел — занятие населения в свободное от основных работ время; вид заработка. В Сибири были распространены зверовой, бугровой, горный и другие промыслы

Прочетный указ — грамота, подтверждающая особые права и преимущества, предоставленные ее владельцу по государственному указу. Такую грамоту владелец хранил у себя и вручал чиновникам только для прочтения.

Пустынь — уединенное жилище монаха или раскольников монастыря.

Раскольниковики — см. *Старообрядцы*

Рекрут — в первой пол. XVIII века — новобранец, взятый в солдаты по повинности.

Рогатка — заграждение в виде продольного бруса, концы которого прикреплены к опорам из скрепленных жердей или тонких бревен.

Сенат — высший орган государственного управления. В России — высшее распорядительное, исполнительное и судебное учреждение, основанное Петром I в 1711 г.

Сенатский указ — указ, получивший силу государственного закона после утверждения его Сенатом.

Сибирский приказ — центральное правительственное учреждение в России XVII — начала XVIII вв., осуществлявшее управление Сибирью. С образованием Сибирской губернии в 1710 г. его функции были переданы сибирскому губернатору и губернской канцелярии в г. Тобольске.

Скит [старообрядческий] — деревня, где имела часовня, при которой жили один-два монаха-

старообрядца. Обязатели такого крестьянского поселения соблюдали правила монашеского устава, но жили семьями

Слобода — вид поселений в феодальной России. В XVIII веке «слобода» — крупное село, центр воеводства (административный центр для части территории и уезда)

Старообрядцы (староверы) — православные христиане, отказавшиеся признать церковные реформы, проведенные главой официальной русской церкви патриархом Никоном в 60-е годы XVII века. Они по-прежнему придерживались в богослужении старых правил и обрядов, за что преследовались властями.

Стряпчий (от рус. — «стряпать», т. е. «делать») — в XVI—XVIII вв. название некоторых должностных лиц в России, обычно несших хозяйственные обязанности.

Тайна — русское название титула высшей джунгарской знати

Татары — собирательное русское название тюркоязычных народов.

Товарищ — соучастник, помощник.

Тын — деревянный сплошной забор. Как городская стена делался частоколом («по острожному») или из горизонтально положенных бревен.

Уезд — административно-территориальная единица России. В XVII — начале XVIII вв. уезд состоял из города и подчиненных ему волостей, которыми управлял воевода. С начала XVIII века уезд — составная часть губернии

Указ — письменное приказание, повеление монарха или любого правительственного учреждения, адресованное нижестоящему ведомству либо лицу. Указ, подписанный монархом или утвержденный Сенатом, становился в России государственным законом

Улус — поселение тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири. «Улусом» нередко называли и все население, подвластное какому-либо князю, а также территорию, на которой оно проживало

Улусные люди — население, подвластное какому-либо князю.

Центнер (от *латин.* — «сто») — старинная мера веса, применявшаяся в горном деле. Равнялся 100 фунтам. Количество фунтов металла, выплавленного из центнера рудных образцов, соответствовало процентному содержанию металла в руде.

Чатские мурзы — чатская знать (см *Чаты*)

Чаты — тюркоязычный народ, живший в Верхнем Приобье на территории Томского уезда.

Челобитная — письменная просьба или жалоба.

Черная медь — неочищенная медь с примесями серы, железа и других металлов; она содержала от 50 до 90 процентов чистой меди

Черные калмыки — русское название монгольских народов Джунгарского ханства.

Шерть — присяга на верность московскому царю, к которой приводились представители коренного населения Сибири согласно их обрядам и вере

Шихта (*нем.* — рабочая смена) — в первой половине XVIII в — определенное число часов, которое каждый рабочий на руднике или заводе должен был находиться при назначенном ему занятии. «Шихтой» называли также смесь руды, легкоплавких добавок и угля в определенной про-

порции, приготовленную для загрузки в металлургическую печь.

Шихтмейстер (*нем.* — сменный мастер) — горный чиновник, который осматривал рудники, распределял людей на работы, следил за инструментами и припасами, вел учет добытой руды, а также приходу и расходу денежных средств. Чин шихтмейстера в 1720-х — первой половине 1730-х гг. фактически соответствовал низшему классу «Табели о рангах» (см. приложение 5).

Штейгер — горный мастер, непосредственно заведовавший подземными работами в руднике. Эта категория специалистов горного дела в первой половине XVIII века состояла из иностранцев и к «Табели о рангах» не приравнивалась.

Юрт — стойбище, поселение тюркоязычных народов. «Юртом» также называли земельное владение, территорию расселения.

Юртовские татары — томские татары, жившие оседло в сельских населенных пунктах. В указе томского воеводы (см. главу 1.4.) «юртовскими подводными татарами» названы обозники из числа этих жителей.

Ясак — натуральная подать, которую коренные народы Сибири платили Московскому государству. Вносился преимущественно пушниной.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абак, глава телеутского княжества в первой трети XVII в. — 56

Агрикола Георгий, немецкий специалист по горному делу и металлургии (первая половина XVI в.) — 131

Алей, сын и наследник сибирского хана Кучума (конец XVI — начало XVII вв.) — 21

Алексей Михайлович (Романов), русский царь в 1645—1676 гг. — 22, 23, 25, 26

Алексей Петрович (1690—1718), царевич, сын Петра I — 60

Амбу, правитель кочевников, живших в верховьях реки Чарыш и подчинявшихся джунгарскому хану (1720-е гг.) — 139, 149

Анги, глава одного из родов тунгусов в Забайкалье (вторая половина XVII в.) — 28

Анна Иоанновна, российская императрица в 1730—1740 гг. — 164, 174, 177, 205

Антуфьев Демид (1624—1664), тульский молотобоец, дед Акинфия Демидова — 77

Антуфьев Никита Демидович — см. Демидов Никита

Барятинский Данила, томский воевода в 1670-х гг. — 25

Башгу-хан, см. Галдан Бошокту-хан

Бачурин Михаил, крестьянин ведомства Чаусского острога, строитель Воскресенского завода (1729 г.) — 152

Бекбулат, правитель Сибирского ханства в середине XVI в. — 16, 18

Белковец Лариса Прокопьевна, историк — 194

Белл Джон (1691—1780), шотландец, врач, на русской службе с 1715 по 1747 г. Вместе с русским посольством проехал из Петербурга в Пекин в 1718—1719 гг. — 64

Блюэр Иоганн Фридрих, немецкий плавильный мастер, работавший в России в первой трети XVIII в. — 48, 71—73, 76, 85, 122, 191

Бривцын Павел, см. Прифцен Пауль

Брюс Яков Вилимович (1670—1735), глава артиллерийского ведомства в первой четверти XVIII в., первый президент Берг-коллегии — 117, 118

Булыгин Юрий Сергеевич, историк — 10, 193

Бухгольц Иван Дмитриевич, подполковник, руководитель военной экспедиции к верховьям Иртыша в 1714—1716 гг. — 49—54, 56, 58, 60, 61

Веймарн Ганс (Иван), генерал, по заданию Екатерины II составивший в 1766 году подробное историко-статистическое описание Кольваново-Воскресенских заводов — 184, 191—194, 196

Вельянов Григорий, глава русского посольства в Джунгарию в 1717—1718 гг. — 56, 58, 59

Виктор, иностранный горный мастер, работавший в Приуралье в конце XV в. — 15

Витсен Николаас Корнелиус (1641—1717), голландский географ и общественный деятель — 31, 32, 48, 81, 190

Владимир Святославич, киевский князь в 980—1015 гг. — 12, 13

Волков Григорий, воевода Кузнецкого уезда в 1670-х гг. — 25

Волков Михаил, приобский рудоознатец первой четверти XVIII в., один из первооткрывателей алтайских медных руд — 68, 72—77, 80, 177, 178, 191—193

Гагарин Михаил Петрович, сибирский губернатор в 1712—1718 гг. — 46, 48—51, 53, 54, 56, 58—60, 62, 65, 71, 72, 190, 193

Галдан Бошокту-хан (Банту-хан), правитель Джунгарского ханства в 1670-1697 гг. — 31, 46

Галдан-Церен, джунгарский полководец, правитель Джунгарии с 1727 по 1745 гг. — 61, 180

Геннин Георг Вильгельм (Вилим Иванович) (1676—1750), начальник Олонекских, а позже — Сибирских горных заводов — 67, 80—86, 92, 95, 97, 102, 109—111, 113, 117, 119, 121, 123—125, 134, 136, 137, 140, 141, 146, 150, 164, 167, 169, 173, 174, 176—178, 185, 194—196, 205

Георгий, саксонский горный мастер, работавший на Кольваново-Воскресенских заводах в конце 1720-х — начале 1730-х гг. — 140, 144, 150, 153, 156, 169, 170, 194

Гермап Бенедикт Франц Иоганн (Иван Филипович) (1755—1815), академик, исследователь горнозаводского производства в России — 93, 105, 110, 111, 136, 146, 153, 193—195

Гмелин Иоганн Георг (1709—1755), академик, путешествовавший по Сибири в 1733—1743 гг. — 103, 105, 135—139, 146, 148, 153, 163, 164, 167, 170, 184, 194—196

Годунов Борис, русский царь в 1598—1605 гг. — 21

Голиков И. И., историк конца XVIII века — 190

Головин, граф — 127

Головин Федор Архипович, демидовский приказчик на Алтае в начале 1730-х гг. — 144, 159, 194

Горбун Иван, томский рудознатец первой четверти XVIII в. — 67, 68

Гордеев Константин, горный офицер, работавший на Урале и на Алтае в первой половине XVIII в. — 141, 195

Григорьев Симеон, греческий мастер-рудознатец, служивший в России в конце XVII — начале XVIII вв. — 35, 36, 43

Гроот Георг Христоф (1716—1749), немецкий портретный живописец, с 1743 года работал в Санкт-Петербурге в качестве придворного художника — 127

Гуляев Степан Иванович (1805—1888), алтайский красвед — 101

Девлет-Гирей, крымский хан во второй половине XVI в — 18

Дежнев Семен Иванович (начало XVII — 1672/1673), русский землепроходец-мореход, казачий атаман — 21

Демидов Акинфий Никитич (1676—1745), владелец горных заводов на Урале и на Алтае — 8, 74, 75, 81, 86, 88, 89, 91, 93—95, 98—103, 105—107, 109—111, 113, 114, 116—125, 127—129, 131—144, 147—153, 155, 158—164, 167, 169—171, 173—182, 184, 185, 190—196, 202

Демидов Григорий Никитич (?—1729), средний сын Никиты Демидова (Антуфьева) — 128

Демидов (Антуфьев) Никита (1656—1725), знаменитый тульский оружейник, основатель династии Демидовых — 77—80, 82, 88, 89, 91, 92, 106, 111, 113, 116, 123, 125, 127—129, 138, 179, 180

Демидов Никита Никитич (?—1758), младший сын Никиты Демидова (Антуфьева) — 128

Демидов Прокофий Акинфиевич (1710—1786), старший сын Акинфия Демидова — 150

Дмитриев Матвей, демидовский приказчик, работавший на Кольванско-Воскресенских заводах в конце 1720-х гг — 158

Дмитрий Иванович Донской, московский князь в 1359—1389 гг. — 14

Долгоруков Михаил Федорович, сибирский губернатор в 1720-х гг. — 120, 125, 139, 149, 150

Егоров Стефан, демидовский приказчик, управляющий Невьянской заводской конторой во второй четверти XVIII в. — 134, 135, 149

Едигер, правитель Сибирского ханства в середине XVI в — 16, 18

Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская), жена Петра I, российская императрица, правившая в 1725—1727 гг — 62, 116, 117, 127—129, 137, 142

Екатерина II, российская императрица в 1762—1796 гг. — 184

Емельянов Александр Евгеньевич, художник — 161

Ермак Тимофеевич, казачий атаман конца XVI в. — 20, 21

Жемотин Савва, тобольский боярский сын (вторая половина XVII в.) — 25

Зубов Афанасий, кузнецкий стряпчий (вторая половина XVII в.) — 25

Иван, русское имя иностранного горного мастера, работавшего в Приуралье в конце XV в. — 15

Иван III Васильевич, московский князь в 1462—1505 гг — 14, 15

Иван IV Васильевич Грозный, великий князь всея Руси (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 по 1584 гг.) — 12, 14, 16, 18—21

Изотов Степан, демидовский плавильный мастер, опробовавший в 1726 году руды на Кольванском месторождении — 135, 136, 139

Ишютин Федор, рудоплавный мастер с Каменского завода на Урале (первая четверть XVIII в.) — 72—76, 83, 191

Ишютина Мавра, жительница Каменского завода, жена Ф. Ишютина — 74

Кабановы Леонтий и Андрей, братья, приобретенные рудознаты в 1720-х — 1740-х гг. — 101, 103, 105, 106, 109, 110

Калачев, капитан, член горного совета Сибир-

ского горного начальства в середине 1730-х гг. — 177

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), русский писатель и историк — 16, 189

Карташев Афанасий, горный офицер, работавший на Урале в первой половине XVIII в. — 121

Келлер, немецкий горный специалист, работавший по контракту на Урале в первой половине XVIII в. — 140, 141

Клеопин Никифор Герасимович (род. 1700 г.), горный офицер, руководивший строительством первых демидовских заводов на Алтае в 1727—1729 гг. — 140, 141, 144, 146—153, 156, 158, 163, 164, 167, 169, 170, 176, 194, 195

Кнеллер Готфрид (1646—1723), английский живописец-портретист — 33

Комаров Федор, приобский рудознатец первой четверти XVIII в., один из первооткрывателей алтайских медных руд — 68—73, 75, 76

Костылев Степан Григорьевич, крестьянин-рудознатец первой трети XVIII в., первооткрыватель алтайских медных руд — 65, 67—73, 75—77, 80—84, 89, 93, 98, 103, 106, 107, 109, 118, 120, 124, 125, 135—137, 176—179, 191, 193, 194

Костылев Яков Степанович, приобский рудознатец первой половины XVIII в. — 68, 83—86, 107, 109, 117, 125

Кривоносов Яков Егорович, историк — 10

Кудрявцев (Устюженин) Матвей, демидовский рудознатец, руководитель чарышских старообрядцев (первая половина XVIII в.) — 103, 105, 106, 110, 192, 193

Кудрявцевы Василий и Петр Матвеевичи, крестьяне деревни Елунча-Подтелеуцкая (1750-е гг.) — 193

Кучум, правитель Сибирского ханства во второй половине XVI в. — 16, 18—21, 46, 56

Лавров Семен, томский боярский сын (конец XVII в.) — 34—37

Лариев (Ларчев) Дмитрий, грек, находившийся на русской службе в конце XV в. — 15

Лариев (Ларчев) Мануил, грек, находившийся на русской службе в конце XV в. — 15, 16

Левандиан Александр, греческий мастер, рудознатец и плавильщик, находившийся на русской

службе в конце XVII — начале XVIII вв. — 31, 32, 34—40, 42, 43, 202

Левандиан Вениамин, греческий мастер-плавильщик, находившийся на русской службе в конце XVII — начале XVIII вв. — 38, 43

Левкин Еремей, греческий мастер-плавильщик, находившийся на русской службе в конце XVII в. — 28

Левкин Тимофей, греческий мастер-плавильщик, находившийся на русской службе в конце XVII в. — 28, 31, 32

Лихарев Иван Михайлович, гвардии майор, руководитель военной экспедиции к верховьям Иртыша в 1719—1720 гг. — 54, 60—62

Лосев Иван, тобольский подъячий (вторая половина XVII в.) — 25

Макаров Алексей Васильевич, личный кабинет-секретарь Петра I и Екатерины I — 127

Малеев Л., чиновник горного ведомства, автор труда по истории Алтайского горного округа (начало XX в.) — 192, 194, 196

Мамай (ум. 1380 г.), воссоздатель в Золотой Орде, фактически управлявший этим государством — 14

Манзу Бойдонов, правитель части западномонгольских и тюркских родов, кочевавших в «Телеутской земле» в 1700-х — 1710-х гг. — 58, 59

Мельников Петр, кузнецкий дворянин, проводивший в 1734 году перепись жителей ведомства Кольвано-Воскресенского завода — 162

Меншиков Александр Данилович (1673—1729), генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I, придворный фаворит при Екатерине I — 137, 138, 140, 142, 180

Миллер Герард Фридрих (1705—1783), академик, путешествовавший по Сибири в 1733—1743 гг. — 29, 40, 49, 52, 103, 135, 184, 189, 190, 194

Миллер Николай, пробирный мастер из Риги (конец XVII в.) — 31, 32

Мирович, переводчик и пробирный мастер, служивший на Урале в 1720-х гг. — 83

Митрофанов Гаврила Семенович — см Украинцев Гаврила

Михаил Федорович (Романов), русский царь в 1613—1645 гг. — 21, 22

- Моор К.**, художник начала XVIII в. — 54
- Мышан Кайлачков**, глава тюркоязычных родов, проживавших в конце XVII века в бассейне реки Кии — 29, 31, 32, 35
- Никон** (1605—1681), московский патриарх — 96, 209
- Останин Андрей Трифонович**, крестьянин деревни Кабановой (1730-е гг.) — 109
- Останин Леонтий Трифонович**, старообрядец, крестьянин деревни Кабановой (1730-е гг.) — 109, 193
- Останин Леонтий**, приобский рудознатец первой четверти XVIII века, один из первооткрывателей алтайских медных руд — 68, 83—86, 109, 193
- Останин Макар**, приобский рудознатец первой трети XVIII века, один из первооткрывателей алтайских медных руд — 68, 83—86, 176, 177
- Палец Степан Тихонович**, демидовский приказчик, руководитель Колывано-Воскресенских заводов в первой половине 1730-х годов — 159
- Паллас Петр Симон** (1741—1811), академик, путешествовавший по Сибири в 1770-х гг. — 195
- Петр I Алексеевич**, русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 по 1725 гг. — 32, 33, 35—40, 43, 44, 48—51, 53, 54, 56, 58—62, 71, 77, 79—82, 88—92, 96, 98, 111, 113, 116—118, 121, 123—125, 127—129, 138, 141—143, 179, 190, 202, 205—209
- Петр II**, российский император в 1727—1730 гг. — 142, 143, 149
- Петров Никита**, уральский горный специалист первой половины XVIII века — 75—77, 80, 83, 85
- Пирогов Сергей Иванович**, фотохудожник — 10
- Платонов Н.**, гравер начала XIX в. — 93
- Ползунов Иван Иванович** (1729—1766), изобретатель паромосферного двигателя непрерывного действия — 122
- Попов Михаил**, казачий десятник из Кузнецка (вторая половина XVII в.) — 25, 26, 32
- Порошин Андрей Иванович** (1707—1784), уральский горный офицер первой половины XVIII века — 119, 121
- Порсев Иван**, крестьянин ведомства Бердского острога, строитель Воскресенского завода (1729 г.) — 152
- Поспелов Семен**, горный офицер конца XVIII в., предполагаемый автор сочинения по истории Колывано-Воскресенских заводов — 193
- Прибыткова А. М.**, историк — 195
- Прифцен Пауль** (Бриццын Павел), немецкий рудный мастер (первая четверть XVIII в.) — 76, 77, 80, 83, 85, 191
- Пушин Федор**, томский боярский сын (первая половина XVII в.) — 22
- Ремезов Семен Ульянович** (1642—после 1720), сибирский картограф и историк — 3, 17, 20, 24, 31, 37, 49, 54
- Ржевский Василий Андреевич**, томский воевода в конце XVII века — 31, 32, 34, 36—39, 42
- Рожков Василий Иванович**, горный инженер конца XIX века, историк горного дела — 74, 190, 191, 194
- Розен Михаил Федорович** (1902—1989), краевед, автор научно-популярных работ по истории горно-металлургического производства на Алтае — 190, 195
- Сабанский Петр**, томский боярский сын (первая половина XVII в.) — 25
- Савинов Евстафий**, кузнецкий казак (вторая половина XVII в.) — 25
- Салтыков Петр**, тобольский воевода (вторая половина XVII в.) — 25, 26
- Санги Франциск** (Франц Матвеевич) (1683—1758), итальянский граф, состоявший с 1722 года на русской службе; составитель российских гербов — 129—131, 142, 175
- Семенов Гаврила** — см Украинцев Гаврила
- Семенов Дмитрий** (Козьи-Ножки), демидовский подьячий, руководитель рудоискательской экспедиции на Алтай в 1726 г. — 110, 111, 134—139, 158
- Семенов Иван**, сибирский расколучитель (первая четверть XVIII в.) — 98—100, 103
- Семенов Никифор** (1685/1686—1775), демидовский приказчик, рудознатец, управляющий Колывано-Воскресенским заводом в начале 1730-х гг. — 98, 100, 101, 106, 158, 159, 170
- Сергеев Алексей Дмитриевич**, историк — 10
- Серебрянин Федор**, кузнецкий служилый, плавищик (вторая половина XVII в.) — 25
- Симон Ж.**, гравер начала XVIII в. — 137

Соколовский Андрей, посадский г. Енисейска, пыгавшийся организовать добычу и плавку медных руд в Красноярском уезде в 1727—1734 г. — 194

Спасский Григорий Иванович (1783—1864), сибирский историк и публицист — 161

Степанов Илья — см. Харитонов Илья

Строгановы Григорий и Яков, приуральские солепромышленники конца XVI в. — 18—20

Строгановы, бароны (вторая четверть XVIII в.), потомки приуральских солепромышленников — 176

Сухов А., переводчик неизданной работы И. Г. Гмелина (1930-е гг.) — 194

Татищев Василий Никитич (1686—1750), управляющий Сибирскими горными заводами в 1720—1722 и 1734—1737 гг. — 71—77, 80—82, 85, 98, 124, 141, 163, 174—182, 196, 205

Тохтамыш, хан Золотой Орды в XIV веке — 14
Траханиот Юлий, грек, посол Ивана III (конец XV в.) — 15

Тупальский Степан, томский боярский сын (конец XVII в.) — 29, 31, 34, 36

Тухачевский Яков, томский боярский сын (первая половина XVII в.) — 21, 22

Угримов Леонтий, майор, член горного совета Сибирского горного начальства в середине 1730-х гг. — 177, 179—182, 196

Украинцев (Митрофанов) Гаврила Семенович (Гаврила Семенов) (1675/1676—1750), демидовский приказчик и известный расколучитель — 81, 84, 98—103, 105—107, 114, 158, 159, 192

Улагач, глава одного из тюркоязычных родов, проживавших в «Киргизской землице» в бассейне Верхнего Енисея (конец XVII в.) — 35

Уманский Алексей Павлович, историк — 10, 57

Унковский Иван, капитан артиллерии, руководитель русского посольства к джунгарскому хану в 1722—1724 гг. — 59, 191

Устоженни Матвей — см. Кудрявцев Матвей
Фадеев Петр, солдат, участник рудоисследовательской экспедиции Дмитрия Семенова на Алтай (1726 г.) — 135

Федор Иванович, русский царь в 1584—1598 гг. — 21

Федоров Андрей, кузнецкий казачий атаман (вторая половина XVII в.) — 25, 32

Фролов Петр Козмич (1775—1839), начальник Колывано-Воскресенских заводов в 1817—1830 гг. — 147, 148

Харитонов (Харитоновых) Илья Степанович (Илья Степанов), демидовский приказчик, первый управляющий алтайскими заводами в конце 1720-х гг. — 135—139, 146, 152

Хрущев Андрей, ассессор, член горного совета Сибирского горного начальства в середине 1730-х гг. — 177

Цэван-Рабдан, правитель Джунгарского ханства в 1697—1727 гг. — 56, 58, 59, 61, 180, 191

Чекин Егор, геодезист и картограф первой половины XVIII века — 184, 195

Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742), сибирский губернатор в 1719—1724 гг. — 71—73, 125

Чингисхан (около 1155—1227), полководец, основатель единого монгольского государства — 16

Чичагов Петр, геодезист, работавший в Верхнем Приобье в 1729 г. — 153, 155, 184, 195

Шлаттер Иоанн Вильгельм (Иван Андреевич) (1708—1768), пробирный мастер, специалист в области металлургии и горного дела — 122, 123, 129, 136, 138, 192—194

Щелов Иван Васильевич, сибирский историк второй половины XIX века — 94

Ярослав Мудрый, киевский князь в 1019—1054 гг. — 13

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакша, озеро — 56
 Австрия, государство — 93
 Азия (Азиатский континент) — 4, 31, 54
 Азов, город — 40
 Алей, река — 60, 68, 69, 71, 74-77, 84, 85, 95, 103—107, 109, 111, 120, 125, 161, 176, 190, 191, 193
 «Алейские горы» — 68, 69, 73, 75—77, 83, 93, 106, 107, 109, 111, 137, 178, 191
 Алексеевское, село — 160
 Алтай (Алтайские горы), горная страна — 3, 4, 6, 21, 22, 25, 46, 54, 56, 59, 61, 62, 65, 67, 68, 72, 73, 75, 76, 80, 83, 86, 93-95, 100, 101, 103, 106, 107, 109, 111, 113, 116—118, 120, 122-125, 127, 134—142, 144, 145, 147, 148, 150, 151, 153, 156, 159, 160, 162, 164, 181, 190, 191, 195, 196, 208, 212—215
 Алтайский горный округ — 6, 7, 213
 Алтайский край — 4, 6, 8, 16, 56, 64, 88, 99, 110, 153, 184
 Амстердам, город — 31, 32, 56, 81
 Амур, река — 28
 Анисимова, деревня — 64,
 Ануй, река — 58, 59, 104, 105
 Ануйский горный хребет — 6
 Аральское море — 54, 61
 Аргунский острог — 29, 38, 42
 Аргунь, река — 28, 29, 39—42
 Аристова, деревня — 179
- Барабинская низменность — 6
 Барнаул, город — 6, 22, 29, 56, 60, 101, 124, 148
 Барнаул (Барнаулка), река — 60, 64, 104, 105, 161
 Барнаульская Демидова деревня — 104
 Башкелакский горный хребет — 6
 Белая, река — 147—149, 151—153, 159, 164, 167
 Белое, озеро — 164, 169
 Белоаярская крепость (острог) — 59, 64, 84, 94, 99, 101, 103, 124, 151, 161
 Белоаярская слобода, административный центр — см Белоаярская крепость
 Белуха, гора — 6
 Бердский острог, административный центр — 59, 152, 161, 193, 214
 Бердь, река — 120, 193
 Бийская крепость — 124
- Бикатунская крепость — 22, 64, 124
 Бия, река — 22, 54, 64, 124
 Богоявленская гора (месторождение) — 169, 170
 Большая осьшь, гора (месторождение) — 169
 Бухарское ханство — 46
- Варганы, село — 160
 Верхнее Приобье, территория в бассейне верхнего течения р Обь — 16, 22, 59, 99-101, 105, 106, 123, 135, 150, 159, 162, 181, 192, 193, 209, 215
 Верхне-Тагильский завод — 89
 Верхний Иртыш, река — см Черный Иртыш
 Верхотурье, территория в верховьях р.Туры — 123
 Верхубинская гора (месторождение) — 169
 Византия, государство — 12
 Волга, река — 69, 127
 Воронеж, город — 32
 Воскресенская крепость — 152
 Воскресенские горы (месторождение) — 110, 153, 169
 Воскресенский завод — см Кольвано-Воскресенский завод
 Восточно-Казахстанская область — 6
 Выборг, крепость — 81
 Выг, река — 96, 100
 «Выговская пустынь» (Выгорецкий монастырь) — 95—98, 100, 159
 Выйский завод — 92, 152, 196
 Выя, река — 92, 152
 Вятка, город — 70
 Вятская провинция — 69
- Ганг, река — 3
 Германия — см Саксония
 Гладкая гора (месторождение) — 169
 Гобийский Алтай, юго-восточная часть Алтайских гор — 6
 Голландия, государство — 31, 32, 81
 Гольцовские горы (месторождение) — 169
 Горно-Алтайская (Ойрот-Турунская) автономная область — 6
 Горный Алтай, северо-западная часть Алтайских гор — 5, 6, 21, 25

Дарья — см. Еркен-Дарья
«Демидова заимка» (в устье р. Касмала) — 161
Джунгария (Джунгарское ханство), государство — 35, 46, 47, 49, 50, 53, 56, 58—60, 124, 149, 150, 180, 192, 206—208, 210, 211, 215
Древняя Русь — см. Киевская Русь

Европа — 43, 82, 202
Европейская Россия (Русь) — 119, 162
Елунипа, деревня — 99, 192, 202
Елунина-Подтелсуцкая, деревня — см. Телсутская
Екатеринбург, город — 84, 85, 93, 110, 111, 117, 119, 134, 141, 150, 153, 176—180
Ельдовка, село — 105
Енисей, река — 3, 21, 46, 54, 120, 207
Енисейск, город — 214
Енисейская провинция (разряд), административный район Сибири — 25, 120
Еркен (Еркетъ, Эркет, Иркет — совр. Яркенд), город — 46, 48—50, 53, 54, 56, 60—62
Еркен-Дарья, река — 46, 48, 54, 62

Забайкалье, территория к востоку от оз. Байкал — 26, 28, 29, 40—43, 142, 211
Зайсан, озеро — 54, 58, 60, 61
Зауралье, территория, прилегающая к восточному склону Уральских гор — 103
Западная Сибирь, территория от Урала до р. Енисей — 16, 185
Змеева гора (Змеиногорское месторождение) — 85, 109
Золотая Орда, государство — 14, 213, 214

Или, река — 58
Индия, государство — 54
Иня (Уснь), река — 120, 193
Ирмень, река — 64
Иртыш, река — 3, 6, 18, 20, 46, 48, 50—54, 56, 58—62, 67, 68, 74, 84, 85, 103, 136, 164, 169, 171, 177, 184, 190, 211, 213
Исеть, река — 141
Искер (Кашлык), укрепленное поселение в урочище Кашлык — 20, 21
Италия, государство — 15
Ишим, река — 46, 64, 65, 67, 98, 109
Ишимский дистрикт (уезд) — 103, 193

Кабанова, деревня — 105, 160, 213
Казанский уезд — 160

Казанское ханство, государство — 16
Казань, город — 16, 69, 90
«Казачья Орда», племенной союз — 49, 58, 76, 124, 149, 207
Казахстан, государство — 4, 6
Калва, река — 35
Кама, река — 91
Каменский завод, промышленное предприятие и поселок при нем — 72, 212
Каменский район Алтайского края — 56
Карасук, река — 64
Карелия, территория между Белым морем и Ладожским озером — 96
Касмала, река — 161
Катунь, река — 22, 54, 124
Кемеровская область — 6, 29, 76
Киевская Русь, государство — 12, 13
Кижское, село — 98
«Киргизская земля», территория в бассейне Верхнего Енисея — 35, 39, 207, 215
Китай, государство — 3, 4, 46, 54, 58, 62
Кия, река — 29, 35, 109, 213
Козловая гора (месторождение) — 169
Коксуйский горный хребет — 6
Кожух, река — 76, 169, 176
Кольван (Кольванское), озеро — 94
Кольванка (Локтевка), река — 139, 144, 146, 147, 153
Кольвано-Воскресенский горный округ — 6
Кольвано-Воскресенский завод, промышленное предприятие и поселок при нем — 101, 110, 134, 144, 147—153, 156, 158, 159—164, 167, 169—171, 173, 174, 177, 179—182, 184, 193, 195, 196, 211—215
Кольванская гора («гора Кольванка», Кольванская сопка) — см. Синоха
Кольванская камнерезная фабрика — 153
Кольванский горный хребет (Кольванские горы) — 6, 8, 94, 107, 136
«Кольванский ручной завод» — 144, 146, 148, 171
Кольванское месторождение (рудник) — 94, 106, 107, 110, 111, 135—137, 153, 169, 212
Кольвань, поселок в Курьинском районе Алтайского края — 2, 153, 167
Комчеданский острог — 103
Константинополь, город — 42
Корболинские горы (месторождения) — 169
Корга, река — 3
Коргонский горный хребет — 6

- Коркина слобода — 65, 193
 Костылева, деревня — 65
 Коглин, остров — 49
 Кошгак (Кошгат), река — 29, 31, 32, 34—40, 43, 123, 202
 Кошгакский острог — 36—40
 Кошгакское месторождение — 31, 32, 35
 Красноярский уезд — 194, 214
 Кронштадт, город-порт — 49
 «Кудрявцева заимка» — см. Порозиха
 Кудрявцева, деревня — 105, 160
 Кузнецк (Кузнецкий острог), город — 21, 22, 24, 25, 64, 120, 134, 149, 152, 193, 214
 Кузнецкие месторождения — 169
 Кузнецкий Алатау, горная страна в Южной Сибири — 76
 Кузнецкий уезд (дистрикт) — 64, 94, 95, 99, 106, 109, 117, 118, 120, 125, 132, 134, 136, 139, 140, 149, 151, 160, 161, 174—176, 179, 184, 193
 Куликово поле, местность — 14
 Кулундинская равнина (степь) — 6, 60
 Кунгур, промышленный поселок — 72, 73, 76
 Курьинский район Алтайского края — 2, 153
 Кыргызские месторождения — 169
 Кыргизская [Киргизская] степь, старинное русское название Кузнецкого Алатау — 176
- Ленский разряд, административный район Сибири — 25
 Листвяга, горный хребет — 6
 Лисья гора (месторождение) — 169
 Локтевка, река — 8, 107, 110, 111, 138, 139, 147, 161
 Локтевская гора (месторождение) — 169
 Лосиха, гора (месторождение) — 169
- Малая Чарыш, деревня — 105, 160
 Малышевская слобода — 161
 Мароска, река — 85
 Мароша, гора — 85
 Мсдвезья гора (месторождение) — 169
 Монголия, государство — 4
 Монгольский Алтай, центральная часть Алтайских гор — 6
 Москва, город — 16, 18, 20—22, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 37—40, 42, 43, 50, 69, 71—73, 81, 88—91, 141, 180
 Московская Русь, государство — 13—15, 18, 206, 210
- Мурзинская гора (месторождение) — 169
 Нарва, крепость — 77, 92
 Невьянский завод (Невьянск), промышленное предприятие и поселок при нем — 74, 75, 79, 81, 88—90, 103, 105, 106, 110, 111, 113, 116, 123, 127, 134—140, 144, 149, 152, 159, 160, 171, 173, 194, 196
 Нейва, река — 152
 Нерча, река — 28
 Нерчинск (Нерчинский острог), город — 28, 29, 38—40, 42, 43
 Нерчинские месторождения — 26
 Нерчинский завод, промышленное предприятие и поселок при нем — 41—43, 142
 Нерчинский уезд — 28, 40
 Нижегородский уезд — 128, 160
 Нижнетагильский завод — 182, 196
 Нижний Новгород, город, центр губернии — 127
 Нижний Тагил, город — 92
 Новгород, город — 13, 16
 Новосибирская область — 6, 21, 22, 64, 184
- Обь, река — 3, 16, 18, 21, 22, 29, 46, 54, 59, 64, 67, 68, 71, 75, 76, 84, 103—105, 120, 124, 149, 161, 164, 169, 171, 184, 190—193
 Ойрот-Туринская автономная область — см. Горно-Алтайская автономная область
 Ока, река — 128
 Олошеч, город — 96, 98, 101
 Олонецкий край (Олонецкий уезд) — 95, 96, 98, 100, 159
 Омск, город — 53
 Омская крепость — 61
 Омь, река — 46, 53, 180
 Онежское, озеро — 96
- Павловский район Алтайского края — 56
 Париж, город — 131
 Пекин, город — 211
 Первомайский район Алтайского края — 56
 Пермская губерния — 84
 Пермская провинция — 69
 Пермь, город — 70, 84
 Петербург — см. Санкт-Петербург
 Петровский завод — 102
 Печора, река — 15
 Пихтовские горы (месторождения) — 169
 Порозиха («Кудрявцева заимка»), деревня — 103, 105, 160
 Порозиха, река — 103

Порос, река — 75—77
Предалтайская равнина, территория, прилегающая к северо-западным склонам Горного Алтая — 6
Приснисейский край, территория в бассейне р. Енисей — 190
Приобский бор — 6
Приобское плато — 6
Приобье, территория в бассейне р.Обь — 40, 64, 67, 95, 99, 101, 103, 106, 120, 136, 140, 156, 159, 160, 178—181
Приуралье, территория, прилегающая к западному склону Уральских гор — 18, 211, 212
Пыскорский медеплавильный завод — 91
Пьемонт, область на северо-западе Италии — 129
Рига, город — 31, 213
Россия (Русское государство) — 4, 6, 8, 10, 21, 26, 32, 40, 44, 46, 48, 50, 52, 58, 60—62, 68, 69, 71, 73, 76, 77, 81, 86, 91—93, 111, 116—118, 123, 129, 130, 134, 150, 161, 171, 175, 180, 190, 201, 202, 206—209, 211, 212
Рудный Алтай, часть Алтайских гор в междуречье Чарыша и Иртыша — 5, 6, 44, 65, 83, 106
Русский Алтай, часть Алтайских гор в пределах России — 6
Русский Север, территория на севере Европейской России — 95
Саксония, государство — 71, 76, 111
Салаирский край (Салаир), горы в Южной Сибири — 6, 76, 77
Санкт-Петербург, город — 53, 60, 62, 69, 71—73, 79, 85, 90, 117, 118, 136, 140, 142, 144, 149, 180, 192, 211, 212
Свердловская область — 185
Селенга, река — 3
Семиинский горный хребет — 6
Семипалатинск, город — 61
Семипалатинская крепость — 61, 67, 124
Семипалатинская область — 6
Сердь, река — 29
Серебрянка, река — 29, 42
Сестрорецкий завод — 82
Сибирская губерния — 50, 60, 62, 69, 70, 82, 162, 184, 195, 209
Сибирская провинция — 69
Сибирское ханство («Сибирская земля»), государство — 16—18, 20, 21, 46, 211—213

Сибирское царство, часть русского государства — 12, 22, 70
Сибирь, территория России восточнее Уральских гор — 3, 16—21, 25, 26, 28, 31, 40, 42, 46, 49, 50, 54, 56, 60, 61, 63, 68, 69, 71, 72, 83, 86, 89—91, 94, 99, 100, 123, 134, 135, 138, 142, 143, 162, 174, 184, 195, 206—211, 213, 214
Синюха (Синяя сопка, Кольванская сопка), гора — 8, 94, 101, 106, 107, 110, 135, 138, 144, 152, 160, 195
Соликамск, город — 91
Соловецкий монастырь — 96
Сорокина, деревня — 193
Средняя Азия, территории к юго-западу от водораздела р. Иртыш — 54, 207
Степная гора (месторождение) — 169
Суксунский завод — 196
Сурковая гора (месторождение) — 169
Тальменка, река — 192
Тальменский район Алтайского края — 99
Тара, город — 50
Телеутская (Елунина-Подтелеуцкая), деревня — 193, 213
«Телеутская землица» — 56—59, 64, 213
Телеутский мыс — 56
Телеутское озеро — 56, 189
Телецкое (Телеское, Теленбинское), озеро — 21, 24, 25, 46
Тибет, горная страна — 46, 58
Тигирецкий горный хребет — 6
Тисуль, поселок — 29
Тихий океан — 21, 69
Тобол, река — 18, 20
Тобольск, город — 21, 25, 46, 48—51, 53, 56, 58—62, 69, 71, 73, 82, 142, 143, 149, 209
Тобольская провинция (разряд), административный район Сибири — 25, 120, 179, 195
Томск, город — 6, 21, 29, 31, 34—37, 39, 40, 64, 67, 68, 73—76, 80, 120, 134, 141, 146, 152, 175, 176, 179, 181, 191
Томская провинция (разряд), административный район Сибири — 25, 190, 193
Томский уезд (Томский дистрикт, Томский край) — 21, 29, 31, 32, 64, 67, 68, 73, 74, 81, 82, 94, 95, 99, 103, 109, 117, 118, 120, 125, 132, 134, 136, 140, 141, 151, 161, 174—176, 179, 191, 193, 194, 209
«Томские урочища» — 67—69

Томь, река — 68, 120, 193
Торсма (Тарсма), река — 193
Тугозвонова, деревня — 193
Тула, город — 79, 88, 111, 127, 128
Тулица, река — 79, 152
Тульский завод — 152
Турфан, город — 58
Тусюль (Тисуль), река — 29
Тянь-Шань, горная страна — 46

Уба, река — 136—138, 169, 177
Убинская крепость — 61
Убинское месторождение — 169
Уень, река — см. Иня
Уктусский завод (Уктус), промышленное предприятие и поселок при нем — 74—76, 80, 81
Улыбердь, река — 192
Унга, река — 193
Урал, регион — 14, 16, 19, 69, 71, 72, 75—77, 79—82, 88—92, 94—96, 98, 100, 101, 103, 105, 107, 110, 113, 116, 120, 122, 123, 127, 134, 135, 137, 138, 141, 149, 151, 153, 158—160, 164, 169, 174, 176, 180, 196, 212, 213
Уральские горы (Уральский хребет) — 14, 16, 18, 20, 21, 91
Урга, кочевая ставка хана — 58
Усть-Каменогорск, город — 6, 62
Усть-Каменогорская крепость — 61, 62, 124
Усть-Чарыш, поселок — 105
Усть-Чумышская, деревня — 149, 160, 176

Финский залив — 49
Фокино, село — 127, 128, 160
Фрейберг, город — 111

Хакасия, республика в составе России — 6
Холзун, горный хребет — 6

Центральная Россия, центральная часть Европейской России — 128, 160
Цильма, река — 15, 16, 189

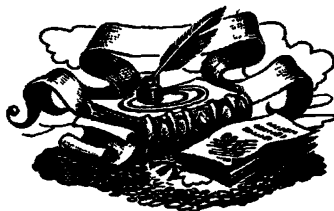
Чарыш, река — 58—60, 95, 103—105, 107, 109, 111, 120, 125, 138, 139, 148, 160, 161, 190, 193, 211
Чаусская слобода, административный центр — см. Чаусский острог
Чаусский («Чеужский») острог — 64, 67, 68, 73—77, 83, 109, 135—137, 152, 179, 211
Чергинский горный хребет — 6
Черный (Верхний) Иртыш, река — 61
Чингиз, река — 21
«Чингизский городок», укрепленное поселение — 21, 22
Чулым, река — 29
Чумыш, река — 99
Чуя, река — 54

Швеция, государство — 43, 77, 81, 82, 92
Шилка, река — 28
Шиловский рудник — 80

Эркетъ — см. Еркен

Южная Сибирь, территория — 111, 207
Юркино, село — 160

Язова (Езова — совр. Язово), деревня — 99, 161, 192
Якутск, город — 142
Ямышевская крепость (Ямышевский острог) — 52, 53, 56, 58, 60, 61, 180
Ямышевское озеро — 48—50, 52—54
Яркенд — см. Еркен

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	4
Вместо предисловия	
ДОЛГИЙ ПУТЬ К СОКРОВИЩАМ СИБИРСКИХ НЕДР	
От первых монет до первой руды (X—XV века)	12
Повелитель «всёя Сибири» (XVI век)	16
Первое серебро Алтайских гор (XVII век)	21
Глава 1. «СЕРЕБРО ДОМАШНЕЕ» (конец XVII — начало XVIII века)	
1.1. Руда с реки Аргунь (1672 — 1695 годы)	28
1.2. Подарок князю Мышапа (1695 — 1696 годы)	29
1.3 «Великий Государь указал» (декабрь 1696 — июнь 1697 года)	32
1.4. Начало коштакского промысла (июль — сентябрь 1697 года)	34
1.5 В поисках богатой руды (октябрь 1697 — осень 1698 года)	36
1.6 «А ныне то место совсем пусто» (июнь 1698 — 1700 год)	38
1.7. Нерчинское серебро (1700 — 1704 годы)	40
Глава 2. «В ВЕРШИНАХ ИРТЫШСКИХ СЫСКИВАТЬ РУДЫ» (1714 — 1721 годы)	
2.1. Золотой мираж (1714 год)	46
2.2. «Построить город у Ямышы озера» (май 1714 — ноябрь 1715 года)	49
2.3 В «земле древних поклаж» (1715 — 1716 годы)	51
2.4. Царская ошибка (1714 — 1719 годы)	53
2.5. Приказ Цэван-Рабдана (1717 — весна 1718 года)	56
2.6. «В Сибири уже ему губернатором не быть...» (1718—1721 годы)	60
Глава 3 «ОШЫЕ РУДЫ СУТЬ ЛУЧШИЕ И БОГАТЕЙШИЕ ПО ВСЕЙ СИБИРИ» (1718 — 1725 годы)	
3.1. Первооткрыватель алтайской меди (1718 год)	64
3.2. Экспедиция за алтайскими рудами (1719 год)	68
3.3. «Государево дело» (1719 — начало 1720 года)	69

3.4. Первая плавка (апрель — май 1720 года)	71
3.5. Алтайские рудознатцы и В. Н. Татищев (1720 год)	71
3.6. Легенда о беглеце Инютине (1721 год)	73
3.7 «Послать из школьников кого пристойно» (1721 год)	75
3.8. Уральское противостояние (1720 — 1722 годы)	77
3.9 Демидовский помощник (1722 год)	80
3.10. Вильгельм Геншин (1722 — 1723 годы)	81
3.11. По старым местам (1723 — 1725 годы)	83
3.12. «Жду от Берг-коллегии указу» (январь 1726 года)	85

Глава 4. «К ПРИИСКАНИЮ МЕДНЫХ И ДРУГИХ РУД ИМЕТЬ ОХОТУ»
(1702 — 1725 годы)

4.1. Уральский заводчик (1702 — 1718 годы)	88
4.2. Петровские привилегии (декабрь 1719 года)	89
4.3. Уральская медь Демидовых (1720 — 1722 годы)	91
4.4. В поисках алтайской меди рассказывают историки (1723 год)	93
4.5. В поисках алтайской меди рассказывает Акинфий Демидов (1724 — 1725 годы)	94
4.6. «У Демидова в лесу есть пустыня...»	95
4.7. В поисках алтайской меди рассказывают старообрядцы (1723 — 1725 годы)	99
4.8. Демидовские рудознатцы (первая половина 1720-х годов)	101
4.9. «Олонецкие старики» или местные охотники? (1723 — 1725 годы)	105
4.10. «Алейские горы» и Синяя сопка (1723 — 1725 годы)	106
4.11. Легендарная плавка (1724 — 1725 годы)	110
4.12. Наследник (1725 год)	111

Глава 5. «ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛАВЫ И ВСЕНАРОДНОЙ ПРИБЫЛИ»
(январь — март 1726 года)

5.1. Визит к императрице (10 января 1726 года)	116
5.2. «Всепокорно прошу решение учинить» (19 января 1726 года)	117
5.3. Второе прошение Акинфия Демидова (4 февраля 1726 года)	119
5.4. Берг-привилегия (16 февраля 1726 года)	120
5.5. Открытие Ивана Шлаттера (февраль 1726 года)	122
5.6. В поисках государственной выгоды (январь—февраль 1726 года)	123
5.7. Возведение в дворянство (24 марта 1726 года)	125
5.8. Зеленые лозы на серебряном поле	129

Глава 6. «ДЕМИДОВУ ЧИНИТЬ ВСЕВОЗМОЖНОЕ ПОМОЩЕСТВОВАНИЕ»
(1726 — 1729 годы)

6.1. Экспедиция Дмитрия Семенова (февраль — июнь 1726 года)	134
6.2. В поисках алтайского серебра (июнь — октябрь 1726 года)	136
6.3. Трудное начало (осень 1726 — осень 1727 года)	138
6.4. Никифор Клеопин (март — июль 1727 года)	140
6.5. Новые привилегии (сентябрь 1727 года)	142
6.6. Кольванский ручной завод (октябрь 1727 — февраль 1728 года)	144
6.7. Строительство на речке Белой (март 1728 — август 1729 года)	148

6 8. «Для государственной пользы» (март 1728 — август 1729 года)	150
6 9. Воскресенский завод (сентябрь — октябрь 1729 года)	152

**Глава 7 «ЗАВОДЫ ДЕМИДОВА МЕДНЫЕ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ НАШЕЙ
У НЕГО ВЗЯТЬ» (1729 — 1735 годы)**

7 1. Демидовские приказчики (октябрь 1729 — февраль 1735 года)	158
7.2. Демидовские работники (1727 — 1734 годы)	160
7.3 Алтайские предприятия Акинфия Демидова по свидетельствам современников (1730 — 1734 годы)	164
7.4. Прибыльная медь (сентябрь 1729 года — 1733 год)	170
7 5. Возвращение Татищева (март — октябрь 1734 года)	174
7.6 Судьба Степана Костылева (октябрь 1734 — февраль 1735 года)	176
7.7 Миссия Леонтия Угрюмова (ноябрь 1734 — март 1735 года)	179

ПРИМЕЧАНИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ

Список использованных источников и литературы	184
Примечания	189
Список иллюстраций	197
Приложение 1 Карта России в начале XVIII века	200
Приложение 2. Таблица пересчета дат	202
Приложение 3. Числовые значения славянских букв	203
Приложение 4. Меры длины и веса в России в XVII—XVIII веках	204
Приложение 5. Горные чины в России в 1722 — 1734 годах	205
Приложение 6. Словарь терминов и понятий	206
Приложение 7. Именной указатель	211
Приложение 8 Географический указатель	216

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

*Вадим Борисович Бородаев
Михаил Александрович Демин
Аркадий Васильевич Коитев*

**РАССКАЗЫ ПО ИСТОРИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Часть 1

1672—1735 годы

**Редактор Г. И. Безруков
Художник О. А. Федоренко
Фотограф С. И. Пирогов
Художественный редактор А. Е. Емельянов
Технический редактор М. С. Сафонова
Корректоры Г. Я. Ульченко, Л. В. Кайгородова**

Сдано в набор 15.01.1996 г. Подписано к печати 15.12.1996 г.
Формат 70×84/16. Бумага тип №1. Печать офсетная. Гарнитура
Таймс. Усл. печ. л. 15,26. Уч.-изд. л. 15,824. Тираж 10000 экз.
Заказ 1757.

Краевое государственное издательство «Пикет»
656015, Барнаул, пр. Ленин, 76

ОАО «Алтайский полиграфический комбинат»
656023 Барнаул, Титова, 3

1620-е годы — казаки, посланные из города Кузнецка, обложили данью население, жившее в горах Алтая около Телецкого озера.

1672 год — кузнецкие казаки доставили в Москву образцы серебряной руды, найденной в горах близ Телецкого озера. В столице из руды выплавили первое алтайское серебро.

1697—1699 годы — греческими мастерами во главе с Александром Левандианом впервые в Западной Сибири велась разведка серебряного месторождения на реке Коштак.

1715—1720 годы — поход русских войск в Алтайские горы к истокам Иртыша. Создание укрепленной пограничной линии вдоль правого берега Иртыша.

конец 1717—первая пол. 1718 года — по приказу правителя Джунгарии жившие в Верхнем Приобье кочевники переселились к Иртышу и в горы

1718—1720 годы — в состав России включена часть Рудного Алтая. Земли в бассейне рек Алея и Чарыша постепенно начали осваиваться русскими промысловиками.

1719 год — рудознатцы во главе со Степаном Григорьевичем Костылевым впервые обнаружили в горах Алтая, в верховьях реки Алей, месторождения медных руд.

весна 1720 года — в Москве немецкий мастер И. Ф. Блюэр выплавил из алтайских образцов первую медь.

1724—1725 годы — на Алтае работала первая рудоискательская экспедиция, посланная Акинфием Демидовым. Ее участники доставили уральскому заводчику образцы руд из месторождений, расположенных в бассейне рек Чарыша и Алея.

16 (27) февраля 1726 года — уральскому заводчику Акинфию Никитичу Демидову предоставлена «берг-привилегия» — разрешение на добычу и плавку медных руд в горах Алтая.

февраль 1726 года — в Петербурге из алтайской руды, представленной Акинфием Демидовым, кроме меди получено серебро.

весна 1726 года — демидовские мастера во главе с Дмитрием Семеновым построили первую печь для пробной плавки медных руд Колыванского месторождения.

осень 1727 года — под руководством Никифора Герасимовича Клеопина в крепости на реке Колыванке построен и пущен в действие «ручной завод» — первое медеплавильное предприятие Акинфия Демидова на Алтае.

весна 1728—лето 1729 года — сооружение Воскресенской крепости и нового металлургического завода на реке Белой (современный пос. Колывань Курьинского района).

21 сентября (2 октября) 1729 года — пущен Воскресенский медеплавильный завод, вскоре получивший название Колывано-Воскресенского.

23 марта (3 апреля) 1734 года — императрица Анна Иоанновна своим указом разрешила В. Н. Татищеву взять алтайские предприятия Демидова в собственность государства с условием выплаты преждему владельцу денежной компенсации.

19 февраля (2 марта) 1735 года — на Колывано-Воскресенский завод прибыла комиссия во главе с майором Леонтием Угримовым. Завод и рудники Акинфия Демидова оказались под управлением государственного уполномоченного.

